

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Председатель редакционного совета:

А.И. Бастрыкин, доктор юридических наук, профессор,
Председатель Следственного комитета РФ (г. Москва)

Члены редакционного совета:

И.А. Алебастрова, доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой конституционного и международного права ВГУЮ (РПА Минюста России) (г. Москва);

А. Герлох, профессор Карлова университета в Праге (Чехия);

Л. Гоцян, профессор Китайского университета политических наук и права (Китай);

В.А. Гуреев, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского процесса и организации службы судебных приставов ВГУЮ (РПА Минюста России) (г. Москва);

Н.Г. Иванов, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии ВГУЮ (РПА Минюста России) (г. Москва);

М.Н. Илюшина, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского и предпринимательского права ВГУЮ (РПА Минюста России) (г. Москва);

Л. Казертано, профессор частного права Университета INSUBRIA (Италия);

И.М. Колосова, кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовно-процессуального права и криминалистики ВГУЮ (РПА Минюста России) (г. Москва);

Е.Б. Козлова, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права ВГУЮ (РПА Минюста России) (г. Москва);

А.В. Морозов, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права, информатики и математики ВГУЮ (РПА Минюста России) (г. Москва);

В.В. Оксамытный, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права ИМПЭ им. А.С. Грибоедова (г. Москва);

Ю.А. Свиринов, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского процесса и организации службы судебных приставов ВГУЮ (РПА Минюста России) (г. Москва);

А.Ю. Соколов, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и муниципального права СГЮА (г. Саратов);

П.С. Яни, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва)

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Главный редактор: член редакционной коллегии, кандидат юридических наук, доцент, ректор ВГУЮ (РПА Минюста России)
О.И. Александрова (г. Москва)

Заместитель главного редактора: член редакционной коллегии, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии ВГУЮ (РПА Минюста России)
Б.В. Яцеленко (г. Москва)

Ответственный секретарь: член редакционной коллегии, кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра научных исследований ВГУЮ (РПА Минюста России)
Е.В. Фоменко (г. Москва)

Члены редакционной коллегии:

Д.А. Авдеев, кандидат юридических наук, доцент (г. Тюмень);

М.Б. Аверин, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);

Т.А. Батрова, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

Н.В. Бандурина, доктор юридический наук, доцент (г. Москва);

А.В. Безруков, доктор юридических наук, доцент (г. Красноярск);

Е.Г. Беликов, доктор юридических наук, доцент (г. Саратов);

Э.В. Богмацера, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);

С.В. Борисов, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

Д.Х. Валеев, доктор юридических наук, профессор (г. Казань);

О.Н. Волкова, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);

Р.С. Галиев, кандидат юридических наук, доцент (г. Барнаул);

А.В. Денисова, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

О.В. Исаенкова, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов);

З.М. Казачкова, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

В.И. Красиков, доктор философских наук, профессор (г. Москва);

К.Д. Крылов, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

В.В. Кулыгин, доктор юридических наук, профессор (г. Хабаровск);

В.Ф. Лапшин, доктор юридических наук, доцент (г. Рязань);

А.Н. Лёвшин, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

С.В. Максимов, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

Ю.В. Малеванова, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);

Р.Г. Нурмагамбетов, кандидат юридических наук, доктор философии по праву PhD, доцент (ассоциированный профессор) (г. Челябинск);

Н.А. Подольный, доктор юридических наук, доцент (г. Казань);

А.Г. Репьев, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

З.Б. Соктоев, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

Ю.Г. Торбин, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

С.Е. Чаннов, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов);

К.В. Черкасов, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

А.Ю. Чупрова, доктор юридических наук, профессор (г. Москва)

Учредитель издания:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

© Вестник Российской правовой академии, 2021

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации № 77–15470 от 20 мая 2003 г.

Номер подготовлен при информационной поддержке справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

THE COMPOSITION OF THE EDITORIAL COUNCIL

Chairman of the Editorial Council:

A.I. Bastrykin, Doctor of Law, Professor, Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation (Moscow)

Members of the Editorial Board:

I.A. Alebastrova, Doctor of Law, Head of the Department of Constitutional and International Law of All-Russian State University of Justice (Moscow);

A. Gerloch, Professor at Charles University in Prague (Czech Republic);

L. Guoqiang, Professor at China University of Political Science and Law (China);

V.A. Gureev, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Procedure and Organization of the Bailiff Service of All-Russian State University of Justice (Moscow);

N.G. Ivanov, Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, All-Russian State University of Justice (Moscow);

M.N. Ilyushina, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil and Business Law of All-Russian State University of Justice (Moscow);

L. Kazertano, Professor of Private Law at University INSUBRIA (Italy);

I.M. Kolosova, PhD in Law, Head of the Department of Criminal Procedural Law and Criminalistics of All-Russian State University of Justice (Moscow);

E.B. Kozlova, Doctor of Law, of the Department of Civil and Business Law of All-Russian State University of Justice (Moscow);

A.V. Morozov, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Information Law, Informatics and Mathematics of All-Russian State University of Justice (Moscow);

V.V. Oksamytny, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of Institute of International Law and Economy named after A.S. Griboedov (Moscow);

A.Yu. Sokolov, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Administrative and Municipal Law of Saratov State Law Academy (Saratov);

Yu.A. Svirin, Doctor of Law, Professor of the Department of Civil Procedure and Organization of the Bailiff Service of All-Russian State University of Justice (Moscow);

P.S. Yani, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University. (Moscow)

THE COMPOSITION OF THE EDITORIAL BOARD

Chief Editor: Member of the Editorial Board, PhD in Law, Rector of All-Russian State University of Justice **O.I. Alexandrova** (Moscow)

Deputy Chief Editor: Member of the Editorial Board, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of All-Russian State University of Justice **B.V. Yatselenko** (Moscow)

Executive Secretary: Member of the Editorial Board, PhD in Law, Leading Researcher at the Center for Scientific Research of All-Russian State University of Justice **E.V. Fomenko** (Moscow)

Members of the Editorial Board:

D.A. Avdeev, PhD in Law (Tyumen);

M.B. Averin, PhD in Law (Moscow);

N.V. Bandurina, Doctor of Law (Moscow);

T.A. Batrova, Doctor of Law (Moscow);

E.G. Belikov, Doctor of Law (Saratov);

A.V. Bezrukov, Doctor of Law (Krasnoyarsk);

E.V. Bogmatsera, PhD in Law (Moscow);

S.V. Borisov, Doctor of Law (Moscow);

S.E. Channov, Doctor of Law, Professor (Saratov);

K.V. Cherkasov, Doctor of Law (Moscow);

A.Yu. Chuprova, Doctor of Law, Professor (Moscow)

A.V. Denisova, Doctor of Law (Moscow);

R.S. Galiev, PhD in Law (Barnaul);

O.V. Isaenkova, Doctor of Law, Professor (Saratov);

Z.M. Kazachkova, Doctor of Law, Professor (Moscow);

V.I. Krasikov, Doctor of Philosophy, Professor (Moscow);

K.D. Krylov, Doctor of Law (Moscow);

V.V. Kulygin, Doctor of Law, Professor (Khabarovsk);

V.F. Lapshin, Doctor of Law (Ryazan);

A.N. Lyovushkin, Doctor of Law, Professor (Moscow);

S.V. Maksimov, Doctor of Law, Professor (Moscow);

Yu.V. Malevanova, PhD in Law (Moscow);

R.G. Nurmagametov, PhD in Law (Chelyabinsk);

N.A. Podolny, Doctor of Law (Kazan);

A.G. Repeyev, Doctor of Law (Moscow);

Z.B. Soktoev, Doctor of Law (Moscow);

Yu.G. Torbin, Doctor of Law, Professor (Moscow);

D.Kh. Valeev, Doctor of Law, Professor (Kazan);

O.N. Volkova, PhD in Law (Moscow)

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК), в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующей им отрасли науки: 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве (юридические науки), 12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право (юридические науки), 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право (юридические науки), 12.00.04 – Финансовое право; налоговое право; бюджетное право (юридические науки), 12.00.05 – Трудовое право; право социального обеспечения (юридические науки), 12.00.06 –

Земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право (юридические науки), 12.00.07 – Корпоративное право; энергетическое право (юридические науки), 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовноисполнительное право (юридические науки), 12.00.09 – Уголовный процесс (юридические науки), 12.00.10 – Международное право; Европейское право (юридические науки), 12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность (юридические науки), 12.00.12 – Криминология; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность (юридические науки), 12.00.13 – Информационное право (юридические науки), 12.00.14 – Административное право; административный процесс (юридические науки), 12.00.15 – Гражданский процесс; арбитражный процесс (юридические науки).

Опубликованные статьи выражают мнение авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. Редакция оставляет за собой право на внесение изменений и сокращений. Полная и частичная перепечатка материалов возможна с письменного разрешения редакции.

Published articles express the authors' opinion, which may not coincide with the point of view of the editorial office of the journal. The editors reserve the right to make changes and abbreviations. Full and partial reprinting of materials is possible with the written permission of the editorial office.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА. ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА.
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Скрябин И. В.

Особенности крестьянского правосудия
в России во второй половине XIX – начале XX вв.
(на материалах Тульской губернии)5

Артамонов А. Н., Кальченко А. И.

Федеральный закон об общих принципах
организации местного самоуправления в Российской
Федерации как законодательный эксперимент или
результат проявления правового нигилизма 12

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ

Яцеленко Б. В.

Юридические факты-состояния в структуре
Уголовного кодекса РФ и их значение 17

Борисов С. В., Федин А. Н.

К вопросу о дифференциации уголовной
ответственности за взяточничество 23

Курманов М. М.

Есть ли судебная власть в субъекте
Российской Федерации? 29

Бимбинов А. А.

Перспективы установления уголовной
ответственности за инцест 35

Цыбульский В. В.

Особенности тактики расследования
коррупционных преступлений, совершенных
сотрудниками ГИБДД 41

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

Гаврилов В. Н., Шебзухов С. М.

Феномен смарт-контракта: концептуальные
вопросы теории и возможности юридической
квалификации 49

Ульянов А. В.

О проблемах осуществления права на управление
имущественными комплексами в сфере
магистрального трубопроводного транспорта 58

Бандурина Н. В.

Правовые аспекты цифровизации при представитель-
стве интересов юридического лица в современной
практике предпринимательских споров67

Каменева З. В.

Жизнь, здоровье и личная неприкосновенность
как объекты гражданских прав 72

ОКАЗАНИЕ БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ
И ПРАВОВОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ.
ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.
РЕКОМЕНДАЦИИ ПРАКТИКУЮЩИХ ЮРИСТОВ

Колоколов А. В.

«Врачебная ошибка» или преступление:
где грань? 77

Уголькова Е. И.

Характер нарушений прав осужденных
на охрану здоровья и медицинскую помощь 86

ТРУДЫ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Демченко М. С.

Некоторые проблемы правового регулирования
волонтерской деятельности в чрезвычайных
ситуациях 94

Кособродов Н. В.

Правовое регулирование организации
и функционального взаимодействия судов
общей юрисдикции и органов, содействующих
осуществлению правосудия, в советский период,
постсоветский период и настоящее время 101

Омариева А. Н.

Некоторые особенности реализации презумпции
невиновности: отраслевой анализ 109

Сергунин К. Н.

Профессионализм судей как фактор повышения
эффективности правосудия 117

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ, ПЕРСОНАЛИИ

Бит-Шабо И. В.

Рецензия на коллективную монографию
«Правовое обеспечение реализации национальных
проектов социально-экономического развития
России до 2030 года» (отв. ред. доктор юридических
наук, профессор, Заслуженный юрист РФ
В.Б. Ястребов. М.: Проспект, 2021. 206 с.) 123

Казачкова З. М., Каменева З. В.

Цивилистический взгляд на монографию
Е. В. Фоменко, кандидата юридических наук,
доцента, ведущего научного сотрудника
Центра научных исследований ВГУЮ
(РПА Минюста России) 127

CONTENT

PHILOSOPHY OF LAW. LEGAL POLICY.
THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

Igor V. Skryabin

Peculiarities of Peasant Justice in Russia
in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries
(on the Materials of Tula Province).....5

Alexey N. Artamonov, Anna I. Kalchenko

Federal Law on the General Principles of the
Organization of Local Self-Government in the Russian
Federation as a Legislative Experiment or the Result
of the Manifestation of Legal Nihilism..... 12

PUBLIC LAW: THEORY AND PRACTICE OF APPLICATION

Boris V. Yatselenko

Legal Facts–States in the Structure
of the Criminal Code of the Russian Federation
and Their Significance..... 17

Sergei V. Borisov, Andrei N. Fedin

On the Differentiation of Criminal Liability
for Bribery 24

Midkhat M. Kurmanov

Is There a Judicial Power in the Subject
of the Russian Federation?..... 29

Arseny A. Bimbinov

Prospects for Establishing Criminal Liability
for Incest..... 35

Vasily V. Tsybulsky

Features of the Tactics of Investigation of Corruption
Crimes Committed by Traffic Police Officers 41

ACTUAL ISSUES OF PRIVATE LAW

Vladimir N. Gavrilov, Salim M. Shebzukhov

Smart Contract Phenomenon: Conceptual Issues
of Theory and Perspectives of Legal Regulation..... 49

Aleksey V. Ulianov

On the Problems of Exercising the Right
of Administration of Property Complexes
in the Main Pipeline Transport..... 58

Natalia V. Bandurina

Legal Aspects of Digitalization When Representing
the Interests of a Legal Entity in the Modern Practice
of Entrepreneurial Disputes..... 67

Zoriana V. Kameneva

Life, Health and Personal Integrity as Objects
of Civil Rights 73

PROVISION OF FREE LEGAL AID AND LEGAL
EDUCATION OF THE POPULATION. LEGAL EDUCATION.
RECOMMENDATIONS OF PRACTICING LAWYERS

Anton V. Kolokolov

“Medical Error” or Crime: Where Is the Line? 77

Elena I. Ugolokova

The Nature of Violations of the Rights of Convicts
to Health Protection and Medical Care 87

PROCEEDINGS OF YOUNG SCIENTISTS

Maxim S. Demchenko

Some Problems of Legal Regulation
of Volunteering in Emergency Situations..... 94

Nikita V. Kosobrodov

Legal Regulation of the Organization and Functional
Interaction of Courts of General Jurisdiction
and Bodies Promoting the Administration of Justice
in the Soviet Period, the Post-Soviet Period
and the Present 102

Alvina N. Omarieva

Some Features of the Implementation
of the Presumption of Innocence:
A Branch Analysis 110

Kirill N. Sergunin

Professionalism of Judges as a Factor
of Increasing the Efficiency of Justice 117

REVIEWS, PERSONALITIES

Inessa V. Bit-Shabo

Review on the Collective Monograph
“Legal Support for the Implementation of National
Projects of Socio-Economic Development of Russia
Until 2030” (Ed. by Doctor of Legal Sciences,
Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation
V. B. Iastrebov. Moscow: Prospekt, 2021. 206 p.)..... 123

Zemfira M. Kazachkova, Zoriana V. Kameneva

A Civilistic Look at the Monograph by E. V. Fomenko,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Leading Researcher of the Center of Scientific
Research of All-Russian State University
of Justice..... 127

ОСОБЕННОСТИ КРЕСТЬЯНСКОГО ПРАВОСУДИЯ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. (НА МАТЕРИАЛАХ ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ)

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-4-5-11>

Актуальность статьи обусловлена тем, что в последние десятилетия вновь возник интерес со стороны как историков, так и правоведов к своеобразию крестьянского правосудия во второй половине XIX – начале XX вв. и его влиянию на формирование правосознания крестьян. Данная статья посвящена выявлению позитивных и негативных сторон в работе специально созданных волостных судов, а также анализу правовой основы их деятельности – местного правового обычая. Основное внимание сконцентрировано на изучении причин правовой обособленности крестьянства, установлении изъянов сельского правосудия, анализе принципов и правил правового обычая, который тормозил буржуазное развитие пореформенной деревни. Предметом исследования выступают законодательство о волостных судах в Российской империи и правоприменительная практика осуществления правосудия в общине. Цель работы – осмысление деятельности волостных судов как судебного механизма и ее влияния на формирование правосознания крестьянского общества. Для анализа привлечен большой фактический материал из фондов волостных судов Тульского государственного областного архива. Новизна исследования состоит в попытке на основе изучения архивных материалов представить доказательства невозможности качественного улучшения эффективности деятельности волостных судов, так как их решения принимались на основе местных обычаев. Методологическую основу исследования составили метод диалектики как общенаучный метод познания, а также такие частнонаучные методы, как формально-юридический, сравнительно-правовой, историко-логический в их различном сочетании. В результате исследования сделан вывод о том, что особое сельское правосудие не оправдало надежд правительства, не решило возложенных на него задач.

СКРЯБИН

Игорь Валерьевич

кандидат исторических наук,
доцент, доцент кафедры
государственно-правовых
дисциплин Тульского института
(филиала) Всероссийского
государственного университета
юстиции (РПА Минюста России)
(г. Тула)

ig1012008@yandex.ru

**Официальный закон;
обычное право;
волостной суд;
капиталистическое развитие
деревни;
крестьянская реформа 1861 г.;**
принципы обычного права;
изъяны обычного права

Igor V. SKRYABIN

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor, Department
of State Law Disciplines,
Tula Institute (Branch) of All-Russian
State University of Justice (Tula)
ig1012008@yandex.ru

**Official law;
customary law;
volost court;
capitalist development of village;
peasant reform of 1861;
principles of customary law;
flaws of customary law**

PECULIARITIES OF PEASANT JUSTICE IN RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY – EARLY 20TH CENTURIES (ON THE MATERIALS OF TULA PROVINCE)

The relevance of the article stems from the fact that in recent decades there has been a renewed interest, both on the part of historians and legal scholars, in the peculiarity of peasant justice in the second half of the 19th – early 20th centuries and its impact on the legal consciousness of the peasants. This article is devoted to identifying positive and negative sides in the work of specially established volost courts, as well as an analysis of the legal basis of their activities – the local legal custom. The main attention is concentrated on studying the causes of legal isolation of the peasantry, establishing the defects of rural justice, analyzing the principles and rules of legal custom, which hampered the bourgeois development of the post-reform village. The subject of the research is the legislation on the volost courts in the Russian Empire and the law enforcement practice of justice in the community. The aim of the work is to comprehend the activity of volost

courts as a judicial mechanism and its influence on the formation of legal consciousness of the peasant community. A large amount of factual material from the funds of the volost courts of the Tula State Regional Archives is used for the analysis. The novelty of the research consists in the attempt, based on the study of archival materials, to present evidence of the impossibility of qualitative improvement in the efficiency of volost courts, as their decisions were made on the basis of local customs. The methodological basis of research was the method of dialectics as a general scientific method of knowledge, as well as such specific scientific methods as formal-legal, comparative-legal, historical-logical in their various combination. As a result of the study, the conclusion is that the rural justice has not fulfilled the expectations of the government and has not solved the tasks assigned to it.

Дореволюционные специалисты в области общинного хозяйствования (П. Вениаминов, К. Р. Качаровский, Н. П. Огановский, И. В. Чернышев и др.) справедливо указывали, что к оценке земледельческой общины следует подходить комплексно и рассматривать все направления ее деятельности. Свободная поземельная община – явление сложное, многогранное, уникальное, просуществовавшее вопреки всему с 1861 по 1917 г. Она охватила жизнь огромного количества крестьянства и вовлекла в свои отношения все сословия России. Возврата к данной форме хозяйствования в истории страны больше не было, но это ничуть не влияет на снижение интереса ученых к этому социально-культурному, экономическому и правовому феномену.

Несомненно, что правосудие в российской деревне во второй половине XIX в. и само было специфичным и неподражаемым явлением и заслуживает специального изучения.

Реформа 1861 г. не только ликвидировала крепостное право и дала свободу миллионам крестьян, но и предоставила им одинаковые права с остальными сословиями в юридическом отношении. Вотчинный суд упразднился, и возникла проблема, где и на какой правовой основе решать споры селян и разбирать их нарушения. Ее обсуждение стало дискуссионным на длительное время.

Авторы грядущих преобразований почти 10 лет полемизировали о том, надо ли на крестьян распространять нормы государственного права или предпочтительнее отдать правовому обычаю, а также передать ли тяжбы селян судам общей юрисдикции или специально созданным для этого крестьянским судам. В результате обсуждений правительство выбрало половинчатое решение: подчинить крестьян нормам позитивного права (как и всех подданных Империи) и разбирать их дела в судах общей юрисдикции, но в то же время по ряду правоотношений разрешить им применять нормы обычного права в созданных для этого волостных судах.

В «Общем положении о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» были отчетливо изложены те немногие виды правоотношений, на которые распространялся правовой обычай, а также тяжбы, по которым решения принимались в волостных судах. Они охватывали только три направления:

1) семейные правоотношения (попечительство малолетних сирот, назначение им опекунов и попечителей с дальнейшим контролем за ними);

2) имущественные правоотношения (лишить или ограничить права крестьян на собственность разрешалось только по суду или по приговору схода);

3) наследственные правоотношения (вопросы наследования имущества решались на основе местных обычаев).

Кроме перечисленного волостным судам дозволялось рассматривать споры селян о движимом и недвижимом имуществе, дела о неуплате подушного налога, а также претензии о невыполнении договоров займа, купли-продажи и найма на сельские работы.

Возникает вопрос: почему реформаторы выбрали компромиссное решение проблемы организации сельского правосудия? Анализ различных источников помогает выявить целую группу таких причин:

1) крестьянам предоставлялось сословное самоуправление;

2) необходимость учитывать своеобразие жизни общины;

3) желание упрочить право и порядок в деревне руками самих крестьян;

4) необходимость создать условия для приспособления селян к государственным законам, повысить уровень правосознания этой категории населения;

5) отсутствие специалистов в области правового обычая в городе и т.д.

Как удалось установить, практики и ученые того времени неоднозначно определяли ценность половинчатых перемен в крестьянском судопроизводстве. Одни реформу встретили с воодушевлением, а другие – весьма осторожно и скептически. Первые

считали, что только такой суд защитит интересы общинников, что свой суд на основе обычая – это благо, полезное и нужное учреждение. Они указывали следующие его достоинства: деревенский суд обеспечивает скорость, доступность, дешевизну, понятность, ясность судебных действий. Важно было то, что судьи и участники споров были из крестьянской среды, «одного поля ягоды», одного уровня культуры и однородных взглядов, знали с детства все друг о друге и умели мудро и справедливо решать сложные тяжбы.

Кроме того, судопроизводство в волостном суде было чрезвычайно простым и несложным, не стесненным громоздкими формальностями. Расположен он был близко от дома, а также важно, что его решения могли быть мягче, чем в государственном суде. Крестьяне не испытывали страха, охотно шли в свой, как они называли, «лапотный суд», так как волостной суд, вынося приговор, учитывал и заслуги виновного, и его болезненное состояние, и его бедность, и физические недостатки, а также положение подсудимого в семье.

В силу перечисленных положительных моментов волостной суд готовил крестьян к более высокой ступени правовой культуры и восприятию государственных законов [1].

Однако, несмотря на эти положительные отзывы специалистов того времени о достоинствах волостных судов, все государственные комиссии, обследовавшие их деятельность в первые десятилетия, постоянно давали им отрицательные оценки, хотя никогда ни одна комиссия не предлагала их распустить. Опираясь на местный обычай, суд в деревне допускал множество ошибок и злоупотреблений в своей работе и зачастую не справлялся с задачей защиты прав добропорядочных общинников. Анализ опубликованных результатов обследований этих судов и прежде всего отчет комиссии М. И. Зарудного, а также привлеченные архивные материалы из фондов волостных судов Тульской губернии (Ф.771, Ф.813, Ф.2208, Ф.2254) позволили выявить следующие типичные недостатки крестьянского судопроизводства [2]:

- низкий образовательный уровень крестьянских судей. Экзамен на грамотность и знание законов среди судей не проводили;

- оплата членам суда невысокая, приходилось добирать вознаграждение с истцов и ответчиков. Совмещали функции в суде с работой в своем хозяйстве;

- большое влияние на принятие решений в суде со стороны писаря, сельского старосты и уездного начальства;

- обычные явления – подкуп судей, лихоимство и угощение членов суда перед заседанием;

- гражданские и уголовные дела суд разбирал в устной форме;

- требование четко записывать применяемый конкретный обычай не выполнялось. Обычай назывался, но суть его не излагалась;

- судьи часто не знали местных обычаев или традиции вообще отсутствовали. Решения принимали произвольно, заведомо пристрастно;

- суд сам проверял примененный обычай на подлинность;

- стремление суда во всех случаях защищать интересы общины, пренебрегая при этом интересами личности. Желание всегда примирить конфликтующие стороны, даже если одна из них терпит убытки;

- превалирование понимания справедливости не по закону, а по условиям и обстоятельствам;

- при допросе свидетелей большую роль играла их личность, а меньшую – суть их показаний;

- показания одного свидетеля являлись основой для принятия решения. Огромное значение в судебных доказательствах имела клятва в правоте. В государственном суде она не применялась;

- виды и размеры наказаний судьи определяли согласно собственным усмотрениям;

- применяли устаревшие формы наказаний – посрамление, битье кнутом, «угощение суда водкой по приговору»;

- адвокаты и заключение экспертизы не привлекались. Кассация и апелляция решений отсутствовали.

При такой неудовлетворительной ситуации правительство вынуждено было систематически совершать шаги по улучшению сельского правосудия: периодически принимались различные разъяснительные постановления Сената, создавались всевозможные комиссии, обсуждались проблемы в прессе. В результате в 1889 г. было опубликовано новое законодательство о волостных судах, которое сужало рамки действия правового обычая, повышало эффективность работы судов и увеличивало контроль за ними со стороны администрации и дворян. Однако никакие усилия и решения власти были не в состоянии сгладить недостатки в сельском судопроизводстве, которые существовали из-за изъянов обычного права и мешали защите интересов общинников.

Самым слабым местом деревенского правосудия являлась локальность обычного права, так как общинники жили довольно замкнутыми территориальными единицами и многие конкретные обычаи даже в соседних уездах попросту не знали. При такой ситуации никакой системы обычного права появиться в России не могло. В лучшем случае издавались специальные сборники местных обычаев отдельных районов страны. Часть авторов (например, профессор П. А. Никольский [3, с. 80–81]) считали, что правовые обычаи в некоторых уездах вообще отсутствуют. Крупный чиновник Министерства финансов М. П. Кашкаров, обследуя Тульскую губернию на рубеже веков, отметил, что при разговорах с крестьянами об обычаях они проявляли полное непонимание [4, с. 15]. В такой обстановке Сенат двумя своими

решениями (1891 и 1896 гг.) позволил волостным судам рассматривать практические дела «по существу» не ссылаясь на обычаи: «Волостные суды имеют право по совести и своему внутреннему убеждению оценивать предоставленные сторонами доводы» [5, с. 216–217]. Вскоре из Тульской губернии уже сообщали, что правовые обычаи заменили усмотрениями, начиная с волостного суда и кончая губернским присутствием.

Многие специалисты и ученые конца XIX в. считали, что правовая обособленность крестьян не оправдывала надежд, которые на нее возлагали. Устаревшие правовые обычаи, как и выдуманные новые, создавали процессуальные и иные трудности при разрешении жалоб селян, становясь тормозом в модернизации сельского хозяйства страны, мешали развитию буржуазных отношений в деревне. Особенно архаичными и консервативными оказались принципы и правила, на которых основывалось обычное право и которыми вначале восторгались сторонники реформы 1861 г. Проанализируем эти принципы с опорой на тульские архивные материалы.

Вначале определим отношение общинников к воровству, которое уголовное право издревле запрещало и строго наказывало за него. Многие крестьяне к хищению чужих вещей относились неодобрительно, но в то же время они могли спокойно зайти во владельческий лес и срубить все, что им могло пригодиться для ведения хозяйства. Лесные порубки не считаются грехом, заявляли крестьяне. Согласно правовым взглядам крестьян следующие действия не относились к числу преступлений: сбор хвороста, грибов и ягод, охота в чужом лесу, ловля рыбы в помещичьем пруду, покос травы на соседском лугу и даже заготовка дров [6]. Селяне твердо заявляли, что не может быть собственностью то, к чему не приложен труд. Если перечисленное никто не сажал, не растил, значит, все это общее. Можно смело брать – тут нет ни какого нарушения.

Продолжением этого правила была и следующая установка: кради, если это в интересах крестьянского двора, но никогда не задевай при этом хозяйственные интересы общины.

Под влиянием общины во время краж селяне действовали очень избирательно, похищали не у всякого соседа, а у лиц состоятельных. Из уездов сообщали, что бедные у бедных воруют редко, а у состоятельных присваивают все. Особенно часто крали у помещиков, заявляя при этом, что у бывшего барина всего много, хватит на всех. Завистливое отношение к собственности соседа не способствовало буржуазному развитию села. Местные кулаки делали попытки продвинуться по капиталистическому пути, но правовой обычай не защищал их преобразований. Главным для него был круг интересов мира. В русской дерев-

не в силу особенностей исторического общинного развития слабо применялись принципы из римского частного права, что преломлялось в непонимании и невосприимчивости института частной собственности. Здесь не могло сразу возникнуть у бывших крепостных крестьян идейной базы для уяснения священности и неприкосновенности любого чужого имущества. Кроме того, не стали общинники собственниками и по результатам реформы 1861 г., так как земли они получили не во владение, а в пользование.

Мало отражались традиции и устои римского права и на практике договорных отношений в деревне. Дух общины и обычай отразились и на характере заключения крестьянских обязательств. Правило «долг платежом красен» не стало среди общинников стойким убеждением. Этому способствовал ряд обстоятельств:

- община подталкивала крестьян к быстрой уплате долга только по договорам, за которые она отвечала по круговой поручке;
- иногда волостные суды крестьян-должников освобождали от возврата долга или переносили срок оплаты;
- договоры преимущественно заключались в устной форме и держались на личной репутации сторон;
- в деревне использовали не все виды гарантий исполнения обязательств.

Так, например, обычай не фиксировал заранее определенной твердой оплаты пени за невыполнение договора. Если возникал спор между сторонами, то волостной суд, произвольно по своему усмотрению, исходя из личных качеств участников тяжбы, назначал размер неустойки. Иногда кулак, который оказывался в опале у односельчан, мог и проиграть судебный процесс. Компенсация существовала и в денежной форме, и в форме так называемых позорящих действий. Есть пример, когда у лошади неистового должника на потеху всей деревне отрезали хвост. В другом случае нарушителя договора водили по всей деревне, а затем его шапку на две недели выставляли на шесте над крышей.

Обычное право, как и официальный закон, предусматривало некоторые средства, гарантировавшие выполнение договора, но они были с разными ограничениями. Так, например, разрешалось выплату долга подстраховывать залогом имущества. Но предметом залога являлось только движимое имущество. Не встречаются случаи залога земли или дома. Здесь опять община боялась потерять своего налогоплательщика в случае его разорения и не разрешала прибегать к ипотеке.

Представляет интерес и договор купли-продажи в деревне, который часто сопровождался обманом, но обычным правом он не порицался. Тульские писатели отмечали случаи, когда продавцам удавалось всучить больную лошадь или корову, затол-

коть в прессованное сено камни [7, с. 396]. Обычай не осуждал подобные действия и даже стремился их одобрить, так как порицался нередко покупатель-ротозей, а не продавец-ловчила. Как обычно на первый план выходила общинная целесообразность. Из Одоевского уезда Тульской губернии по этому поводу писали: «Не всякое преступление сопряжено с грехом, например, обмануть при продаже произведений сельского хозяйства – не грех, потому что все жульничают теперь» [8].

Демонстрировала община свою заинтересованность и при исполнении договора найма на сельские работы. Этот договор являлся добровольным, однако мир всячески подталкивал к нему бедных домохозяев, их жен и даже детей. В деревне бытовала поговорка: «Соха кормит, ремесло поит, а платежи на стороне». Важно было, чтобы налогоплательщики за сезон добыли к осени нужную сумму. А для этого подключался волостной суд, который контролировал условия найма и стремился своими решениями крестьян-недоимщиков удержать у нанимателей. Архивные материалы из фондов волостных судов показывают, что местные суды всегда были на стороне нанимателей и батраков вынуждали интенсивно работать, жить в плохих условиях, беспрекословно подчиняться, не прогуливать, не менять хозяина и терпеть все его издевательства. Попытки обедневших общинников защитить себя в своем деревенском суде оставались безуспешными [9].

Безусловно, определяя санкцию за правонарушение, волостной суд брал во внимание тяжесть содеянного, но еще более значимой для него являлась личность виновного. Для вынесения решения судьям была важна оценка обвиняемого как общинника, соседа, домохозяина и налогоплательщика. Мир обычно отлично знал каждого с детства и прежде всего учитывал трудолюбие, состоятельность, вклад в дела общины, семейное положение и авторитет как виновного, так и потерпевшего. А во вторую очередь принимались во внимание суть и мотивы содеянного. Это давало возможность соседям больше учитывать смягчающие обстоятельства и действовать, как думали общинники, более справедливо [10]. На самом деле принцип субъективизма в привлечении к ответственности и наказанию далеко не всегда справедлив, так как вступает в противоречие с другим принципом официального закона, а именно равенства всех перед законом, все зависимости от личных качеств и особенностей.

В обычном праве не было норм, которые защищали интересы отдельной личности. В каждом конкретном случае община выбирала такой путь решения спорной ситуации, который для нее являлся наиболее целесообразным, а это и выражалось в привлечении к ответственности по принципу «смотря по че-

ловеку». Община защищала не права личности, а свои интересы, при этом сурово наказывая одних и поощряя других, «себе полезных».

При таком подходе к делу было непросто богатому односельчанину отстаивать свои права на суде. Если к нему и его заслугам деревня была настроена положительно, он мог выиграть имущественный спор, а если считали его мироедом и стяжателем, то можно было легко потерять приобретенную собственность. Такой подход отрицательно отражался на развитии капитализма в селе.

Еще один принцип решения дел в общине – «грех пополам». По сути это правило допускало наличие равного возмещения за ущерб между истцом и ответчиком или раздел спорных вещей между двумя сторонами при отсутствии ясных доводов их принадлежности кому-либо. Используя это положение, волостные суды могли удовлетворять участников спора, когда они не имели достаточных доказательств правоты, причиненный вред являлся неумышленным и каждый был частично виноват в содеянном. Известный исследователь волостных судов С. В. Пахман привел следующий весьма показательный образец действия этого правила: «Один крестьянин вырыл яму для зимнего сбережения овощей, и в эту яму свалилась лошадь соседа и пала; о таком случае говорят, что один виновен, что не накрыл вырытую яму, а сосед – тем, что не усмотрел за своей лошастью, и поэтому первый присужден уплатить половину стоимости лошади ее хозяину» [11, с. 95]. Из данного примера неясно, кто прав, а кто виноват, но здесь главное то, что спорящие стороны можно было успокоить. Конфликт не разгорался, обе стороны, уразумев, что ничего не доказать и виновных здесь нет, но все же эти действия являются «грехом», делили этот «грех» (нарушение) пополам. Налицо явный компромисс: стороны вряд ли довольны полностью, но в общине сохраняются мир, спокойствие и согласие. Подобные примеры имеются и по Тульской губернии: «При неосторожной поломке чужой телеги дело обычно решали как «грех пополам»» [12].

Данный принцип обычного права первые десятилетия широко использовался в практике крестьянских судов. Общинникам нравилось присуждение половины иска при неумышленном причинении вреда. Но с появлением в деревне зажиточных дворов этот принцип применялся уже реже, так как крестьяне-предприниматели не желали решать дела с половинчатым возвращением ущерба, лишь бы «ни кому не было обидно». Им была нужна твердая опора на нормы официального права, которые защищали частную собственность и не применяли незаконный принцип «грех пополам».

В заключение рассмотрим еще один яркий пример проявления корпоративных устремлений общи-

ны и волостных судов – участие их в ликвидации недоимок своих членов. Реформа 1861 г. обязала мир отвечать за уплату налога каждого селянина и дала право применять к неисправным должникам целый арсенал способов, стимулирующих эти платежи: поощрять подработки на стороне, выделять бедноте опытных опекунов, продавать что-то из их имущества и др. Если эти меры не помогали, начинали использовать механизм круговой поруки и погашать недоимку задолжника за счет мирских денег. Однако оплаченный общиной налог совсем не прощался беспечному домохозяину. Он получал лишь отсрочку, чтобы подправить свое положение и позже расплатиться с обществом.

Конечно, в деревне были бесшабашные земледельцы, которым никакая отсрочка не помогала. При таких обстоятельствах крестьян-недоимщиков отправляли на заработки по принуждению общины или сельского суда. Мир делал последнюю попытку спасти хозяйство налогоплательщика, но действовал теперь жестко. Работы были не лучшие, часто с зимним дешевым наймом или тяжелые на местных заводах, где хронические должники заготавливали дрова, возили уголь и чугуны, разгружали вагоны и т.п.

И только исчерпав все возможности, судебная власть общины принимала решение у таких односельчан отобрать лошадь, описать и продать движимое имущество и даже надел. Спасти хозяйство налогоплательщика не удавалось [13, с. 192].

Подводя итоги, можно заключить, что просуществовавшее до 1917 г. крестьянское правосудие имело свои плюсы и минусы, последних было больше и они оказались чрезвычайно стойкими. Все десятилетия крестьянский суд оставался сословным, и основным источником права здесь являлся местный обычай. Кроме того, сельское правосудие после 1889 г. находилось под жестким административным контролем со стороны государственных органов. Оно не выполняло свою главную функцию – защиту прав и интересов сельского населения и создало затруднения при разрешении ежедневно возникающих правовых конфликтов в семейных и имущественных отношениях. С развитием товарно-денежных отношений в деревне зажиточных крестьян перестали удовлетворять приговоры «своего» суда, «глядя на человека» и «по справедливости». Новые имущественные отношения должны были защищать официальный закон и профессиональные судьи [14].

Пристатейный библиографический список

1. *Кистяковский А. Ф.* Волостные суды, их история, настоящая их практика и настоящее их положение // Труды Этнографическо-статистической экспедиции в Западно-русский край, снаряженной Русским географическим обществом : материалы и исследования, собранные П. П. Чубинским : в 7 т. Т. 6 : Народные юридические обычаи по решениям волостных судов. СПб. : [б.и.], 1872.
2. *Зарудный М. И.* Законы и жизнь. Итоги исследования крестьянских судов. СПб. : Тип. 2 Отд. собств. Е. И. В. канцелярии, 1874.
3. *Никольский А. П.* Земля, община и труд. Особенности крестьянского правопорядка, их происхождение и значение. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1902.
4. Русское экономическое обозрение. 1903. № 11.
5. Свод узаконений и распоряжений Правительства об устройстве сельского состояния и учреждений по крестьянским делам, с воследовавшими по ним разъяснениями, содержащимися в решениях Правительствующего сената и в постановлениях и распоряжениях высших правительственных учреждений / сост. И. Л. Горемыкин. 5-е изд. СПб. : Тип. Д. В. Чичинадзе, 1903.
6. Государственный архив Тульской области (далее – ГАТО). Ф. 105. Оп. 1. Т. 1. Д. 8, 15, 37, 138, 192, 275, 302.
7. *Успенский Г. И.* Крестьянин и крестьянский труд // Письма из деревни : Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века. М. : Современник, 1987.
8. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 586. П. 1. Д. 122.
9. ГАТО. Ф. 264. Оп. 1. Д. 174; Ф. 4. Оп. 4., Д. 655, 659, 940; Ф. 536. Оп. 1. Д. 5.
10. ГАТО. Ф. 105. Оп. 1. Т. 1. Д. 265.
11. *Пахман С. В.* Очерк народных юридических обычаев Смоленской губернии // Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии. Т. 2 : Сборник народных юридических обычаев / под ред. С. В. Пахмана. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1900.
12. ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 122.
13. *Бржеский Н.* Недоимочность и круговая порука сельских обществ. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1896.
14. *Уманец Ф. М.* Из моих наблюдений по крестьянскому делу. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1881.

References

1. *Kistiakovskii A. F.* Volost Courts, Their History, Their Real Practice and Their Present Situation. In Proceedings of the Ethnographic and Statistical Expedition to the Western Russian Territory, Equipped by the Russian Geographical Society: Materials and Research Collected by P.P. Chubinskii. In 7 vols. Vol. 6: Folk Juridical Customs Based on the Decisions of the Rural Municipality Courts. St. Petersburg: [s. l.], 1872.
2. *Zarudnyi M. I.* The Laws and Life. The Results of a Study of Peasant Courts. St. Petersburg: Printing House of the Second Branch of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1874.
3. *Nikolskii A. P.* Land, Community and Labor. Peculiarities of Peasants' Legal Order, Their Origin and Significance. St. Petersburg: A. S. Suvorin's Printing House, 1902.
4. Russian Economic Review. 1903. No. 11.
5. *Goremykin I. L. (comp.)*. A Set of Laws and Orders of the Government on the Arrangement of the Rural State and Institutions for Peasant Affairs, with Subsequent Explanations on Them Contained in the Decisions of the Governing Senate and in the Decisions and Orders of Higher Government Institutions. 5th ed. St. Petersburg: D. V. Chichinadze's Printing House, 1903.
6. State Archive of the Tula Region. F. 105. Op. 1. T. 1. D. 8, 15, 37, 138, 192, 275, 302.
7. *Uspenskii G. I.* The Peasant and the Peasant Work. In Letters from the Village: Essays on the Peasantry in Russia in the Second Half of the 19th Century. Moscow: Sovremennik, 1987.
8. State Archive of the Russian Federation. F. 586. P. 1. D. 122.
9. State Archive of the Tula Region. F. 264. Op. 1. D. 174; F. 4. Op. 4. D. 655, 659, 940; F. 536. Op. 1. D. 5.
10. State Archive of the Tula Region. F. 105. Op. 1. Vol. 1. D. 265.
11. *Pakhman S. V.* Sketch of Folk Legal Customs of Smolensk Province. In *Pakhman S. V. (ed.)*. Notes of the Imperial Russian Geographical Society for the Department of Ethnography. Vol. 2: Collection of Folk Legal Customs. St. Petersburg: A. S. Suvorin's Printing House, 1900.
12. State Archive of the Russian Federation. F. 586. Op. 1. D. 122.
13. *Brzhetskii N.* Deficit and Circular Bail of Rural Societies. St. Petersburg: V. Kirshbaum's Printing House, 1896.
14. *Umanets F. M.* From My Observations on Peasant Case. St. Petersburg: A. S. Suvorin's Printing House, 1881.

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН ОБ ОБЩИХ ПРИНЦИПАХ ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ ИЛИ РЕЗУЛЬТАТ ПРОЯВЛЕНИЯ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-4-12-16>

Современная модель и практика нормотворческой деятельности в РФ на всех уровнях – федеральном, региональном и местном (муниципальном) – дает множество поводов оценки выверенности правовых положений, работоспособности вводимых правовых понятий и целых институтов. Цель статьи – на основе анализа законодательства о местном самоуправлении, положений Федерального закона об общих принципах организации местного самоуправления в РФ, регионального массива нормотворчества, практики нормотворческой деятельности органов местного самоуправления по принятию уставов муниципальных образований и внесению в них изменений, а также регистрационной деятельности территориальных органов Минюста России выработать предложения по совершенствованию действующего законодательства и упорядочению нормотворчества всех уровней власти. Методологической основой исследования явился диалектический метод познания объективной действительности, а также основанные на нем общенаучные методы: идеализации, формализации, логический, сравнения и др.; в качестве специально-юридических методов использовались, в частности, формально-юридический, сравнительно-правовой, методы правового моделирования, толкования правовых норм. В качестве одной из мер повышения качества нормотворческой деятельности предлагается обсуждение вопроса о необходимости и обоснованности объявления моратория на внесение изменений в федеральное законодательство о местном самоуправлении, активизации роли и значения института мониторинга правоприменения.

АРТАМОНОВ
Алексей Николаевич

кандидат юридических наук,
заместитель начальника
Главного управления Минюста
России по Ростовской области
(г. Ростов-на-Дону)

artamonov_mj@mail.ru

КАЛЬЧЕНКО
Анна Ивановна

юрист-консультант
ООО «Стройпожбезопасность»,
обособленное подразделение
(Территориальное управление)
ООО «Стройпожбезопасность-61»
(г. Ростов-на-Дону)

oxana.calchencko@yandex.ru

**Единое правовое пространство;
устав муниципального
образования;
юридическая техника;
правотворчество;
правовая экспертиза;
нормативный правовой акт**

Alexey N. ARTAMONOV

Candidate of Legal Sciences, Deputy
Head of the Main Directorate of the
Ministry of Justice of the Russian
Federation for the Rostov Region
(Rostov-on-Don)

artamonov_mj@mail.ru

Anna I. KALCHENKO

Legal Consultant,
Stroipozhbezopasnost
LLC, Separate Subdivision
(Territorial Administration),
Stroipozhbezopasnost-61 LLC
(Rostov-on-Don)

**FEDERAL LAW ON THE GENERAL PRINCIPLES
OF THE ORGANIZATION OF LOCAL SELF-GOVERNMENT
IN THE RUSSIAN FEDERATION AS A LEGISLATIVE
EXPERIMENT OR THE RESULT OF THE MANIFESTATION
OF LEGAL NIHILISM**

The current model and practice of rule-making in the Russian Federation at all levels, federal, regional and local (municipal), provides many reasons for evaluating the accuracy of legal provisions, the efficiency of legal concepts introduced and entire institutions. The aim of the article is based on the analysis of the legislation on local self-government, provisions of the Federal Law on general principles of organization of local government in the Russian Federation, a regional array of normative practice regulatory activities of local governments on the adoption of municipal charters and amendments to them, as well as the registration of activities of territorial bodies of the Ministry of Justice of Russia, to develop proposals for improving the existing legislation and streamlining the rule-making at all levels of government. The methodological basis of the research was the dialectical

Unified legal space; *method of cognition of objective reality, as well as general scientific methods*
municipal charter; *based on it: idealization, formalization, logical, comparison, etc.; as special legal*
legal technique; *methods, we used, in particular, formal legal, comparative legal, method of le-*
law-making; *gal modeling, interpretation of legal norms. As one of the measures to improve*
legal expertise; *the quality of law-making activities, it is proposed to discuss the need and justifi-*
normative legal act *cation for declaring a moratorium on amendments to the federal legislation on*
local self-government, and to enhance the role and importance of the institute
for monitoring law enforcement.

Когда законодатель не заботится о стабильности законов, это порождает у тех, к кому они адресованы, скептически выжидательное отношение.

Ж. Карбонье

Продолжается в нашей стране активная нормотворческая деятельность всех наделенных правом создавать нормативные правовые акты органов власти и должностных лиц. В каком-то смысле этот процесс приобрел самостоятельное, т.е. самодостаточное, значение. Порой забывается, для чего нужны, какие функции должны выполнять законы, подзаконные, ведомственные, локальные акты, что они устанавливают правила поведения для отдельных видов общественных отношений, что основная, а лучше единственная ценность нормотворчества должна характеризоваться не количеством принимаемых документов, а их содержанием и качеством, т.е. последствиями их применения.

Характеризуя состояние современной системы законодательства РФ, некоторые авторы отмечают закономерность, носящую негативный характер, заключающуюся в чрезмерном количестве вносимых в законы изменений, сопровождающихся низким их качеством [1, с. 10].

2020 г. принес в нашу действительность уже немало забытую активность обсуждения, формулирования, аргументирования и выражения скепсиса или критики, связанных с предложенными изменениями Конституции РФ. В обществе развернулась активная дискуссия по обсуждению наполнения действующей российской Конституции положениями как глобального общефилософского, мировоззренческого характера, так и разными другими, порой несущественными с точки зрения масштаба и статуса документа. В том числе обсуждаются и вопросы единства правового пространства (например, соотношение между народного и национального законодательства), распределения вопросов ведения и полномочий между разными уровнями власти нашего сложносоставного государства, предлагаются к реализации попытки обеспечить выживаемость (чтобы совсем не «затоптали») местную (муниципальную) ее составляющую.

При этом успех данных изменений Конституции РФ будет во многом зависеть от качества проделанной юридуко-технической работы.

Классическое выделение в качестве основных методов научного доказательства наблюдения и эксперимента в юридических науках дополняется эксклюзивным видом эксперимента – законодательным. Как отмечает Ж. Карбонье, юридическая социология знала законодательный эксперимент как своеобразную форму интеллектуального экспериментирования, присущую только ей. Этот метод заключается в том, что закон принимается только лишь для того, чтобы посмотреть на результаты его применения [3, с. 158].

Его используют, например, в федеративных государствах (но не только) для проведения практического изучения возможностей урегулирования отдельных общественных отношений на ограниченной территории, в отдельных субъектах страны. С ним мы имеем дело и в нашей современной российской действительности, когда отдельные субъекты РФ изучают практику нормотворчества в других регионах и воплощают ее в своих правотворческих решениях. Но есть примеры и общероссийского законодательного экспериментирования (как иначе относиться к Федеральному закону от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [9]?).

Для проведения анализа данный Закон выбран неслучайно. Во-первых, он имеет общероссийский характер, пронизывает многие сферы общественных отношений, от его положений зависят состояние и формулировки множества нормативных документов как федерального, так регионального и местного (муниципального) уровней. В него регулярно вносятся многочисленные изменения, значит, потребность в нем и интерес со стороны законодателя и иных нормотворцев не ослабевают (в отличие от некоторых иных примеров, когда формально нормативный до-

кумент сохраняет юридическую силу, однако его давно никто не применяет, его текст содержит множество противоречий иным нормативным актам).

Характеристика современного состояния законодательства о местном самоуправлении приводится во многих публикациях и исследованиях; в основном она носит или негативный оттенок, или сдержанно оптимистический, т.е. выражающий надежды на будущие улучшения и совершенствования. Однако, по мнению Н. Л. Пешина, проблему вряд ли можно считать полностью освещенной и тем более исчерпанной. Скорее наоборот, развитие идет по принципу известного русского выражения «чем дальше в лес, тем больше дров» [5, с. 63].

В научной литературе предлагаются пути выхода из коллизионных ситуаций на федеральном уровне в вопросах организации местного самоуправления. Когда выявляется конфликт правовых норм, приоритет должен оставаться за Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [2, с. 27]. А как этот механизм с точки зрения теории будет работать на местном (муниципальном) уровне, если положения разных федеральных законов продублированы в уставе муниципального образования, а они в свою очередь содержат не согласованные между собой нормы?

Попутно заметим, что в научной, научно-практической литературе неоднократно обращалось внимание на несоответствие наименования Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» его сути, которая гораздо шире и конкретнее общих вопросов и принципов [6, с. 17]. При этом он содержит и конкретные несовершенства, отдельные примеры которых приведем ниже.

Во многих вопросах не допускается какая-либо вариативность на уровне местного самоуправления, при том что наряду с необходимостью установления критериев «общих принципов организации местного самоуправления» предлагается, чтобы весь основной объем нормативного регулирования местного самоуправления был сосредоточен на уровне субъектов РФ [5, с. 65].

Таким образом, должна быть выстроена четкая иерархия: федеральное законодательство – общие принципы, региональное – необходимо очертить соответствующий круг вопросов, полномочия субъектов РФ, уставы муниципальных образований – индивидуальные особенности конкретного муниципального образования, включая и вопросы местного значения, принятие которых к своему ведению муниципальное образование, т.е. органы и должностные лица местного самоуправления, могло бы осуществлять в случае наличия материальных и организационных возможностей. Сейчас же перечень этих

вопросов для соответствующих видов муниципальных образований формируется в федеральном законе, а муниципальные уставы обязаны их воспроизводить в своих текстах. Кроме того, что непонятна сама необходимость данного дублирования, нет четкого понимания, с какого момента возможно решение того или иного вопроса местного значения, его финансирование: с момента вступления в силу соответствующего положения федерального закона или необходима их легализация путем воспроизведения в уставе муниципального образования. На практике применяется первый вариант, и он не вызывает возражений или замечаний контролирующих органов, тогда это лишний раз подчеркивает вопрос о целесообразности внесения изменений в конкретный устав муниципального образования.

Анализ норм и положений, подвергнутых или подвергаемых (поскольку отдельные из них изменялись неоднократно или меняются регулярно), показывает, что их частота и массовость не всегда объясняются отсутствием пробельности и обеспечивают конституционные положения. Самостоятельность органов местного самоуправления устанавливается, в частности, ч. 1 ст. 132 Конституции РФ (что было подчеркнуто и поправками 2020 г.) [10], при этом действующее законодательство демонстрирует примеры, как можно ее ограничивать. Так, Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (п. 8 ч. 1 ст. 15 и п. 9 ч. 1 ст. 16) в вопросы местного значения муниципального района и городского округа включена и организация охраны общественного порядка на территории соответствующего муниципального образования муниципальной милиции. Здесь мы хотим обратить внимание не на терминологические характеристики, вспоминая грандиозную реформу по избавлению действующего в стране законодательства от использования термина «милиция» (возможно, для муниципального уровня власти это является допустимым), а на реализацию, в принципе, данного института. Возможность же введения подобного вида правоохранительной службы увязывается с принятием специального федерального закона, которого нет, а перспективы его разработки даже не обсуждаются.

И лишь в приведенном выше случае, по разъяснению профильного комитета Госдумы России, нет необходимости пока отражать эти положения в уставах муниципальных образований [7].

Таким образом, в данном случае федеральным законодателем позволено в уставах муниципальных образований пока не дублировать одно из положений, установленных (хотя и не реализованных в полном объеме) на федеральном уровне нормотворчества.

Возвращаясь на муниципальный уровень нормотворческой деятельности, обращает на себя внима-

ние, несмотря на высказываемые оптимистичные выводы о структурировании и логичности отечественного законодательства по вопросам организации местного самоуправления [8, с. 43], при том что организационно-правовые основы местного самоуправления превратились из сферы, в которой регионы конкурировали с Федерацией, в сферу, где Федерация прямо устанавливает своим субъектам предмет и порядок регулирования общественных отношений [4, с. 47], на наш взгляд, это могло бы быть так, если бы не дублирование норм, который запутывает предметы ведения и полномочия, может втягивать правоприменителей в дискуссии о самостоятельности отдельных норм или лишь об их воспроизведении в нормативных актах меньшей юридической силы, что потенциально может являться причинами злоупотреблений.

В связи с изложенным позволим себе заявить и предложить следующее.

Принципы стабильности правовой базы, предсказуемости и обоснованности правотворческих решений хорошо бы было применить к организации де-

ятельности и требованиям нормотворчества всех уровней власти, в том числе местного (муниципального) уровня современной России, но примером должны быть федеральные нормативные документы и соответствующий подход к нормотворческой деятельности федеральных органов власти. В качестве «опытного образца» предлагаем избрать Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и для начала, например, объявить мораторий на внесение в него изменений. При этом у нас есть такой институт, как мониторинг правоприменения, который направлен на изучение различных видов общественных отношений, последствий нормотворчества, выработку предложений по их совершенствованию. Его потенциал можно было бы использовать для изучения последствий в случае установления данного моратория, для развития отношений в области местного самоуправления и формулирования предложения аналогичного характера в других вопросах и сферах нормотворчества и правоприменения.

Пристатейный библиографический список

1. *Азми Д. А.* Тенденции развития системы права и системы законодательства в Российской Федерации // Адвокат. 2016. № 10.
2. *Гринченко К. А.* Источники муниципального права Российской Федерации / под ред. С. Е. Чаннова. М. : ДМК Пресс, 2015.
3. *Карбонье Ж.* Юридическая социология / пер. с фр. ; пер. и вступ. ст. В. А. Туманова. М. : Прогресс, 1980.
4. *Корсакова С. В.* Муниципально-правовая политика в России : монография / под ред. А. В. Малько. М. : Юрлитинформ, 2012.
5. *Пешин Н. Л.* Новые тенденции муниципальной реформы : перераспределение полномочий между уровнями публичной власти // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 12.
6. *Подсумкова А. А., Чаннов С. Е.* Комментарий к Федеральному закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (постатейный) / отв. ред. С. Е. Чаннов. 4-е изд., перераб. М. : Осъ-89, 2008.
7. Разъяснения Комитета Государственной Думы по местному самоуправлению к Федеральному закону от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (5–7-я главы) // Государственная власть и местное самоуправление. 2007. № 11.
8. *Усманова Р. М.* К вопросу о сфере и пределах муниципально-правового регулирования // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 6.
9. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Российская газета. 2003. 8 окт. № 202.
10. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 1993. 25 дек. № 237.

References

1. *Azmi D. A.* Trends in the Development of the System of Law and the System of Legislation in the Russian Federation. *Lawyer*. 2016. No. 10.
2. *Grinchenko K. A.; Channov S. E. (ed.)*. Sources of Municipal Law of the Russian Federation. Moscow: DMK Press, 2015.
3. *Carbonnier J.; Tumanov V. A. (trans.)*. Legal Sociology. Moscow: Progress, 1980.

4. *Korsakova S. V. ; Malko A. V. (ed.)*. Municipal Legal Policy in Russia: Monograph. Moscow: Iurlitinform, 2012.
5. *Peshin N. L.* New Trends in Municipal Reform: Redistribution of Powers Between Levels of Public Authority. *Constitutional and Municipal Law*. 2016. No. 12.
6. *Podsumkova A. A., Channov S. E.; Channov S. E. (ed.)*. Commentary on the Federal Law "On the General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation" (Article-by-Article). 4th ed. Moscow: Os-89, 2008.
7. Clarifications of the State Duma Committee on Local Self-Government to the Federal Law of 6 October 2003 No. 131-FZ "On the General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation" (5–7th Chapters). *State Power and Local Self-Government*. 2007. No. 11.
8. *Usmanova R. M.* On the Scope and Limits of Municipal Legal Regulation. *Constitutional and Municipal Law*. 2013. No. 6.
9. Federal Law of 6 October 2003 No. 131-FZ "On the General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation". *Rossiiskaia Gazeta*. 8 October 2003. No. 202.
10. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12 December 1993 with changes approved during the all-Russian vote on 1 July 2020). *Rossiiskaia Gazeta*. 25 December 1993. No. 237.

ЮРИДИЧЕСКИЕ ФАКТЫ-СОСТОЯНИЯ В СТРУКТУРЕ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РФ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-4-17-22>

В статье анализируются особенности законодательной регламентации юридических фактов в структуре действующего уголовного законодательства. Актуальность данного анализа обусловлена недостаточно глубокой разработкой в науке уголовного права механизма уголовно-правового регулирования в целом и одного из его элементов – юридического факта в частности. Предмет исследования составляет круг теоретико-прикладных проблем, связанных с изучением влияния юридических фактов-состояний на развитие уголовно-правовых отношений, образующих предмет уголовно-правового регулирования. Цель исследования заключается в получении нового знания, способствующего дальнейшему развитию теории уголовно-правового регулирования и его механизма. Исследование базируется на общенаучных (логический, системно-структурный) и специально-юридических методах познания. Основное содержание работы отражает результаты исследования современных проблем законодательной регламентации юридических фактов-состояний в Уголовном кодексе РФ (далее – УК РФ), рассмотренных сквозь призму теоретических постулатов учения о механизме уголовно-правового регулирования. Научная новизна исследования выражается в полученном новом знании относительно актуальности состояния учения о юридических фактах уголовного права и их значении для решения отраслевых задач. Раскрывая особенности законодательной регламентации юридических фактов-состояний в нормах Общей и Особенной частей УК РФ, автор формулирует вывод о том, что юридический факт-состояние образует с юридическим фактом-действием сложный юридический факт и в этом качестве оказывает влияние на установление основания уголовной ответственности, дифференциацию ее форм, увеличение или уменьшение ее объема. На основании анализа уголовно-правовых предписаний в статье формулируются положения, свидетельствующие о влиянии юридических фактов-состояний на изменение или прекращение охранительных и регулятивных уголовно-правовых отношений.

ЯЦЕЛЕНКО

Борис Викторович

доктор юридических наук,
профессор, заведующий кафедрой
уголовного права и криминологии
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России) (г. Москва)
ya.borisvik@mail.ru

**Уголовное право;
Уголовный кодекс РФ;
уголовная ответственность;
механизм уголовно-правового
регулирования;
юридический факт**

Boris V. YATSELENKO

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Head of the Department of Criminal
Law and Criminology, All-Russian
State University of Justice (Moscow)

LEGAL FACTS-STATES IN THE STRUCTURE OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THEIR SIGNIFICANCE

**Criminal law;
Criminal Code of the Russian
Federation;
criminal liability;
mechanism of criminal law
regulation;
legal fact**

The article analyzes the features of the legislative regulation of legal facts in the structure of the current criminal legislation. The relevance of this analysis is due to the insufficiently deep development in the science of criminal law of the mechanism of criminal law regulation in general and one of its elements – the legal fact in particular. The subject of the study is a range of theoretical and applied problems related to the study of the influence of legal facts-states on the development of criminal law relations that form the subject of criminal law regulation. The purpose of the study is to obtain new knowledge that contributes to the further development of the theory of criminal law regulation and its mechanism. The research is based on general scientific (logical, system-structural) and

special legal methods of cognition. The main content of the work reflects the results of the study of modern problems of legislative regulation of legal facts-states in the Criminal Code of the Russian Federation, considered through the prism of theoretical postulates of the doctrine of the mechanism of criminal law regulation. The scientific novelty of the research is expressed in the new knowledge obtained regarding the current state of the doctrine of the legal facts of criminal law and their significance for solving sectoral problems. Revealing the features of the legislative regulation of legal facts-states in the norms of the General and Special parts of the Criminal Code of the Russian Federation, the author formulates the conclusion that a legal fact-state forms a complex legal fact with a legal fact-action, and as such influences the establishment of the basis of criminal liability, differentiation of its forms, increase or decrease in its volume. Based on the analysis of criminal law prescriptions, the article formulates provisions indicating the influence of legal facts-states on the change or termination of protective and regulatory criminal law relations.

В уголовно-правовых исследованиях при изучении механизма правового регулирования определенное внимание уделяется юридическим фактам, которые наряду с нормами и правоотношениями образуют его элементный состав. Юридическое своеобразие каждого из элементов механизма уголовно-правового регулирования выражено в его социально-правовой природе, предметном содержании присущих ему юридически значимых черт, технико-юридических приемах законодательного оформления, выполняемых функциях в сфере упорядочения жизненных отношений. Однако юридическое своеобразие юридических фактов, норм и правоотношений заключается не только в том, что они обособлены в уголовном праве и посредством законодательных предписаний объективированы в правовой материи как относительно самостоятельные элементы механизма уголовно-правового регулирования. Это своеобразие предопределено также функциональной взаимосвязью между ними как самостоятельными частями (элементами) целого. Как известно, специфика взаимосвязи и взаимодействия частей «определяет природу целого» [1, с. 233].

Взаимодействие юридических фактов, норм и правоотношений в механизме уголовно-правового регулирования протекает в форме взаимосвязи, имеющей исключительно правовой характер. Она объединяет элементы механизма уголовно-правового регулирования в систему независимо от того, в каком состоянии – статическом, т.е. на уровне законодательной модели, или динамическом (как фактической реальности) он (механизм) себя проявляет. В процессе реального функционирования этой правовой связи целостная система динамического бытия уголовного права видится как единство взаимодействующих юридических фактов, норм и правоотношений. Другими словами, механизм уголовно-правового регулирования – это результат правового взаимодей-

ствия юридических фактов, норм и правоотношений, так как «части только потому и могут существовать, что они воспроизводят целое» [2, с. 300].

Его стержневой основой являются функциональные правовые связи между нормами права, юридическими фактами и правоотношениями. Посредством этих связей достигается конечная цель уголовно-правового регулирования – упорядочение жизненных отношений, реализация их участниками норм уголовного права путем их соблюдения, использования, исполнения или применения.

Роль юридического факта в реализации функциональных правовых связей между правовыми средствами механизма уголовно-правового регулирования (нормами и правоотношениями) нельзя ни преувеличивать, ни преуменьшать. Однако было бы и вовсе неоправданным игнорировать его первостепенную, детерминирующую роль в процессе возникновения и дальнейшего развития этих правовых связей и механизма уголовно-правового регулирования в целом. С возникновением юридических фактов посредством присущих уголовному праву специальных юридических инструментов оно начинает проявлять себя в сфере складывающихся жизненных отношений как реально действующий правовой ресурс их упорядочения в целях поддержания гармоничного течения социальной и правовой жизни и сохранения ее стабильного состояния. Поэтому юридические факты не могут не восприниматься иначе как обстоятельства, предопределяющие реальную, фактическую жизнь уголовного права. Это означает, что юридическими фактами уголовного права могут признаваться не все жизненные явления, но только те из них, которые актуальны и значимы для решения стоящих перед ним отраслевых задач. Такое понимание социально-правового предназначения юридических фактов уголовного права отвечает их общетеоретической и уголовно-правовой интерпретации. Общеизвестно, что на роль юри-

дических фактов могут претендовать далеко не все встречающиеся в жизни социальные явления – действия, события, состояния, а только те из них, с которыми правовые нормы связывают правовые последствия в виде различных правоотношений [3, с. 378–379].

Рассматривая социально-правовые особенности юридических фактов и их значение в уголовном праве, целесообразно учитывать характерные именно для этой отрасли права правовые режимы. В них, каждый из которых концентрирует в себе определенный набор правовых средств регулирования общественных отношений, выражается отраслевое своеобразие. В уголовном праве доминирует императивный правовой режим, предопределяющий специфическую правовую атмосферу или среду, в которой происходит взаимодействие субъектов правовой жизни. Стержнем императивного правового режима являются нормы-запреты и корреспондирующие им охранительные уголовно-правовые отношения, посредством которых государство реализует преимущественно карательно-репрессивные правовые инструменты преодоления уголовно-правовых конфликтов. В то же время нельзя игнорировать и то, что в дополнение к императивному правовому режиму уголовному праву как самостоятельной отрасли права присущ диспозитивный правовой режим. Он опирается на нормы-дозволения, реализация которых субъектами права «выражается преимущественно в субъективных правах на собственное активное поведение» [4, с. 54].

В сфере правового бытия этих режимов, порождая на основании соответствующих норм правоотношения и влияя на их дальнейшее развитие, функционируют юридические факты в виде действий, событий, состояний, индивидуальных юрисдикционных актов. В силу своеобразия предмета и метода уголовного права каждый из этих юридических фактов отличается от юридических фактов иной отраслевой принадлежности по своей социально-правовой природе и предметному составу характеризующих его признаков, а также по выполняемой роли в механизме правового регулирования. По существу эти же признаки лежат и в основе отраслевых различий между уголовно-правовыми фактами. Группа юридических фактов, предопределяющих динамичное развитие охранительных уголовно-правовых отношений, образующих правовой фундамент императивного режима регулирования, несмотря на существующие между ними различия (например, между фактом преступления и фактом деятельного раскаяния), в конечном счете подчинена решению единой задачи – реализации уголовной ответственности. Группа юридических фактов диспозитивного правового режима, как известно, предопределяет динамичное развитие правоотношений, возникающих в связи с причинением вреда при обстоятельствах, исключающих преступность

деяния. Она также не лишена внутригрупповых различий (например, между фактами причинения вреда при необходимой обороне и при крайней необходимости). Однако в отличие от юридических фактов из состава охранительного уголовно-правового отношения эта группа правомерных действий направлена на обеспечение решения прямо противоположной задачи – исключения уголовной ответственности за причиненный вред. Следовательно, функциональная специфика правовых связей, характерная для каждого из вышеназванных правовых режимов, позволяет говорить о наличии в механизме уголовно-правового регулирования двух относительно самостоятельных групп юридических фактов. Первую из них составляют юридические факты, существующие по поводу реализации уголовной ответственности, а вторую – по поводу ее исключения за причиненный вред.

В каждой из этих двух групп юридических фактов наряду с уголовно-противоправными и уголовно-правомерными деяниями, а также юридическими фактами-событиями можно выделить относительно самостоятельные юридические факты-состояния. Этот юридический факт по своей природе является длящимся во времени, о чем свидетельствует этимология термина «состояние», используемого для его обозначения. В уголовном праве юридический факт-состояние может характеризовать как лицо, совершившее общественно опасное деяние, скажем, совершение преступления виновным, находящимся в состоянии опьянения, так и потерпевшего, например беспомощное состояние последнего в момент посягательства на его жизнь. Имеются юридические факты-состояния, возникающие вне связи с какими-либо внешними для совершившего преступление лица или потерпевшего обстоятельствами. Эти юридические факты как бы вырастают «из самих себя», к примеру состояние невменяемости, в котором находилось лицо, совершившее общественно опасное деяние. Уголовному праву также известны и юридические факты-состояния, обусловленные внешними причинами, скажем, состояние уголовной наказанности или судимости как следствие вынесенного судом в отношении виновного обвинительного приговора.

В действующем уголовном законодательстве юридические факты-состояния рассредоточены в его структуре путем использования законодателем различных технико-юридических приемов. Терминология, прямо или косвенно указывающая на юридические факты-состояния, присуща нормам Общей и Особенной части Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ). Например, состояние беспомощности потерпевшего отражено в тексте п. «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ как совершение преступления в отношении «беспомощного лица». О беспомощном состоянии потерпевшей как самостоятельном юридическом факте и обяза-

тельном признаке изнасилования говорится в ст. 131 УК РФ. Состояние опьянения как юридический факт уголовного права, характеризующий лицо, совершившее преступление, законодательно закреплено в нормах ст. 23, 263, 264 и 264¹ УК РФ. Нормам Общей и Особенной части УК РФ известен также юридический факт, именуемый болезнью. Нахождение в этом состоянии характерно и для лица, совершившего преступление, отбывающего наказание (ст. 81 УК РФ), и для потерпевшего (ст. 121 УК РФ). Ограничиваясь далеко не полными примерами законодательной регламентации в УК РФ юридических фактов-состояний, обратим внимание на их уголовно-правовое значение. Значимость юридических фактов-состояний для реализации отраслевых уголовно-правовых задач предопределена теми функциональными ролями, которые они выполняют в рамках правоотношений, существующих по поводу реализации уголовной ответственности, с одной стороны, и по поводу ее исключения – с другой.

Юридическим фактам уголовного права в целом присущи правопорождающая, правоизменяющая и правопрекращающая функции. Этим функциям не лишены в уголовном праве и юридические факты-состояния, существующие в рамках охранительных уголовно-правовых отношений. Эти правоотношения функционируют в связи с совершением преступлений по поводу реализации уголовной ответственности. Действие юридических фактов-состояний в рамках этих правоотношений может быть сопряжено с установлением оснований уголовной ответственности, дифференциацией ее форм, увеличения или уменьшения ее объема, а также прекращения уголовно-правовых ограничений, образующих ее содержание. Однако влияние, оказываемое юридическими фактами-состояниями на решение этих задач, не стоит переоценивать. Дело в том, что возникновение и дальнейшее развитие охранительного уголовно-правового отношения сопровождаются влиянием на этот процесс не столько юридических фактов-состояний, сколько главным образом юридических фактов-действий. Именно юридический факт-действие, именуемый в уголовном праве преступлением, порождает охранительное уголовно-правовое отношение, образуя в соответствии со ст. 8 УК РФ основание реализуемой в рамках этого отношения уголовной ответственности. Этот юридический факт уголовного права опосредован в нормах Особенной части УК РФ в виде специальной конструкции «состав преступления», являющейся его (юридического факта-действия) законодательной моделью. Ознакомление с нормами-запретами Особенной части УК РФ позволяет утверждать, что в них для определения основания уголовной ответственности наряду с юридическим фактом-действием нередко используется юридический факт-состояние. В таких случаях

юридический факт-состояние не имеет самостоятельного значения, однако, будучи «привязанным» к юридическому факту-действию, образует вместе с ним сложный юридический факт, действие которого дает начало развитию охранительного уголовно-правового отношения. Примером такого сложного юридического факта, образующего основание уголовной ответственности, является, к примеру, норма ст. 125 УК РФ. В ней преступлением, влекущим уголовную ответственность в рамках охранительного уголовно-правового отношения, признается лишь такое деяние в виде оставления в опасности, которое совершено в отношении лица, находящегося в беспомощном состоянии. Конструкция, включающая в себя юридический факт-действие и факт-состояние, используется законодателем в нормах Особенной части УК РФ не только для установления основания уголовной ответственности, но и для ее дифференциации в сторону усиления или смягчения. В этих нормах к юридическому факту-действию обычно «привязан» юридический факт-состояние, характеризующий как субъекта преступления, так и потерпевшего. Скажем, дифференциация уголовной ответственности в сторону ее смягчения осуществлена законодателем в ст. 106 УК РФ с учетом состояния психического расстройства, не исключающего вменяемости, в котором находилась мать, совершившая убийство своего новорожденного ребенка. Напротив, совершение изнасилования потерпевшей, не достигшей 14-летнего возраста лицом, находящимся в состоянии судимости за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, влечет для него повышенную ответственность в рамках ст. 131 УК РФ.

Нормы Особенной части УК РФ отражают в своей материи юридические факты-состояния, которые, функционируя в рамках охранительных уголовно-правовых отношений, приобретают в отдельных случаях статус самостоятельных правоизменяющих или правопрекращающих обстоятельств, влияющих на правовое положение участников таких правоотношений. Скажем, в соответствии с ч. 1 ст. 81 УК РФ состояние психического расстройства, наступившее у лица после совершения преступления, вследствие чего оно лишается возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия), является правоизменяющим юридическим фактом, обуславливающим императивное решение об освобождении такого лица от наказания либо от его дальнейшего отбывания. Самостоятельно действующим юридическим правопрекращающим фактом-состоянием является судимость. Эта функция судимости заключается в прекращении правоохранительного уголовно-правового отношения по причине ее погашения в связи с истечением предусмотренных в ст. 86 УК РФ сроков, либо по причине ее снятия.

Группой юридических фактов-состояний, существующих по поводу реализации уголовной ответственности, не ограничивается механизм уголовно-правового регулирования. Уголовное законодательство содержит нормы, в которых зафиксированы признаки юридических фактов-состояний, действующих в сфере уголовно-правовых отношений по поводу исключения уголовной ответственности. Такие юридические факты-состояния (например, состояние необходимой обороны, крайней необходимости и др.) вместе с юридическими фактами-действиями по отражению общественно опасного посягательства, устранению грозящей опасности и т.п. образуют сложные юридические факты, закрепленные в ст. 37–42 УК РФ. Наличие таких юридических фактов в виде общественно полезных или социально оправданных актов человеческого поведения, совершенных в состояниях и при условиях, предусмотренных нормами ст. 37–42 УК РФ, исключает уголовную ответственность лица, причинившего вред.

В сфере уголовно-правовых отношений, возникающих по поводу исключения уголовной ответственности, действуют и другие юридические факты-состояния как элемент единого сложного юридического факта. Речь идет о юридических фактах в виде общественно опасных действий неделиктоспособных лиц (малолетних или невменяемых). Каждый из них представляет собой сложный юридический факт, образуемый сочетанием общественно опасного действия лица и определенного уголовным законом (ст. 20 УК РФ) его возрастного положения или состояния невменяемости (ст. 21 УК РФ). С общетеоретической точки зрения подобного рода сложные юридические факты можно рассматривать как относительные или абсолютные события, т.е. жизненные обстоятельства, формирование которых происходило при участии воли людей либо независимо от их воли. В качестве событий эти юридические факты интерпретируются и уголовно-правовыми нормами. К примеру, невменяемость прямо определяется в ч. 1 ст. 21 УК РФ как обстоятельство, исключающее уголовную ответственность лица, которое совершило общественно опасное деяние, находясь в этом состоянии.

Нормам действующего уголовного законодательства известны также юридические факты, именуемые относительными событиями, структуру которых образуют общественно опасное деяние и возрастное состояние малолетнего, совершившего это деяние до наступления возраста уголовной ответственности. Уголовно-правовая природа этих юридических фактов вытекает из содержания норм ст. 19 и 20 УК РФ, определяющих возрастное состояние лиц, подлежащих уголовной ответственности за преступления. Специфика содержащиеся в этих нормах велений за-

ключается в том, что, с одной стороны, они фиксируют нижние возрастные границы состояния уголовной деликтоспособности, которое наступает с момента достижения лицом возраста уголовной ответственности. С другой стороны, эти нормативные веления очерчивают верхние возрастные границы состояния, которое в противоположность уголовной деликтоспособности можно назвать состоянием уголовной неделиктоспособности. Юридическое бытие этого состояния существует до достижения лицом возраста уголовной ответственности. Уголовная неделиктоспособность предопределяет непреступный характер общественно опасного деяния, которое может быть совершено лицом, находящемся в этом состоянии. Однако следует иметь в виду, что в нормах ст. 19–20 УК РФ законодатель не ограничивается только тем, что наряду с уголовной деликтоспособностью по сути определяет и ее противоположность – уголовную неделиктоспособность. Уяснение смысла содержащихся в нормах ст. 19, 20 УК РФ предписаний в согласованном единстве с положениями ст. 8 и 14 УК РФ убеждает в их более широком функциональном предназначении. С нашей точки зрения, посредством этих норм законодатель предназначал модельные контуры того инструментального механизма регулирования отношений, которые возникают в связи с совершением лицом общественно опасного деяния до наступления возраста уголовной ответственности. Именно на основании вышеуказанных норм государство регулирует отношения, являющиеся следствием действия юридического факта – относительного события, образованного сочетанием общественно опасного деяния и состояния уголовной неделиктоспособности лица, его совершившего. Функция упорядочения этих фактических отношений, вытекающая из смысла ст. 19, 20 УК РФ, отнюдь не случайно принадлежит нормам уголовного права. Содержащиеся в них предписания говорят о том, что отношения между лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности, и государством обусловлены только тем фактом-событием, признаки которого вытекают из уголовного закона. Квалификации этого факта в качестве преступления препятствует его составляющая – состояние неделиктоспособности лица, совершившего общественно опасное деяние. Установление и юридическая констатация этого состояния осуществляются от имени государства его компетентными представителями (должностными лицами и государственными органами) исключительно в соответствии с уголовным законом и в рамках уголовно-правовых отношений. Результатом упорядочения этих отношений является подтверждение отсутствия в совершенном общественно опасном деянии признаков преступления и официальное признание его уголовно-ненаказуемым.

Пристатейный библиографический список

1. Керимов Д. А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). 2-е изд. М. : Аванта+, 2001.
2. Лосев А. Ф. Дерзание духа. М. : Политиздат, 1988.
3. Проблемы общей теории права и государства : учебник для вузов / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. М. : НОРМА ; ИНФРА-М, 2002.
4. Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М. : Юрид. лит., 1989.

References

1. Kerimov D. A. Methodology of Law (Subject, Functions, Problems of Philosophy of Law). 2nd ed. Moscow: Avanta+, 2001.
2. Losev A. F. Daring of the Spirit. Moscow: Politizdat, 1988.
3. Nersesiants V. S. (ed.). Problems of the General Theory of Law and the State: Textbook for Universities. Moscow: Norma; Infra-M, 2002.
4. Alekseev S. S. General Permits and General Prohibitions in Soviet Law. Moscow: Iuridicheskaja literatura, 1989.

К ВОПРОСУ О ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-4-23-28>

Эффективность противодействия взяточничеству зависит от многих факторов, в том числе от уровня соответствия антикоррупционного законодательства и практики его применения современным реалиям, интересам общества и государства в области борьбы с коррупцией, осуществляемой прежде всего с помощью уголовно-правовых мер. Научно обоснованная дифференциация уголовной ответственности за взяточничество и иные коррупционные преступления способствует совершенствованию таких мер, создает необходимые предпосылки для фактической реализации принципа справедливости. Предмет исследования составляет круг актуальных проблем, связанных с дифференциацией уголовной ответственности за получение взятки, дачу взятки, посредничество во взяточничестве и мелкое взяточничество. Цель исследования заключается в получении нового знания, способствующего дальнейшему развитию теории уголовного права в части формирования дифференцированных уголовно-правовых мер противодействия взяточничеству. Методология исследования включала всеобщий диалектический метод, общенаучные и частнонаучные методы, в том числе сравнительно-правовой метод и метод правового моделирования. Основное содержание работы отражает результаты исследования современных проблем дифференциации уголовной ответственности за взяточничество, рассмотренных через призму законодательства, теории и практики. Научная новизна исследования выражается в полученном новом знании относительно актуального состояния и направлений дальнейшей дифференциации уголовной ответственности за взяточничество. Основными результатами исследования являются научно обоснованные выводы и рекомендации относительно совершенствования уголовного законодательства в части дифференциации ответственности за взяточничество и практики его применения, что может быть принято во внимание в законотворческой деятельности, использоваться в практике органов предварительного расследования, прокуратуры и судов, в дальнейших исследованиях проблем противодействия коррупции и в учебном процессе образовательных учреждений юридического профиля. Самостоятельные выводы авторов заключаются в признании существующей дифференциации уголовной ответственности за взяточничество не в полной мере согласующейся с интересами общества и государства в области противодействия коррупции и нуждающейся в совершенствовании, в том числе с учетом повышенной социальной опасности продолжаемой преступной деятельности и совершения подкупа в сверхкрупных размерах.

БОРИСОВ

Сергей Викторович

доктор юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник
Института законодательства
и сравнительного правоведения
при Правительстве РФ (г. Москва)

svb8@yandex.ru

ФЕДИН

Андрей Николаевич

судья Московского городского суда
(г. Москва)

vandplina@rambler.ru

**Дифференциация
уголовной ответственности;
взяточничество;
коррупция;
коррупционное преступление**

Sergei V. BORISOV

Doctor of Legal Sciences,
Associate Professor, Leading
Researcher, Institute of Legislation
and Comparative Law under
the Government of the Russian
Federation (Moscow)
svb8@yandex.ru

Andrei N. FEDIN

Judge of the Moscow City Court
(Moscow)
vandplina@rambler.ru

**Differentiation of criminal
responsibility;
bribery;
corruption;
corruption crime**

ON THE DIFFERENTIATION OF CRIMINAL LIABILITY FOR BRIBERY

The effectiveness of combating bribery depends on many factors, including the level of compliance of anti-corruption legislation and its practice with modern realities, the interests of society and the state in the field of combating corruption, carried out primarily through criminal legal measures. The scientifically based differentiation of criminal liability for bribery and other corruption crimes contributes to the improvement of such measures, creates the necessary prerequisites for the actual implementation of the principle of justice. The subject of the study is a range of topical problems related to the differentiation of criminal liability for taking a bribe, giving a bribe, mediation in bribery and petty bribery. The aim of the study is to obtain new knowledge that contributes to the further development of the theory of criminal law in terms of the formation of differentiated criminal legal measures against bribery. The methodology of the study included the universal dialectical method, general scientific and private scientific methods, including the comparative legal method and the method of legal modeling. The main content of the work reflects the results of a study of modern problems of differentiation of criminal liability for bribery, considered through the prism of legislation, theory and practice. The scientific novelty of the study is expressed in the new knowledge received regarding the current state and directions of further differentiation of criminal liability for bribery. The main results of the study are scientifically based conclusions and recommendations on the improvement of criminal legislation in terms of differentiation of responsibility for bribery and its practice, which can be taken into account in legislative activities, used in the practice of preliminary investigation bodies, prosecutors and courts, in further studies of anti-corruption problems and in the educational process of legal institutions. The authors' independent conclusions are that the existing differentiation of criminal liability for bribery is not fully consistent with the interests of society and the state in the field of combating corruption and needs to be improved, including taking into account the increased social danger of continued criminal activity and bribery on an ultra-large scale.

Согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации искоренение коррупции относится к числу основных национальных интересов и целей обеспечения государственной и общественной безопасности, причем в современных условиях, характеризующихся сохранением ряда социально-экономических проблем, общество заинтересовано в усилении борьбы с коррупционными проявлениями, в том числе в предупреждении преступлений соответствующей направленности (п. 25, 45–47 упомянутой Стратегии). О необходимости совершенствования уголовно-правовых и иных мер, применяемых в рассматриваемой области, говорится в Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы. При этом одним из направлений совершенствования таких мер, как представляется, должна выступать дальнейшая дифференциация уголовной ответственности за коррупционные преступления, имеющая взвешенный, научно обоснованный

характер [1, с. 35–38; 2, с. 43–47]. В настоящей работе мы рассмотрим данный вопрос в контексте установления и реализации уголовной ответственности за взяточничество, включающее в себя такие преступления, как получение и дача взятки, посредничество во взяточничестве и мелкое взяточничество, предусмотренные ст. 290, 291 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ).

Дифференциация ответственности в указанных уголовно-правовых нормах произведена с учетом нескольких критериев, относящихся к признакам объекта, объективной стороны и субъекта соответствующих преступлений. Последовательно рассмотрим данные критерии и возникающие в связи с ними проблемы.

Прежде всего остановимся на размере взятки как основном критерии дифференциации ответственности за данные преступления. Так, применительно к получению и даче взятки этот размер имеет пяти-

ступенчатую градацию и делится на «мелкий» (не более 10 тыс. руб.), незначительный (свыше 10 тыс. руб.), значительный (более 25 тыс. руб.), крупный (свыше 150 тыс. руб.) и особо крупный (более 1 млн. руб.). При этом ст. 290 и 291 УК РФ в первоначальной редакции предусматривали только два размера взятки: «обычный» (не крупный) и крупный, тогда как в 2011 г. данная градация была расширена посредством ее дополнения значительным и особо крупным размерами, причем определения таковых в денежном (стоимостном) выражении, приводимые в примечании 1 к ст. 290 УК РФ, в дальнейшем не менялись, несмотря на рост цен и существенное уменьшение покупательной способности суммы денег, образующей тот или иной размер предмета подкупа. Тем самым существующая законодательная дифференциация уголовной ответственности за взяточничество с течением времени все в большей степени диссонирует с фактически уменьшающейся общественной опасностью получения и дачи взятки, совершаемых в соответствующих размерах [3, с. 36–38].

В 2016 г. гл. 30 УК РФ была дополнена новой ст. 291², в которой был закреплён «мелкий» размер взятки, что расширило дифференциацию уголовной ответственности за получение и дачу последней. Вместе с тем в данном случае во внимание не была принята необходимость обеспечения системности уголовного закона в рамках охраны одних и тех же общественных отношений от аналогичных посягательств, поскольку ст. 291² УК РФ не включает квалифицирующие признаки, присутствующие в ст. 290 и 291 УК РФ (например, получение взятки, сопряженное с ее вымогательством).

В связи с возникшими вопросами по поводу квалификации мелкого взяточничества, совершенного при такихотягчающих обстоятельствах, Президиум Верховного Суда РФ пояснил, что ст. 291² УК РФ является специальной нормой по отношению к ст. 290 и 291 УК РФ, применяется самостоятельно и не содержит указания на то, что она не распространяется на деяния, содержащие квалифицирующие признаки составов получения или дачи взятки. В частности, получение и дача взятки в размере, не превышающем 10 тыс. руб., влекут ответственность по ч. 1 ст. 291² УК РФ вне зависимости от того, когда (до или после 15 июля 2016 г.) и в связи с какими действиями (законными либо незаконными) они осуществлены, а также от того, совершено соответствующее деяние единолично либо в соучастии (группой лиц по предварительному сговору или организованной группой).

Согласно данным судебной статистики значительное число лиц, ежегодно осуждаемых за взяточничество, признаются виновными в получении или даче взятки в «мелком» размере, наказуемых по ч. 1 ст. ст. 291¹ УК РФ. Так, в 2017 г. за данные деяния

по основной и дополнительной квалификации было осуждено 2751 лицо, в 2018 г. – 2674 лица, в 2019 г. – 2093 лица и в 2020 г. – 1818 лиц¹. Отметим, что тенденция к постепенному снижению числа таких лиц не в полной мере согласуется с динамикой количества осужденных за взяточничество в целом, что, на наш взгляд, обусловлено инфляцией и ее следствием – снижением покупательной способности денег, приводящей к увеличению размера взяток. Для сравнения укажем, что в 2017 г. за получение взятки (ст. 290 УК РФ) и дачу взятки (ст. 291 УК РФ) по основной и дополнительной квалификации было осуждено 2490 лиц, в 2018 г. – 2618 лиц, в 2019 г. – 3052 лица и в 2020 г. – 2545 лиц. В первые шесть месяцев 2021 г. по ч. 1 ст. 291² УК РФ было осуждено 1064 лица, а по ст. 290 и 291 УК РФ – 1439 лиц.

С нашей точки зрения, введение ст. 291² УК РФ практически полностью исключило возможность признания малозначительными случаев дачи и получения взятки в минимальных размерах, объективно не представляющих общественной опасности, присущей преступлению. Так, в 2020 г. сумма выявленных взяток по числу составов преступлений, включая дополнительную квалификацию, в 0,6% случаев составляла до 1 тыс. руб., в 19,8% – от 1 тыс. до 10 тыс. руб. [4, с. 87–88]. Представляется, что для эффективного противодействия мелкому взяточничеству вполне достаточно было бы закрепить ответственность за данные деяния в Кодексе РФ об административных правонарушениях, тогда как повторное их совершение, а равно осуществление таковых лицом, имеющим судимость за получение или дачу взятки либо при наличии квалифицирующих признаков, содержащихся в ч. 2–6 ст. 290 или ч. 2–5 ст. 291 УК РФ, – отнести к сфере действия уголовного закона. Тем самым был бы сделан шаг к дифференциации юридической ответственности за взяточничество и исключению судимости тех лиц, которые впервые совершили деяния, не обладающие общественной опасностью. Кроме того, реализация данного предложения одновременно создаст предпосылки для того, чтобы основные усилия государства были направлены на противодействие действительно опасным проявлениям коррупции, а не растрчивались в погоне за статистическими показателями в данной области. Так, имеющиеся данные о применении ч. 2 ст. 291² УК РФ об ответственности за мелкое взяточничество, совершенное лицом, имеющим судимость за это деяние, или преступления, предусмотренные ст. 290, 291¹ УК РФ, свидетельствуют о минимальном числе осужденных, вернувшихся к рассматриваемому коррупционному поведению

¹ Здесь и далее использованы статистические данные, размещенные на сайте Судебного департамента при Верховном Суде РФ: <http://www.vsrfr.ru>.

после отбытия наказания за взяточничество (в 2018 г. по ч. 2 ст. 291² УК РФ по основной и дополнительной квалификации было осуждено восемь лиц, в 2019 г. – шесть лиц и в 2020 г. – шесть лиц).

В ст. 291¹ УК РФ, введенной в 2011 г. указанным выше Федеральным законом, первые четыре части посвящены ответственности за посредничество во взяточничестве, наступающей при условии, что размер взятки, получению и (или) передаче которой содействует виновный, является как минимум значительным, тогда как повышение размера взятки до крупного и особо крупного обуславливает последовательное повышение строгости наказания за это деяние в ч. 3 и 4 данной уголовно-правовой нормы. Обещание или предложение посредничества также влекут уголовную ответственность по ч. 5 ст. 291¹ УК РФ, если взятка, по поводу которой они высказаны или иным образом выражены, имеет значительный размер, однако повышение этого размера до крупного или особо крупного не предусмотрено в качестве квалифицирующего (особо квалифицирующего) признака состава данного преступления. То есть несогласованность в законодательном закреплении дифференциации уголовной ответственности наблюдается как между нормами о взяточничестве (ст. 290, 291, 291² УК РФ) и посредничестве в его осуществлении (ст. 291¹ УК РФ), так и внутри последней из данных норм.

Отмеченная несогласованность одновременно привела к возникновению пробела в части криминализации пособничества в получении и (или) даче взятки в «мелком» и незначительном размерах, оставленного законодателем вне сферы применения ст. 291¹ УК РФ и, как следствие, за рамками уголовного закона в целом. Как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ в п. 13³ постановления от 9 июля 2013 г. № 24 (в ред. от 24 декабря 2019 г.) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», из содержания диспозиций ст. 291¹ и 204¹ УК РФ следует, что посредничество во взяточничестве влечет уголовную ответственность исключительно при его совершении в значительном, крупном и особо крупном размерах, поэтому посреднические действия при получении и (или) даче взятки на сумму, не более 25 тыс. руб., не могут быть квалифицированы со ссылкой на ст. 33 УК РФ как соучастие в совершении данных преступлений. Вместе с тем полагаем, что открытым остается вопрос об уголовной ответственности за соучастие в получении или даче взятки, в том числе в «мелком» размере, осуществленное в виде действий, не охватываемых посредничеством, например, заключающихся в подстрекательстве к таким преступлениям [5, с. 47–49].

Несогласованность внутри ст. 291¹ УК РФ заключается не только в отсутствии дифференциации ответственности за обещание или предложение посредничества

во взяточничестве, но и в необоснованном установлении за данное преступление более строгого наказания, чем за само посредничество, предусмотренное ч. 1 данной статьи. На необходимость устранения данной диспропорции в наказании за посредничество во взяточничестве и обещание или предложение такого посредничества указано в п. 18 Национального плана противодействия коррупции на 2021–2024 годы.

Отметим, что ст. 291¹ УК РФ применяется на практике реже, чем остальные нормы об ответственности за взяточничество. Так, в 2020 г. по ч. 1–4 ст. 291¹ УК РФ по основной и дополнительной квалификации было осуждено 235 лиц, а по ч. 5 данной статьи – 29 лиц. Вместе с тем опрос 165 представителей практических органов (судей, работников прокуратуры, следователей и сотрудников оперативных подразделений) и изучение материалов 280 уголовных дел о взяточничестве, проводившиеся авторами в Москве и Московской области в 2021 г., показали, что в подавляющем большинстве случаев получение и дача взятки осуществляются при содействии третьих лиц, значительная часть которых не привлекается к ответственности или освобождается от нее вследствие осуществления соответствующих действий под контролем и по заданию правоохранительных органов, а равно по причинам последующей активной помощи данным органам либо в силу неустановления таких лиц по уголовному делу. Также применение ст. 291¹ УК РФ затрудняют отмеченные выше недостатки данной нормы.

По нашему мнению, наличие ст. 291¹ УК РФ не только не способствует, но и препятствует дифференциации уголовной ответственности за получение и дачу взятки, совершаемые в соучастии. Представляется, что расширение содержания функций пособника преступления в ч. 5 ст. 33 УК РФ посредством включения в таковые указания на иное существенное содействие преступлению позволило бы отказаться от введения в Особенную часть УК РФ норм, подобных ст. 291¹ УК РФ, а также способствовало бы согласованной дифференциации уголовной ответственности всех соучастников получения и дачи взятки.

Помимо увеличения размера взятки в рассматриваемых уголовно-правовых нормах используются и другие критерии для дифференциации ответственности, закрепленные в виде квалифицирующих признаков составов преступлений, относящихся к взяточничеству. Учитывая ограниченные рамки научной статьи, остановимся на тех из них, которые, на наш взгляд, нуждаются в дальнейшем развитии и совершенствовании.

Так, в ч. 3 ст. 290, ч. 3 ст. 291 и ч. 2 ст. 291¹ УК РФ установлена более строгая ответственность за получение или дачу взятки, а равно за посредничество в их осуществлении в связи с совершением получателем взятки заведомо незаконных действий (бездействия).

На практике это один из наиболее часто встречающихся квалифицирующих признаков, учитываемых при квалификации рассматриваемых преступлений. Так, в 2020 г. по ч. 3 ст. 290 УК РФ было осуждено 439 лиц, по ч. 3 ст. 291 УК РФ – 1037 лиц и по ч. 2 ст. 291¹ УК РФ – 75 лиц. Между тем уголовный закон не позволяет дифференцировать ответственность в зависимости от того, осуществлены ли эти деяния в связи совершением взяткополучателем преступлений или иных правонарушений. Представляется, что за получение или дачу взятки, а равно за посредничество в таковых, обусловленные преступным поведением должностного лица, следует предусмотреть более строгое наказание, нежели за те же деяния, связанные с действиями (бездействием) должностного лица, нарушающими нормы иных отраслей права.

Полагаем, что совмещение в одном и том же квалифицирующем признаке (п. «а» ч. 5 ст. 290, п. «а» ч. 4 ст. 291, п. «а» ч. 3 ст. 291¹ УК РФ) указания на совершение преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой также не способствует дифференциации уголовной ответственности, поскольку не учитывает различия в данных формах соучастия, в том числе повышенную общественную опасность организованной преступной деятельности. В связи с этим представляется целесообразным разделить данное обстоятельство на два самостоятельных квалифицирующих признака с установлением менее строгого наказания за указанные деяния, совершенные группой лиц по предварительному сговору, и повышением его строгости при участии в деянии организованной группы.

Кроме того, на наш взгляд, перспективным направлением совершенствования дифференциации уголовной ответственности за взяточничество является законодательное закрепление таких квалифицирующих признаков, как систематическое соверше-

ние данных преступлений, а равно их осуществление в сверхкрупном размере. Первый из данных признаков позволит учесть повышенную общественную опасность криминального промысла в виде продолжаемого подкупа должностных лиц, а второй – случаи получения и дачи взяток, значительно превосходящих по своей стоимости (денежной сумме) установленный в уголовном законе особо крупный размер, например, когда взятка превышает 50 млн руб.

Совокупность высказанных в настоящей работе предложений поддержали 78,2% опрошенных представителей практических органов.

Завершая настоящее исследование, сформулируем основные выводы:

1. Существующая дифференциация уголовной ответственности за взяточничество не в полной мере согласуется с интересами общества и государства в области противодействия коррупции и нуждается в совершенствовании.

2. Направлениями совершенствования дифференциации уголовной ответственности за взяточничество являются изменение отдельных квалифицирующих признаков, содержащихся в ст. 290 и 291 УК РФ, а также дополнение данных норм новыми отягчающими обстоятельствами, учитывающими повышение общественной опасности продолжаемой преступной деятельности и совершения деяний в особо крупном размере; признание ст. 291¹ УК РФ утратившей силу; изменение вида противоправности мелкого взяточничества, совершенного впервые или без квалифицирующих признаков, присущих составам получения и дачи взятки.

Реализация высказанных предложений, на взгляд авторов, способна повысить эффективность противодействия взяточничеству, что также актуально и для дальнейшего развития уголовно-правовых норм об ответственности за коммерческий подкуп.

Пристатейный библиографический список

1. *Фоменко Е. В.* К вопросу о семантике преступлений, связанных с подкупом, и их месте среди преступлений коррупционной направленности // *Российский следователь*. 2018. № 6.
2. *Фоменко Е. В.* Соотношение понятий «подкуп» и «коррупция»: сравнительно-правовой анализ // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2019. № 8.
3. *Решняк М. Г.* Актуальные проблемы соотношения уголовно-правовых мер противодействия коррупции в частной и публичной сферах в Российской Федерации // *Безопасность бизнеса*. 2021. № 4.
4. Обзор статистических данных по уголовным делам, рассмотренным судами Российской Федерации в 2020 году. М.: Управление систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда РФ, 2021.
5. *Скобляков П. А.* Новая редакция Постановления Пленума Верховного Суда РФ о судебной практике по делам о коррупционных преступлениях: комментарий сложных и неоднозначных положений // *Российский судья*. 2020. № 8.

References

1. *Fomenko E. V.* On the Semantics of Crimes Related to Bribery and Their Place Among Corruption-Related Crimes. *Russian Investigator*. 2018. No. 6.
2. *Fomenko E. V.* Correlation of the Concepts of "Bribery" and "Corruption": Comparative Legal Analysis. *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2019. No. 8.
3. *Reshniak M. G.* Actual Problems of the Correlation of Criminal and Legal Measures Against Corruption in the Private and Public Spheres in the Russian Federation. *Business Security*. 2021. No. 4.
4. Overview of Statistical Data in Criminal Cases Reviewed by the Courts of the Russian Federation in 2020. Moscow: Department of Systematization of Legislation and Analysis of the Judicial Practice of the Supreme Court, 2021.
5. *Skoblikov P. A.* New Edition of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court on Judicial Practice in Cases of Crimes of Corruption: A Review of Complex and Ambiguous Provisions. *Russian Judge*. 2020. No. 8.

ЕСТЬ ЛИ СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ В СУБЪЕКТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ?

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-4-29-34>

Актуальность данной статьи обоснована необходимостью анализа изменений, внесенных в Конституцию РФ, затрагивающих судебную систему РФ. Цель исследования – анализ федерального законодательства, федерального законодательного процесса, мнений ученых, практиков о судебной системе РФ и наличии судебной власти в субъекте РФ. Предметом исследования явились правоотношения, возникшие в связи с внесенными в Конституцию РФ изменениями. При исследовании были использованы различные методы, в частности научный, анализа, сравнения, исторический, обобщения. В результате проведенного исследования сделаны следующие выводы: в субъекте РФ осуществляют правосудие мировые судьи, которые являются судами субъекта РФ; данные суды входят в единую судебную систему РФ и не образуют самостоятельную судебную власть субъекта РФ. На наш взгляд, отсутствие судебной ветви власти при функционировании государственной власти в субъекте РФ влечет нарушение принципа разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную, так как мировые судьи не имеют полномочий в обеспечении сбалансированности полномочий и исключения сосредоточения всех полномочий или большей их части в ведении одного органа государственной власти.

КУРМАНОВ
Мидхат Мазгутович

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права Казанского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), профессор кафедры конституционного и административного права Казанского (Приволжского) федерального университета, Заслуженный юрист РФ (г. Казань)
Kurmanov_midhat@mail.ru

**Суды общей юрисдикции;
судебная система РФ;
конституционные (уставные)
суды субъектов РФ;
кадры судебных органов**

Midkhat M. KURMANOV

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Professor, Department of Civil Law, Kazan Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice, Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Kazan (Volga Region) Federal University, Honored Lawyer of the Russian Federation (Kazan)
Kurmanov_midhat@mail.ru

**Courts of general jurisdiction;
judicial system of the Russian Federation;
constitutional (statutory) courts of the constituent entities of the Russian Federation;
judicial personnel**

IS THERE A JUDICIAL POWER IN THE SUBJECT OF THE RUSSIAN FEDERATION?

The relevance of this article is based on the need to analyze the changes made to the Constitution of the Russian Federation, affecting the judicial system of the Russian Federation. The aim of this study was to analyze federal legislation, federal legislative process, opinions of scientists and practitioners about the judicial system of the Russian Federation and the existence of judicial power in a constituent entity of the Russian Federation. The subject of the research is the legal relationship that arose in connection with the amendments to the Constitution of the Russian Federation. In the study, various methods were used, in particular scientific, analysis, comparison, historical, generalization. As a result of the study, it was concluded: in a constituent entity of the Russian Federation, justices of the peace, who are the courts of a constituent entity of the Russian Federation, administer justice; these courts are part of the unified judicial system of the Russian Federation and do not form an independent judicial authority of a constituent entity of the Russian Federation. In our opinion, the absence of a judicial branch of government in the functioning of state power in a constituent entity of the Russian Federation entails a violation of the principle of separation of state power into legislative, executive and judicial, since justices of the peace do not have the authority to ensure a balance of powers and exclude the concentration of all powers or most of them in the jurisdiction of one public authority.

В Конституции РФ провозглашено, что государственную власть в субъектах РФ осуществляют образуемые ими органы государственной власти (ч. 2 ст. 11).

Статья 10 Конституции РФ закрепляет принцип разделения властей для организации государственной власти в РФ. Следовательно, государственная власть и в субъектах РФ также должна строиться на разделении законодательной, исполнительной и судебной власти, а также на основе самостоятельности их органов.

Пункт «н» ст. 72 Конституции РФ определяет, что в совместном ведении РФ и субъектов РФ находится установление общих принципов организации системы органов государственной власти.

При этом Конституция РФ предусматривает, что система органов государственной власти республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов устанавливается субъектами РФ самостоятельно в соответствии с основами конституционного строя РФ и общими принципами организации представительных и исполнительных органов государственной власти, установленными федеральным законом (ст. 77).

В развитие положений Конституции РФ был принят Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», которым установлены система органов государственной власти субъекта РФ, порядок образования формирования, деятельность законодательных и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ, их полномочия и ответственность, порядок взаимодействия между собой и с федеральными органами власти.

Статья 1 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в соответствии с Конституцией РФ закрепила принцип, согласно которому деятельность органов государственной власти субъекта РФ осуществляется также в соответствии с принципом разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную в целях обеспечения сбалансированности полномочий и исключения сосредоточения всех полномочий или большей их части в ведении одного органа государственной власти либо должностного лица.

Реализуя данный принцип, субъекты РФ (Башкортостан, Чечня, Татарстан, Марий Эл, Чувашия, Москва, Свердловская область и др.) в своих конституциях, уставах закрепили принцип разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную.

Однако в ст. 2 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» устанавливается, что «органов государственной власти субъекта Российской Федерации составляют: законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта Российской Федерации; высший исполнительный орган государственной власти субъекта Российской Федерации; иные органы государственной власти субъекта Российской Федерации, образуемые в соответствии с конституцией (уставом) субъекта Российской Федерации».

Как видим, в данной статье Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» судебная власть субъекта РФ не упоминается.

В соответствии с п. «л» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ вопросы кадров судебных органов находятся в совместном ведении РФ и субъектов РФ. Исходя из этого возникает вопрос: что скрыто под словами «кадры судебных органов»?

Внесение изменений и дополнений в Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», Федеральный закон от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» и принятие Федерального закона от 14 марта 2002 г. № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» были направлены на разграничение компетенции между РФ и субъектами РФ по вопросам кадров судебных органов и частично эти вопросы разрешили. Под кадрами в данном случае понимаются кандидаты в судьи, судьи федеральных судов, мировые судьи, члены квалификационных коллегий судей.

В решениях Конституционного Суда РФ по п. «л» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ закрепляется правило: полномочия между РФ и ее субъектами по предметам совместного ведения должны распределяться таким образом, чтобы при принятии соответствующих решений обеспечивались учет и согласование интересов РФ и ее субъектов.

Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» установил, что судебная власть в РФ осуществляется только судами в лице судей и привлекаемых в установленном законом порядке к осуществлению правосудия присяжных и арбитражных заседателей. Никакие другие органы и лица не вправе принимать на себя осуществление правосудия, и провозглашается единство судебной системы.

Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» также установил, что к судам субъектов РФ относятся: конституци-

онные (уставные) суды субъектов РФ, мировые судьи, являющиеся судьями общей юрисдикции субъектов РФ. Внесенными Федеральным конституционным законом от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» изменениями к системе судов общей юрисдикции субъектов РФ отнесены мировые судьи [1, с. 7–10].

Взаимоотношения законодательных органов государственной власти субъектов РФ и квалификационных коллегий судей субъектов РФ были предметом исследования автора [2, с. 50].

Анализ положений Конституции РФ, федерального законодательства в полной мере не позволяет ответить на вопрос, есть ли самостоятельная судебная власть в субъекте РФ.

Обратимся к мнению ученых. Так, Ж. И. Овсепян полагает, что судебная система в РФ складывается из двух подсистем судов (федеральных и судов субъектов РФ), и придерживается точки зрения о том, что в России законодательно оформлено создание судебной системы субъектов РФ [3, с. 513].

А. М. Цалиев призывает к созданию конституционных (уставных) судов субъектов РФ и признает наличие судебной власти в субъектах РФ [4, с. 36–41].

С. Г. Павликов утверждает, что формирование систем судов субъектов РФ непосредственно предусмотрено ч. 1 ст. 77 Конституции РФ, согласно которой система органов государственной власти республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов устанавливается субъектами РФ самостоятельно в соответствии с основами конституционного строя, в числе которых федеративный характер Российского государства [5].

О. В. Дьяченко, Т. В. Цатурян полагают, что принцип федерализма, закрепленный в Конституции РФ, является предопределяющим в специфике судебной системы нашего государства. На основе ст. 1, 10, ч. 2, 3 ст. 11, ч. 1 ст. 77, ст. 128 Конституции РФ можно сделать вывод о необходимости вхождения судебных органов в систему органов власти субъектов РФ [6, с. 36–37].

А. Н. Мещеряков признает наличие судебной власти в субъектах РФ и закрепление данной власти в конституциях и уставах субъектов РФ [7, с. 15–21].

К нему присоединяется и Г. Н. Копятина, разделяя мнение о наличии судебной власти в субъекте РФ [8, с. 78–81].

М. М. Шипанов утверждает, что «Конституция РФ устанавливает единую судебную систему и не предполагает в качестве самостоятельных судебные системы субъектов Российской Федерации» [9, с. 2–5].

Разрешение проблемы наличия или отсутствия судебной власти субъекта РФ можно рассмотреть на примере попытки реализации законодательной инициативы Государственным Советом Республики Татарстан (далее – РТ).

Государственный Совет РТ в порядке реализации законодательной инициативы, предусмотренной ст. 104 Конституции РФ, 17 июля 2003 г. внес в Государственную Думу ФС РФ проект федерального конституционного закона «О внесении изменения в статью 27 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации»» и проект федерального закона «О внесении дополнения в статью 2 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»» (номера № 381984-3, № 381996-3). В данных проектах законов предлагалось:

1) закрепить обязательность создания конституционных (уставных) судов и введения института мировых судей во всех субъектах РФ;

2) дополнить перечень полномочий конституционных (уставных) судов субъектов РФ в соответствии с определением Конституционного Суда РФ от 6 марта 2003 г. № 103-О по делу о проверке конституционности ч. 1 ст. 27 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации».

На обязательность создания конституционного (уставного) суда субъекта РФ указывает анализ полномочий данного суда. Обратимся к ч. 1 ст. 27 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации»: «Конституционный (уставный) суд субъекта Российской Федерации может создаваться субъектом Российской Федерации для рассмотрения вопросов соответствия законов субъекта Российской Федерации, нормативных правовых актов органов государственной власти субъекта Российской Федерации, органов местного самоуправления субъекта Российской Федерации конституции (устава) субъекта Российской Федерации, а также для толкования конституции (устава) субъекта Российской Федерации».

Одним из доводов для реализации законодательной инициативы Государственным Советом РТ явилось определение Конституционного Суда РФ от 6 марта 2003 г. № 103-О, принятое по запросу в Конституционный Суд РФ Государственного Совета РТ и Государственного Собрания Республики Башкортостан о соответствии ч. 1 ст. 27 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» Конституции РФ. В запросе утверждается, что данная норма как устанавливающая исчерпывающий перечень полномочий конституционного (уставного) суда субъекта РФ противоречит ст. 11 (ч. 2), 72 (п. «н» ч. 1), 73, 77 (ч. 1) и 118 (ч. 2) Конституции РФ, поскольку ограничивает право субъектов РФ наделять эти суды, являющиеся судами субъектов РФ, дополнительными полномочиями. Государственное Собрание Республики Башкортостан полагает, что установление исчер-

пывающего перечня полномочий конституционного (уставного) суда субъекта РФ не соответствует ст. 128 (ч. 3) Конституции РФ.

Конституционный Суд РФ установил: «Часть 1 статьи 27 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» не препятствует закреплению в конституциях (уставах) субъектов Российской Федерации дополнительных, по сравнению с установленным перечнем, полномочий конституционных (уставных) судов, не вторгающихся в компетенцию Конституционного Суда Российской Федерации, других федеральных судов и соответствующих компетенции субъекта Российской Федерации. При этом из Конституции Российской Федерации и Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации», других федеральных законов не вытекает требование установления конституциями (уставами) субъектов Российской Федерации единообразного перечня полномочий конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации».

Представлять данный законопроект в Государственной Думе ФС РФ было поручено автору статьи.

Заключением Правового управления Аппарата Государственной Думы по проекту федерального закона № 381984-3 предложено отклонить данную законодательную инициативу по следующим основаниям: «Законопроектом предлагается дополнить часть первую статьи 2 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», касающуюся системы органов государственной власти субъекта Российской Федерации, записью о конституционном (уставном) суде, мировых судьях субъекта Российской Федерации. Исходя из названия Закона и его концепции, предлагаемое дополнение не относится к предмету регулирования Закона, так как под словосочетанием «система государственной власти субъектов Российской Федерации» в Законе понимается система законодательных и исполнительных органов государственной власти (см., например, преамбулу Федерального закона, а также статью 1 Закона, в которой среди принципов деятельности органов государственной власти субъекта Российской Федерации отсутствуют такие принципы судебной власти и судопроизводства, как осуществление правосудия только судом, независимость, несменяемость и неприкосновенность судей, гласность в деятельности судов, состязательность и равноправие сторон).

Кроме того, в ст. 3.1 Закона установлена ответственность органов государственной власти субъектов Российской Федерации, специфичная именно для законодательных (представительных) и исполнительных органов, например, ответственность органов за

принятие нормативных правовых актов, противоречащих Конституции, федеральным конституционным законам и федеральным законам. Что касается судов, то они не несут какой-либо ответственности, а к судьям применяется обычно дисциплинарная ответственность за нарушение положений кодекса судейской этики (ст. 15 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», ст. 12.1 Федерального закона «О статусе судей в Российской Федерации»).

Такая правовая позиция соответствует определению Конституционного Суда РФ от 8 июня 2000 г. № 91-О «По запросу Правительства Республики Ингушетия о проверке конституционности части первой статьи 2, статей 5, 6, 7, 8, пункта 2 статьи 9, статьи 21 и пункта 4 статьи 23 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»», в котором поясняется, что Конституция РФ относит к ведению Российской Федерации судоустройство (статья 71, пункт «о»), установление системы федеральных органов судебной власти, порядка их организации и деятельности (статья 71, пункт «г»), установление судебной системы Российской Федерации в целом, которые в силу статьи 118 (часть 3) определяются исключительно Конституцией РФ и федеральными конституционными законами. К ведению Российской Федерации относятся также уголовно-процессуальное, гражданско-процессуальное и арбитражно-процессуальное законодательство (статья 71, пункт «о»). Конституция РФ непосредственно предусматривает существование единой судебной системы Российской Федерации и не предполагает в качестве самостоятельных судебных системы субъектов Российской Федерации».

Правительство РФ не поддержало законопроект и в отзыве указало: законопроектом предлагается включить в состав системы органов государственной власти субъекта РФ, установленной в ст. 2 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», конституционный (уставный) суд, мировых судей субъекта РФ.

Конституция РФ относит к ведению РФ как судоустройство и установление системы федеральных органов судебной власти, порядка их организации и деятельности, так и установление судебной системы РФ в целом, которая определяется исключительно Конституцией и федеральным конституционным законом.

Согласно Федеральному конституционному закону «О судебной системе Российской Федерации» конституционные (уставные) суды и мировые судьи субъектов РФ составляют единую судебную систему РФ.

Кроме того, в ст. 2 Федерального закона уже закреплено, что в систему органов государственной власти субъекта РФ могут входить и иные органы государственной власти, образуемые в соответствии с конституцией (уставом) субъекта РФ.

Следует также отметить, что предлагаемая редакция законопроекта предполагает императивное установление во всех субъектах РФ одинаковой судебной системы. В этом случае налицо будет противоречие с положениями Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации». В данном Федеральном конституционном законе (ч. 1 ст. 27) устанавливается, что конституционный (уставной) суд субъекта РФ может создаваться субъектом РФ. Обязательности создания конституционного (уставного) суда не предусматривается [10, с. 143–160].

Государственная Дума ФС РФ отклонила данный законопроект и как будто предвидела, что Федеральное Собрание РФ путем принятия изменений в ст. 118 Закона исключит возможность создания конституционных (уставных) судов субъектов РФ.

Так, Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» ч. 3 ст. 118 изложена в следующей редакции: «3. Судебная система Российской Федерации устанавливается Конституцией Российской Федерации и федеральным конституционным законом. Судебную систему Российской Федерации составляют Конституционный Суд Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации, федеральные суды общей юрисдикции, арбитражные суды, мировые судьи субъектов Российской Федерации. Создание чрезвычайных судов не допускается».

Соответственно, после всероссийского голосования по вопросу одобрения поправок в Конститу-

цию РФ данные поправки вступили в законную силу, и это повлекло необходимость исключения из Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» и Федерального закона «О статусе судей в Российской Федерации» упоминания о конституционных (уставных) судах субъектов РФ.

И вот этот час настал. Федеральным конституционным законом «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы» внесены изменения в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и до 1 января 2023 г. конституционные (уставные) суды субъектов РФ будут упразднены.

Однако субъекты РФ вправе принять решение о создании конституционных (уставных) советов, действующих при законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов РФ.

Но это уже другая история.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать следующие выводы:

- в субъекте РФ осуществляют правосудие мировые судьи, которые являются судьями субъекта РФ;
- данные судьи входят в единую судебную систему РФ и не образуют самостоятельную судебную власть субъекта РФ.

На наш взгляд, отсутствие судебной ветви власти при функционировании государственной власти в субъекте РФ влечет нарушение принципа разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную, так как мировые судьи не имеют полномочий в обеспечении сбалансированности полномочий и исключения сосредоточения всех полномочий или большей их части в ведении одного органа государственной власти либо должностного лица.

Пристатейный библиографический список

1. Курманов М. М., Гарифуллина А. Р. Оценка судами законов субъектов Российской Федерации о мировых судьях // Мировой судья. 2007. № 2.
2. Курманов М. М. Проблемы конституционно-правовой ответственности, прекращения, продления полномочий законодательного органа субъекта Российской Федерации : теоретико-прикладной анализ : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2010.
3. Овсянян Ж. И. Система высших органов государственной власти в России (диалектика конституционно-правовых основ с начала XX по начало XXI в.) : монография. Ростов н/Д : Ростовский университет, 2006.
4. Цалиев А. М. Судебная власть субъектов Российской Федерации : история и современность // Российское право: Образование. Практика. Наука. 2015. № 4 (88).
5. Павликов С. Г. Система судов субъектов Российской Федерации : конституционно-правовое исследование : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2010.
6. Дьяченко О. В., Цатуриян Т. В. Судебная власть субъектов Российской Федерации // Закон и право. 2014. № 4.
7. Мецержаков А. Н. Специфика реализации принципа разделения властей в субъектах Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2014. № 1.

8. *Копятина Г. Н.* Реализация принципа единства системы судебной власти в субъектах Российской Федерации // Современное право. 2013. № 8.
9. *Щипанов М. М.* Конституционная природа принципа разделения властей субъектов Российской Федерации: особенности правового регулирования // Современное право. 2009. № 3 (1).
10. *Курманов М. М.* Законодательный (представительного) орган государственной власти субъекта Российской Федерации в законодательном процессе // Федерализм. 2004. № 1.

References

1. *Kurmanov M. M., Garifullina A. R.* Evaluation by the Courts of the Laws of the Constituent Entities of the Russian Federation on Justices of the Peace. *Magistrate Judge*. 2007. No. 2.
2. *Kurmanov M. M.* Problems of Constitutional and Legal Responsibility, Termination, Extension of the Powers of the Legislative Body of a Constituent Entity of the Russian Federation: Theoretical and Applied Analysis: Synopsis of a Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences. Moscow, 2010.
3. *Khovsepian Zh. I.* The System of the Highest Bodies of State Power in Russia (Dialectics of Constitutional and Legal Foundations from the Beginning of the 20th Century to the Beginning of the 21st Century). Rostov-on-Don: Rostov University Publ., 2006.
4. *Tsaliev A. M.* Judicial Power of the Constituent Entities of the Russian Federation: History and Modernity. *Russian Law: Education. Practice. The Science*. 2015. No. 4 (88).
5. *Pavlikov S. G.* The System of Courts of the Constituent Entities of the Russian Federation: Constitutional Law Research: Synopsis of a Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences. Moscow, 2010.
6. *Diachenko O. V., Tsaturian T. V.* Judicial Power of the Constituent Entities of the Russian Federation. *Law and Law*. 2014. No. 4.
7. *Meshcheriakov A. N.* The Specifics of the Implementation of the Principle of Separation of Powers in the Constituent Entities of the Russian Federation. *Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2014. No. 1.
8. *Kopiatina G. N.* Implementation of the Principle of Unity of the Judicial Power System in the Constituent Entities of the Russian Federation. *Modern Law*. 2013. No. 8.
9. *Shchipanov M. M.* The Constitutional Nature of the Principle of Separation of Powers of the Constituent Entities of the Russian Federation: Features of Legal Regulation. *Modern Law*. 2009. No. 3 (1).
10. *Kurmanov M. M.* Legislative (Representative) Body of State Power of the Constituent Entity of the Russian Federation in the Legislative Process. *Federalism*. 2004. No. 1.

ПЕРСПЕКТИВЫ УСТАНОВЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ИНЦЕСТ*

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-4-35-40>

Настоящее исследование посвящено поиску ответов на наиболее распространенные вопросы об уголовной ответственности за инцест. Предполагается разрешить вопросы о наличии общественной опасности инцеста, о возможности установления в российском законодательстве уголовной ответственности за инцест, а также о допустимости и относимости соответствующего состава преступления. Разрешение указанных вопросов осуществляется на основе изучения современных научных работ российских и зарубежных авторов, анализа отечественного и зарубежного законодательства и сопоставления полученных результатов с социальными и биологическими аспектами жизнедеятельности человека. В частности, на основе законов биологии, исследований в этой области, данных статистики и анализа механизма формирования потомства с набором рецессивных генов, который, как правило, является причиной в том числе серьезных патологий, представлены аргументы, свидетельствующие об опасности инцеста. Эти и другие результаты проведенного исследования могут иметь как научное и прикладное, так и методологическое значение, включающее в себя в том числе возможность их использования при проведении новых научных исследований.

**БИМБИНОВ
Арсений Александрович**

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права
Московского государственного
юридического университета
им. О. Е. Кутафина (МГЮА)
(г. Москва)

bimbinnov@yandex.ru

**Инбридинг;
Германия;
кровосмешение;
патология;
рецессивные гены;
половые преступления**

Arseny A. BIMBINOV

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Department of
Criminal Law, Kutafin Moscow State
Law University (MSAL) (Moscow)

bimbinnov@yandex.ru

**Inbreeding;
Germany;
incest;
pathology;
recessive genes;
sexual crimes**

PROSPECTS FOR ESTABLISHING CRIMINAL LIABILITY FOR INCEST

This study is devoted to finding answers to the most common questions about criminal liability for incest. It is supposed to resolve questions about the existence of a public danger of incest, about the possibility of establishing criminal liability for incest in Russian legislation, as well as about the admissibility and relevance of the relevant corpus delicti. The resolution of these issues is carried out on the basis of the study of modern scientific works of Russian and foreign authors, the analysis of domestic and foreign legislation and the comparison of the results obtained with the social and biological aspects of human life. In particular, on the basis of the laws of biology, research in this field, statistical data and analysis of the mechanism of formation of offspring with a set of recessive genes, which, as a rule, is the cause, including serious pathologies, arguments are presented indicating the danger of incest. These and other results of the conducted research may have both scientific and applied, as well as methodological significance, including, inter alia, the possibility of their use in conducting new scientific research.

* Работа выполнена в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых № МК-4898.2021.2.

Введение

Перед тем, как рассматривать уголовно-правовые вопросы, связанные с инцестом, необходимо определиться с содержанием данного понятия для целей настоящего исследования. Когда-то под инцестом понимали любую форму прелюбодеяния, сейчас инцестом, как правило, называют сексуальную активность между родственниками. Однако четких и однозначных характеристик этой категории нет ни в науке, ни в отечественном законодательстве.

Инцестом называют половую связь, способную повлечь «кровосмешение», а также любые сексуальные отношения между кровными родственниками или лицами, которые родственниками в прямом смысле этого слова не являются, например, между ребенком и опекуном или постоянным сексуальным партнером матери или отца [1, с. 27–32]. Инцестуальной считают сексуальную связь между людьми, состоящими в любой степени родства, как добровольного, так и насильственного характера [2, с. 10–20]. Инцест может быть только между совершеннолетними родственниками и с вовлечением в сексуальную связь несовершеннолетних и малолетних лиц [3, с. 104]. К инцесту относят сексуальные отношения как между разнополыми, так и между однополыми родственниками [4, р. 2054–2059].

Столь разные подходы к пониманию инцеста обусловлены различиями в обществе, культуре и правовой юрисдикции. Инцест долгое время был табуирован и являлся предметом мифов, легенд и литературы (например, трагедия Софокла «Эдип»). Большое количество источников объясняют, почему инцест должен подлежать запрету. Причины запрета варьируются от психодинамических традиций до генетических, социологических, религиозных и исторических потребностей в отношениях между системами родства [5]. Кроме того, ограничения инцестуальных отношений могут быть связаны с конкретными взаимоотношениями между людьми, разницей в возрасте, степени сексуальной активности, согласием, продолжительностью сексуальной связи и нормами полового уклада [6, р. 197–201].

Вместе с тем следует отметить, что в литературе не называется какая-либо одна универсальная причина для запрета инцеста. В основном авторы строят свои рассуждения вокруг одной или нескольких конкретных форм проявления инцеста. Так, Стюарт Грин пишет, что наиболее распространенная форма инцеста состоит в сексуальной связи взрослого и ребенка, что должно расцениваться как сексуальное насилие над детьми (изнасилование) [7, р. 337–357]. Питер Чоут и Радха Шаран отмечают высокую частоту патологических генов у потомства. Если инцест приводит к беременности и родам, пишут авторы, риск генетических дефектов у такого потомства выше, чем

у потомства от неродственных пар, особенно если оба партнера при инцесте имеют рецессивный ген [8, р. 142]. Тем не менее достаточных данных свидетельствующих о масштабных наследственных патологиях при инцесте не имеется. Распространенность инцеста крайне неодинакова и зависит от конкретного общества и его культурных особенностей. В западных странах случаи инцеста выявляются в ходе уголовных разбирательств по делам о сексуальном насилии, но его истинная распространенность неизвестна. На Ближнем Востоке и Индийском субконтиненте, по некоторым данным, до 50% браков приходится на двоюродных братьев и сестер или дядей и племянниц, что, однако, по-видимому, не повлекло серьезных неблагоприятных генетических последствий для здоровья проживающих на этих территориях граждан [8, р. 142].

Таким образом, можно выделить два обобщенных подхода к определению инцеста, способного повлечь уголовную ответственность.

Первый подразумевает действия сексуального характера между родителем (приемным родителем, опекуном и тому подобное) и несовершеннолетним ребенком. Данная форма инцеста является самой распространенной среди всех установленных случаев, подвергавшихся научному изучению. Али Йылдырым с соавторами подтверждают, что сексуальная связь между отцом и дочерью является наиболее распространенной версией инцеста, на втором месте – связь брата с сестрой [9, р. 693–697]. Данный вид инцеста влечет уголовную ответственность в большинстве государств, если ребенок не достиг установленного национальным законодательством возраста согласия или половой зрелости, а также если имели место насилие, в том числе психическое, или злоупотребления положением со стороны взрослого, в том числе использование беспомощного состояния ребенка.

Уголовный кодекс РФ (далее – УК РФ) предусматривает за указанные действия ответственность по ч. 3–5 ст. 131 и 132 за изнасилование несовершеннолетнего или совершение в отношении него насильственных действий сексуального характера; по ч. 2 ст. 133 за понуждение несовершеннолетнего к действиям сексуального характера путем шантажа, угрозы уничтожением, повреждением или изъятием имущества либо с использованием его материальной или иной зависимости; по ст. 134, 135 за действия сексуального характера с лицом, не достигшим 16-летнего возраста, или развратные действия в отношении него – с применением во всех перечисленных случаях п. «п» ч. 1 ст. 63 (совершение преступления в отношении несовершеннолетнего (несовершеннолетней) родителем или иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершен-

нолетнего (несовершеннолетней), а равно педагогическим работником или другим работником образовательной организации, медицинской организации, оказывающей социальные услуги, либо иной организации, обязанным осуществлять надзор за несовершеннолетним (несовершеннолетней) в качестве обстоятельства, отягчающего наказание.

Согласно второму подходу инцест представляет собой сексуальные отношения между взрослыми родственниками, способными к воспроизводству. Как правило, речь в таком случае идет о взрослых детях (брат с сестрой), близких родственниках и других лицах, связанных кровными узами друг с другом [10, р. 139–148].

Оксфордский словарь общественного здравоохранения определяет инцест как способную повлечь зачатие сексуальную активность между близкими кровными родственниками, т.е., например, братьями и сестрами, разнополыми родителем и ребенком, дядей и племянницей, тетей и племянником. Если такая сексуальная активность является добровольной, не выступает последствием принуждения или по принуждению с чьей-либо стороны, то по действующему российскому законодательству она не является преступной. Именно в таком смысле (способная повлечь зачатие кровнородственная ненасильственная сексуальная связь между взрослыми лицами) инцест будет рассматриваться применительно к решению вопросов о наличии его общественной опасности, о возможности установления за него уголовной ответственности, а также о допустимости и относимости соответствующего состава преступления по УК РФ.

Опасность инцеста

Как уже было отмечено, запрет инцеста и ответственность за его нарушение могут объясняться разнообразными причинами. Антрополог Джордж Питер Мердок, пытавшийся составить исчерпывающий перечень моделей поведения человека, которые были присущи всем людям во все времена, был поражен распространенностью запрета на инцест. Как отмечает автор, ни одно общество (за исключением римского Египта и королевских браков между определенными династиями) никогда не одобряло сексуальных отношений между родителями и их отпрысками или между братьями и сестрами. На протяжении большей части человеческой истории инцест повсеместно криминализировался. Сегодня за него установлена уголовная ответственность даже в государствах-лидерах по так называемому индексу свободы (например, Соединенные Штаты Америки, Канада или Федеративная Республика Германия). А в тех странах, где инцест не влечет уголовную ответственность, он морально осуждается [11, р. 65–87]. Причина, по которой иные формы инцеста (за исключением кров-

нородственного ненасильственного инцеста между взрослыми лицами, обладающими фертильностью) преследуются по закону, связана с религиозными, а впоследствии с социальными предпосылками. Основными же причинами запрета инцеста (в понимании для целей настоящего исследования) являются инбридинг (скрещивание близкородственных форм в пределах одной популяции), инбредная депрессия (снижение биологической пригодности) и возможная наследственная патология.

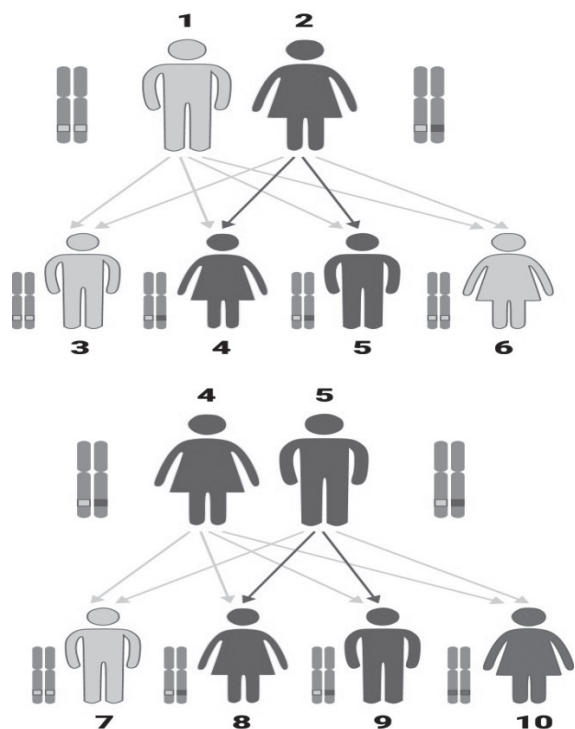
Человеческий организм, как и любой другой диплоидный организм, получает каждый ген в двух экземплярах (аллелях) – от отца и от матери. Если эти аллели различаются, то особь называют гетерозиготной, а если не различаются, то гомозиготной. При инбридинге родители являются родственниками, поэтому имеют много одинаковых аллелей, в результате чего гомозиготность увеличивается с каждым поколением. При близкородственном скрещивании (или самоопылении у растений) может возникать инбредная депрессия: уменьшение урожайности растительных культур, измельчание животных, возникновение аномалий и уродств, в том числе у человеческого потомства. Это объясняется гомозиготностью по вредным рецессивным аллелям.

Степень гомозиготности, т.е. степень инбридинга, определяют по формуле Райта (*S. Wright*):

$$F_x = \sum (1/2)^{n+n_1} - 1,$$

где F_x – коэффициент инбридинга, n – число поколений от общего предка по линии матери, n_1 – число поколений от общего предка по линии отца. Так, потомство от отца с дочерью или матери с сыном в 25% случаев может быть носителем рецессивных аллелей, от брата с сестрой также 25%, от бабушки с внучкой – 12,5%, от двоюродных брата с сестрой – 12,5%. Среди таких популяций с высоким уровнем инбридинга распространены определенные заболевания. В Ливане, Саудовской Аравии, Египте и Израиле у потомков кровных родственников повышен риск врожденных пороков развития, врожденных пороков сердца, врожденной гидроцефалии и дефектов нервной трубки. Среди инбредных детей в Палестине и Ливане существует связь между кровным родством и зарегистрированными случаями расщелины губы/неба.

Большинство россиян знают о возможных последствиях инцеста из школьного курса биологии (при изучении законов Менделя) на примере гладкой и морщинистой форм горошка. Приспособление и примитивизация (представляется, что примитивизация и объяснение на известных примерах позволяют лучше познать суть неизвестного явления) механизма инцеста к примеру с горошком может объяснить потенциальную опасность этой сексуальной связи.

На рисунке представлен механизм формирования потомства с набором рецессивных генов, который, как правило, является причиной в том числе серьезных патологий.

Лицо № 2 содержит рецессивный аллель, который способен обеспечить проявление определяемого признака (патологии) в том случае, если находится в гомозиготном состоянии.

Потомство от лица № 2 и лица № 1 признается здоровым, однако лица № 4 и № 5 содержат рецессивный ген, который не проявляется благодаря доминантным генам. Однако при формировании потомства от указанных лиц с рецессивным геном (№ 4 и 5) в 25% случаев рождается лицо с полным набором рецессивных аллелей, которые обуславливают наследственную патологию (лицо № 10).

Изложенное позволяет заключить, что кровнородственный близкородственный ненасильственный инцест между взрослыми лицами представляет опасность для здоровья (вероятно, населения), так как в 25% случаев потомство от такой сексуальной связи может иметь наследственную патологию.

Возможность установления уголовной ответственности

Уголовная ответственность за инцест довольно распространена. Наказание за инцест вплоть до лишения свободы, в том числе на длительный срок (в некоторых государствах – вплоть до смертной казни), установлено в Албании, Австралии, Норвегии,

Австрии, Пакистане, Швеции, Англии, Канаде, Чехии, Дании, Эстонии, Нигерии, Тайвани, Замбии, Уганде и других государствах.

Зачастую уголовная ответственность связана с формой инцестуальных отношений. Например, в Чили запрещены уголовным законом сексуальные связи только между прямыми родственниками по восходящей и нисходящей линии, а также между полнородными братьями и сестрами. В Греции ответственность отличается в зависимости от возраста сексуальных партнеров: если инцест совершен между несовершеннолетним и лицом, достигшим 18-летнего возраста, то последнему грозят длительные сроки тюремного заключения (лишения свободы); если оба партнера совершеннолетние, то максимальное наказание для обоих ограничивается двумя годами тюремного заключения. В Исландии инцест между братьями и сестрами, как полнородными, так и неполнородными, наказывается сроком до четырех лет лишения свободы, а при инцесте между родственниками по восходящей и нисходящей линиям наказание может достигать восьми лет лишения свободы.

Конкретизация инцестуальных отношений, влекущих уголовную ответственность, свидетельствует о том, что в большинстве государств запрещен именно кровнородственный близкородственный инцест.

Вероятность наследственной патологии, а также потенциальный вред для общественной нравственности и интересов семьи и несовершеннолетних позволяют прийти к выводу о возможности установления в российском уголовном законе ответственности за инцест (в понимании для целей настоящего исследования).

Допустимость и относимость состава инцеста по УК РФ

Если обратиться к опыту вышеперечисленных государств, то можно заметить, что в большинстве из них норма об ответственности за инцест расположена в главе (разделе) о преступлениях против интересов семьи. Между тем определенность объекта уголовно-правовой охраны (как критерия классификации преступлений по главам УК РФ) не является очевидной. Учитывая способ совершения указанного деяния, а также то, что опасность инцеста состоит в возможности наследственной патологии и причинения вреда общественной нравственности в сфере сексуальных отношений [12, с. 231–239], рассматриваемая норма может быть расположена в гл. 18 («Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности») или гл. 25 («Преступления против здоровья населения и общественной нравственности») УК РФ.

Определение объекта инцеста является предметом научной дискуссии и в государствах, где ответс-

твенность за инцест существует многие десятилетия. Так, в Германии расположение § 173¹ в разд. 12 «Преступления против гражданского состояния, брака и семьи» Уголовного уложения (далее – УУ ФРГ) позволяет некоторым авторам утверждать, что защищенными благами являются правовые институты брака и семьи [13].

Другие авторы расценивают в качестве основания классификации и уголовной ответственности также угрозу для психического развития сексуального партнера (например, несовершеннолетней дочери или брата и сестры в случае инцеста между ними) или потенциальную опасность генетического ущерба для возможного потомства [14].

Однако многие современные авторы [15] вообще сомневаются в уголовно-правовой легитимации данной нормы и требуют ее удаления из уголовно-закона.

Это мнение обосновано тем, что, во-первых, свободное половое самоопределение всесторонне защищено другими нормами УУ ФРГ (§ § 174, 176 и т.д.).

Во-вторых, способность нормы об инцесте преследовать нежелательные сексуальные отношения внутри семьи и ее направленность на достижение этой цели сомнительны уже потому, что инкриминированные действия ограничены исключительно половым сношением (т.е. пенильно-вагинальным сексуальным контактом). Кроме того, наличие налаженных семейных отношений не имеет для состава § 173 никакого значения.

В-третьих, весьма проблематичным представляется именно в этом специальном случае стремление устранить потенциальную опасность генетического ущерба для возможного потомства посредством состава, предусматривающего уголовное наказание за создание абстрактной опасности, поскольку подобная (даже абстрактная) опасность полностью исключена у лиц, не способных к деторождению.

Наконец, в современном общественном понимании недопустимо при помощи уголовного права ориентировать человеческое сексуальное поведение на аргументы евгеники. В ответ на один из приговоров, вынесенных по уголовному делу об инцесте, немец-

кое общество генетики человека опубликовало заявление, где отмечается, что существующий более высокий риск того, что дети от инцестуальных отношений будут иметь генетические заболевания, не может служить оправданием какого-либо правового вмешательства в «репродуктивную свободу» пары. В этой связи Павел Головненков пишет, что в конечном счете следует признать, что с точки зрения рациональной защиты правовых интересов легитимация состава § 173 по меньшей мере сомнительна [14]. И с этим сложно не согласиться. Однако аргументы за установление уголовной ответственности такие же серьезные, как и аргументы против. При таких обстоятельствах представляется возможным создание неприменяемого состава преступления с целью предупреждения и социально-правовой профилактики кровнородственных близкородственных сексуальных связей, способных повлечь потомство.

Заключение

В результате проведенного исследования удалось прийти к следующим выводам:

1. Инцест обладает общественной опасностью, состоящей в возможности наследственной патологии и причинения вреда интересам семьи и общественной нравственности.

2. Потенциальная опасность инцеста видится достаточной для установления уголовной ответственности.

3. Норму об инцесте возможно разместить в главе о половых преступлениях, главе о преступлениях против семьи и несовершеннолетних или главе о преступлениях против здоровья населения и общественной нравственности. Представляется, что такая норма может быть сформулирована следующим образом: «Инцест – половое сношение между родственниками по прямой восходящей и нисходящей линии, полнородными и неполнородными братьями и сестрами, в результате которого возможны генетические заболевания у потомства».

¹ § 173. Инцест

(1) Тот, кто вступает в половое сношение с кровным родственником по нисходящей линии, наказывается лишением свободы на срок до трех лет или денежным штрафом.

(2) Тот, кто вступает в половое сношение с кровным родственником по восходящей линии, наказывается лишением свободы на срок до двух лет или денежным штрафом. Это положение имеет действие также в том случае, если родственные отношения прекращены. Таким же образом наказываются кровные братья и сестры, вступающие в половое сношение между собой.

(3) Родственники по нисходящей линии, братья и сестры не подлежат наказанию в соответствии с данной нормой, если они во время совершения деяния не достигли 18-летнего возраста.

Пристатейный библиографический список

1. Дьяченко А. П., Цымбал Е. И. Инцест и его уголовно-правовая оценка // Уголовное право. 2014. № 4.
2. Ениколопов С. Н., Хвостова Е. С. Взгляды на инцест в контексте разных культур и традиций : современное состояние проблемы // Психологическая наука и образование. 2012. № 2.
3. Паршин Н. М. Проблемы уголовной ответственности за инцест : история и современность // Общество и право. 2013. № 2 (44).
4. Sancak B., Tasdemir I., Karamustafalioglu O. Mother–Daughter Incest : A Brief Review of Literature and Case Report // Journal of Forensic Sciences. 2021. Vol. 66 (5).
5. Bittles A. H. Consanguinity in Context. Cambridge : Cambridge University Press, 2012.
6. Bixler R. H. The Multiple Meaning of “Incest” // Journal of Sex Research. 1983. Vol. 19 (2).
7. Green S. P. Incest // The Palgrave Handbook of Applied Ethics and the Criminal Law / Ed. by L. Alexander, K. K. Ferzan. London : Palgrave-MacMillan, 2019.
8. Choate P., Sharan R. The Need to Act: Incest as a Crime Given Low Priority – A View with India as an Example // Social Sciences. 2021. Vol. 10 (4).
9. Yildirim A., Ozer E., Bozkurt H., Ozsoy S., Enginyurt O., Evcuman D., Yilmaz R., Kuyucu Y. E. Evaluation of Social and Demographic Characteristics of Incest Cases in a University Hospital in Turkey // Medical Science Monitor. 2014. Vol. 20.
10. Andrade G. E. A Libertarian Critique of Incest Laws: Philosophical and Anthropological Perspectives // Human Affairs. 2021. Vol. 31 (2).
11. Murdock G. The Common Denominator of Cultures // The Science of Man in the World Crisis / Ed. by R. Linton. New York : Columbia University Press, 1945.
12. Бимбинов А. А. Качество норм об ответственности за преступления против общественной нравственности в сфере сексуального поведения человека // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2017. № 3.
13. NK-StGB/Monika Frommel. 3. Aufl. 2010, StGB § 173 Rn. 11, 16.
14. Головненков П. В. Уголовное уложение Федеративной Республики Германия : научно-практический комментарий и перевод текста закона. Потсдам : Изд-во Университета Потсдама, 2021.
15. Schönke/Schröder/Lenckner/Bosch, 29. Aufl. 2014, StGB § 173.

References

1. Diachenko A. P., Tsymbal E. I. Incest and its Criminal Law Assessment. *Criminal Law*. 2014. No. 4.
2. Enikolopov S. N., Khvostova E. S. Views on Incest in the Context of Different Cultures and Traditions: The Current State of the Problem. *Psychological Science and Education*. 2012. No. 2.
3. Parshin N. M. Problems of Criminal Liability for Incest: History and Modernity. *Society and Law*. 2013. No. 2 (44).
4. Sancak B., Tasdemir I., Karamustafalioglu O. Mother–Daughter Incest: A Brief Review of Literature and Case Report. *Journal of Forensic Sciences*. 2021. Vol. 66 (5).
5. Bittles A. H. Consanguinity in Context. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.
6. Bixler R. H. The Multiple Meaning of “Incest”. *Journal of Sex Research*. 1983. Vol. 19 (2).
7. Green S. P. Incest. In Alexander L., Ferzan K. K. (eds.). The Palgrave Handbook of Applied Ethics and the Criminal Law. London: Palgrave-MacMillan, 2019.
8. Choate P., Sharan R. The Need to Act: Incest as a Crime Given Low Priority – A View with India as an Example. *Social Sciences*. 2021. Vol. 10 (4).
9. Yildirim A., Ozer E., Bozkurt H., Ozsoy S., Enginyurt O., Evcuman D., Yilmaz R., Kuyucu Y. E. Evaluation of Social and Demographic Characteristics of Incest Cases in a University Hospital in Turkey. *Medical Science Monitor*. 2014. Vol. 20.
10. Andrade G. E. A Libertarian Critique of Incest Laws: Philosophical and Anthropological Perspectives. *Human Affairs*. 2021. Vol. 31 (2).
11. Murdock G. The Common Denominator of Cultures. In Linton R. (ed.). The Science of Man in the World Crisis. New York: Columbia University Press, 1945.
12. Bimbinov A. A. The Quality of Norms on Responsibility for Crimes Against Public Morality in the Field of Human Sexual Behavior. *Bulletin of Voronezh State University. Series: Law*. 2017. No. 3.
13. NK-StGB/Monika Frommel. 3. Aufl. 2010, StGB § 173 Rn. 11, 16.
14. Golovnenkov P. V. Criminal Code of the Federal Republic of Germany: Scientific and Practical Commentary and Translation of the Text of the Law. Potsdam: University of Potsdam Publishing House, 2021.
15. Schönke/Schröder/Lenckner/Bosch, 29. Aufl. 2014, StGB § 173.

ОСОБЕННОСТИ ТАКТИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ СОТРУДНИКАМИ ГИБДД

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-4-41-48>

Коррупция – опасное социальное явление, которое дестабилизирует деятельность государственных органов. В результате не достигаются цели, на достижение которых уповают как отдельные граждане, так и общество в целом. Дестабилизирующее влияние она оказывает и на деятельность Государственной инспекции безопасности дорожного движения (ГИБДД). Одним из направлений борьбы с ней является успешное, эффективное расследование коррупционных преступлений, совершенных сотрудниками ГИБДД. Поэтому целью составившего основу данной статьи исследования было определение эффективных средств и механизма расследования преступлений названного вида. Предметом исследования явились те проблемы, с которыми приходится сталкиваться следователям при расследовании этих преступлений. При рассмотрении названных проблем использовался широкий спектр методов, среди которых следует выделить криминалистическое моделирование, криминалистическую ситуологию и системно-деятельностный. Названные методы позволили выявить диалектику развития процесса расследования коррупционных преступлений, совершенных сотрудниками ГИБДД. Использование названных методов позволило автору сформулировать ряд рекомендаций, включение которых в частную методику способно оптимизировать расследование названных преступлений. Это имеет значение для практики, а также для дальнейшего развития теории расследования. В результате проведенного исследования был сделан вывод о том, что успех расследования названных преступлений во многом зависит от качества деятельности по их выявлению и от начального этапа расследования этих преступлений. Названный вывод важен для определения структуры деятельности следователя в ходе проводимого расследования.

**ЦЫБУЛЬСКИЙ
Василий Васильевич**

преподаватель кафедры
уголовно-процессуального
права и криминалистики Средне-
Волжского института (филиала)
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России) (г. Саранск)
Vasilytsybulsky@yandex.ru

**Коррупция;
сотрудники ГИБДД;
расследование;
исходная ситуация;
выявление преступлений;
коррупционное преступление;
первоначальный этап
расследования**

Vasily V. TSYBULSKY

Lecturer, Department of Criminal
Procedure Law and Criminalistics,
Middle Volga Institute (Branch)
of All-Russian State University
of Justice (Saransk)
Vasilytsybulsky@yandex.ru

FEATURES OF THE TACTICS OF INVESTIGATION OF CORRUPTION CRIMES COMMITTED BY TRAFFIC POLICE OFFICERS

Corruption is a dangerous social phenomenon that destabilizes the activities of state bodies. As a result, the goals that individual citizens and society as a whole hope to achieve are not achieved. It also has a destabilizing effect on the activities of the State Road Safety Inspectorate (Traffic Police). One of the ways to combat it is a successful, effective investigation of corruption crimes committed by traffic police officers. Therefore, the purpose of the study that formed the basis of this article was to determine the effective means and mechanism for investigating crimes of this type. The subject of the study was the problems that investigators have to face when investigating these crimes. When considering these problems, a wide range of methods was used, among which it is necessary to distinguish forensic modeling; forensic situology and system-activity analysis. These methods allowed us to identify the dialectic of the development of the process

**Corruption;
traffic police officers;
investigation;
initial situation;
detection of crimes;
corruption crime;
initial stage of investigation**

of investigating corruption crimes committed by traffic police officers. The use of these methods allowed the author to formulate a number of recommendations, the inclusion of which in the private methodology can optimize the investigation of these crimes. This is important for the practice, as well as for the further development of the theory of investigation. As a result of the study, it was concluded that the success of the investigation of these crimes largely depends on the quality of the activities to identify them and on the initial stage of the investigation of these crimes. This conclusion is important for determining the structure of the investigator's activities in the course of the ongoing investigation.

Одной из особенностей расследования коррупционных преступлений является то, что в нем центральное место занимает изобличение виновных лиц, когда совокупность доказательств однозначно указывает на виновного, когда система собранных доказательств с неотвратимой логикой подводит к выводу о виновности соответствующего лица (лиц) в содеянном [1, с. 33–39]. При этом важно, чтобы названная логика была настолько убедительна, что не оставляла бы у виновного лица даже надежды на возможность опровергнуть выводы следствия о факте совершенного преступления. Для этого всегда необходима продуманная тактика действий следователя и иных сотрудников правоохранительных органов, наделенных полномочиями по проведению оперативно-розыскных мероприятий. Необходимо, чтобы действия по выявлению и последующему использованию доказательств и иной информации не дали возможности виновным и сочувствующим им лицам оказать сколько-нибудь эффективное противодействие проводимому расследованию. Часто важным является фактор внезапности проводимого расследования, когда полученные следствием доказательства оказывают ошеломляющий эффект на виновного, при наличии которого тот становится не в состоянии опровергнуть основанные на этих доказательствах доводы [2, с. 35–39]. Важным является испытываемое виновным замешательство, которое становится результатом установления следователем обстоятельств совершения преступления, полноты картины имевшего место деяния. Но это может являться лишь результатом правильно определенной тактики проведения первоначальных следственных действий и установленного следователем взаимодействия с органами и должностными лицами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность.

Тактика для того, чтобы быть максимально эффективной, должна учитывать все наиболее значимые действующие факторы, определяющие соответствующую ситуацию проводимого расследования. Она должна принимать во внимание как объективно существующие обстоятельства, которые способны влиять на результативность действий следователя по выявлению доказательств и иной информации, спо-

собной обеспечить полноту картины совершенного преступления, так и субъективные факторы, связанные с восприятием конкретной ситуации виновных в совершении преступления лиц. Следователь при определении тактики расследования должен уметь видеть в конкретной ситуации как типичные, так и специфические особенности, учет которых способен обеспечить эффективность проводимого расследования. Важное значение здесь имеет вид совершаемых преступлений. Благодаря его знанию имеется возможность увидеть в соответствующем преступлении типичное, что может позволить следователю, не теряя времени, уже на момент начала расследования запланировать и провести следственные действия, которые могут оказаться наиболее результативными и значимыми для процесса познания обстоятельств события преступления. Коррупционные преступления, как указывают специалисты [2, с. 57–62; 4, с. 197–206], слишком разнообразны. Это влечет целый ряд сложностей при их расследовании. При расследовании разных коррупционных преступлений могут оказаться востребованными разные средства и действия, может по-разному складываться взаимодействие между следователем и должностными лицами, уполномоченными законом на проведение оперативно-розыскных мероприятий. Во многом это связано с тем, какими полномочиями наделены должностные лица, получившие выгоду от коррупционного преступления и предпринимающие действия к уходу от уголовной ответственности. Поэтому всегда необходимо принимать во внимание, какими полномочиями наделено виновное в совершении коррупционного преступления лицо. Также следует учитывать и другие факторы, которые имели значение для достижения вполне определенного, ожидаемого виновным результата. Эти факторы могут продолжать действовать и в ходе расследования, создавая трудности в установлении обстоятельств совершенного преступления [5, с. 139–147].

Расследование коррупционных преступлений сотрудниками Государственной инспекции безопасности дорожного движения (ГИБДД) имеет целый ряд сложностей, от преодоления которых зависит успех в установлении обстоятельств совершенного деяния

и вынесение на основе этого знания справедливого процессуального решения. Прежде всего эти сложности состоят в том, что следователю противостоит лицо, которое знакомо с особенностями деятельности правоохранительных органов, а потому знающее то, что можно использовать для своей защиты, для ухода от уголовной ответственности. В связи с этим одним из требований, соблюдение которых может стать залогом успеха расследования, является незамедлительность в проведении следственных и иных процессуальных действий сразу же после возбуждения уголовного дела. Более того, для успеха расследования этих преступлений важным является то, чтобы вопрос о возбуждении уголовного дела решался максимально быстро. Это способно предупредить возможность эффективного противодействия со стороны виновного в совершении коррупционного преступления сотрудника ГИБДД. Важным здесь является также использование фактора внезапности, когда коррупционер не подозревает об осведомленности следователя о совершенном преступлении и о том, что в отношении него планируется целая система действий, призванных его изобличить. Следователю для достижения успеха в установлении истины необходимо в кратчайшие сроки суметь провести максимальный объем следственных и иных действий для того, чтобы сформировать систему доказательств, изобличающих соответствующее виновное лицо. Важным является то, чтобы не принять за истинные сфальсифицированные доказательства, а также инсценировку событий, которых на самом деле не было, что бывает характерно для противодействия со стороны виновных лиц.

В связи с названной особенностью важным для расследования является тесное взаимодействие следователя с органами и должностными лицами, проводящими по соответствующему случаю коррупционного преступления, на предмет обмена всей той информацией, которая может быть полезна при изобличении. Следователь должен суметь уже на начальном этапе правильно оценить сложившуюся исходную следственную ситуацию. Правильность ее оценки влияет на выбор тактики всего расследования и возможности получения тех доказательств, с помощью которых можно будет изобличить виновное лицо. Необходимо особо отметить то, что речь идет об исходной ситуации, с которой следователь сталкивается еще на стадии возбуждения уголовного дела и которая предшествует его деятельности на стадии предварительного расследования. Данная ситуация предшествует следственным, которые складываются на стадии предварительного расследования. Выделение исходной ситуации как особого рода ситуации отображает нормативные требования к проводимому расследованию, а также диалекти-

ку, характерную для всего процесса познания: от неполного знания к установлению обстоятельств совершенного деяния. Для определения требований методологического подхода к расследованию коррупционных преступлений сотрудников ГИБДД это имеет важное значение, поскольку позволяет правильно определить все важные для анализа хода познания обстоятельств совершения преступления временные моменты. В частности, это позволяет понять то, что следователь должен предпринимать усилия по изобличению виновных в совершении коррупционного преступления сотрудников ГИБДД еще до возбуждения уголовного дела. Это важно потому, что позволяет, используя фактор неожиданности, обнаружить и закрепить доказательства, важные для изобличения виновного в совершении коррупционного преступления лица. Если этого не сделать вовремя, то установление отдельных обстоятельств, а то и всего события коррупционного преступления сотрудников ГИБДД может стать невозможным.

Исходная ситуация, складывающаяся на момент возбуждения уголовного дела о коррупционном преступлении сотрудников ГИБДД, может быть различной и характеризоваться действием разных факторов, которые по-разному могут воздействовать на ход проводимого расследования. Она может быть как благоприятной, так и неблагоприятной для последующего расследования. Причем неверно оценивать ее только в названных двух диапазонах, поскольку существуют и промежуточные, когда исходная ситуация является лишь условно неблагоприятной, т.е. на нее возможно воздействовать и изменять в сторону благоприятности ее для проведения в дальнейшем расследования и достижения в результате этого благоприятных результатов, т.е. изобличения виновных в совершении коррупционного преступления лиц [6, с. 4–6]. Также возможна и условно благоприятная ситуация, для которой характерно то, что она может достаточно быстро, если не предпринять необходимых действий, эволюционировать в неблагоприятную [7, с. 129–136]. Все эти виды исходных ситуаций могут наблюдаться при решении вопроса о возбуждении уголовного дела о коррупционном преступлении сотрудников ГИБДД. Оценка того, какой является соответствующая исходная ситуация, отображается на решении следователя возбуждать уголовное дело или отказать в этом. На ее основе делается вывод о перспективе предстоящего расследования конкретного события, которое может быть коррупционным преступлением. При этом следует особо отметить то, что такая оценка отображается на принятии следователем двух решений, связанных друг с другом, – тактического решения и процессуального решения. Тактическое решение – это решение о проведении соответствующих следственных

и иных процессуальных действий, а также об установлении взаимодействия с органами и должностными лицами, уполномоченными законом на проведение оперативно-розыскных мероприятий. Тактические решения, так или иначе, проявляются в процессуальных решениях, но не тождественны им. Так, тактические решения могут отображаться в протоколах следственных действий и постановлений. Процессуальное решение – это решение, которое полностью соответствует той форме, которая устанавливается уголовно-процессуальным законодательством. Оно всегда является результатом принятия следователем определенного тактического решения. Тактическое решение – это убежденность следователя действовать только тем или иным определенным способом и никак иначе [8, с. 19–23]. Тактическое решение, принимаемое в результате оценки исходной ситуации, состоит в убеждении следователя в том, что при возбуждении соответствующее уголовное дело будет иметь судебную перспективу или, что этой перспективы у него не будет. В зависимости от этого он принимает тактическое решение: в случае убежденности в судебной перспективе – вынесение постановления о возбуждении уголовного дела и о выполнении определенного перечня следственных и иных процессуальных действий, которые могут обеспечить полноту установления события коррупционного преступления; в случае убежденности отсутствия какой-либо перспективы у конкретного уголовного дела – вынесение постановления об отказе в его возбуждении [9, с. 28–30].

Однако, как видно из сказанного, условия для эффективности предстоящего расследования закладываются даже раньше стадии возбуждения уголовного дела. Это обусловлено тем, что в стадии возбуждения уголовного дела следователь уже должен обладать определенной информацией о совершенном сотрудником ГИБДД коррупционном преступлении. Эти условия создаются подразделениями правоохранительных органов, на которые возложено проведение оперативно-розыскной деятельности. Они проводят значительную работу по выявлению коррупционных преступлений, в том числе коррупционных преступлений в ГИБДД. В ходе этой работы получается информация об обстоятельствах совершения конкретного коррупционного преступления, лицах, которые являются его участниками, условиях, которые способствовали его совершению, и о ряде деталей, знание которых может быть полезным для процесса изобличения конкретных виновных в совершении данного преступления лиц. При этом важным является получение данной информации в таком объеме, чтобы на основании нее был очевиден вывод о совершении коррупционного преступления и чтобы эту информацию нетрудно было трансформировать

в доказательства, с помощью которых можно было бы изобличить соответствующее виновное в совершении коррупционного преступления лицо. То есть важным является то, чтобы названная информация могла в последующем ориентировать следователя относительно направления проводимого расследования, помогала прогнозировать достижение вполне определенных промежуточных результатов. Благодаря этой информации следователь должен знать не только те обстоятельства, которые составили событие преступления, но и те источники, из которых он с большой долей вероятности может получить достоверные доказательства, отображающие имевшее место деяние таким, каким оно было в действительности [10, с. 61–65]. Это должно быть важным фактором, определяющим исходную ситуацию, которая подлежит детальной проверке и оценке следователем перед тем, как он примет решение о возбуждении уголовного дела или в отказе его возбуждения. Только при наличии достаточного объема такой информации принимается решение о составлении рапорта о совершении коррупционного преступления и направлении его следователю для решения вопроса о возбуждении уголовного дела в соответствии со ст. 143 УПК РФ. То есть информационная база для будущего расследования коррупционных преступлений сотрудников ГИБДД формируется еще до стадии возбуждения уголовного дела, за пределами уголовного процесса [11, с. 12–19].

Для успешного расследования коррупционных преступлений, совершенных сотрудниками ГИБДД, необходимо то, чтобы процесс выявления соответствующего преступления соответствовал целому ряду требований. Все эти требования направлены на то, чтобы о совершенном коррупционном преступлении не просто была получена информация, а чтобы она в последующем, в ходе расследования и последующего судебного разбирательства, была пригодна для ее трансформации в доказательства, благодаря которым виновное лицо было бы изобличено. К таким требованиям относятся: сохранение конфиденциальности полученной информации; проверка ее достоверности посредством проведения не одного, а нескольких оперативно-розыскных мероприятий; обеспечение избыточности информации, которая указывает на определенные обстоятельства совершения коррупционного преступления; выявление ложной информации и источников из которых она была получена; выбраковывание недостоверной информации; выявление факторов, препятствующих восстановлению картины совершенного коррупционного преступления; выявление намерений лиц, незаинтересованных в установлении истины по соответствующему уголовному делу. Информация, полученная в ходе выявления коррупционного преступления, должна быть сис-

тематизированной, благодаря чему давать ответ на вопросы о тех или иных деталях, знание о которых важно для последующего процесса доказывания. Она не должна быть рассчитанной только на короткий эффект понимания механизма совершенного преступления, без возможности его доказать средствами и методами, определенными в уголовно-процессуальном законодательстве. Эта информация должна иметь не только функцию познания обстоятельств совершенного коррупционного преступления, но и функцию трансформироваться при соблюдении условий, определенных в законе, в доказательства, изобличающие виновное лицо. То есть полученная в ходе выявления информация должна быть пригодной для последующего процесса доказывания, когда виновные в совершении коррупционного преступления лица должны быть изобличены.

Данная особенность расследования коррупционных преступлений, совершенных сотрудниками ГИБДД, должна приниматься во внимание при расследовании. Это ставит требование о том, чтобы рекомендации по выявлению названных коррупционных преступлений были согласованными с рекомендациями, составляющими частную методику расследования названного вида коррупционных преступлений. К сожалению, практика выявления названных преступлений указывает на то, что указанное требование вовсе не является очевидным для лиц, выявляющих названное преступление, а потому на него должно быть указано в методике выявления названных преступлений. Сотрудники правоохранительных органов должны в своей деятельности ориентироваться на то, как можно будет использовать, полученную ими информацию, следователем в процессе доказывания. Они не должны удовлетворяться лишь проставлением «галочки» о том, что преступление выявлено, и отстраняться от дальнейшего процесса изобличения виновных лиц. Поэтому в названной методике должны содержаться указания относительно того, как следует проводить соответствующие действия по получению необходимой информации для того, чтобы она могла в дальнейшем быть использованной в процессе доказывания. В связи с этим, особенностью расследования коррупционных преступлений, совершенных сотрудниками ГИБДД, является то, что его успех определяется еще при выявлении названного преступления органами и должностными лицами, наделенными правом проведения оперативно-розыскных действий. Уже при выявлении выполняющий его сотрудник должен ориентироваться на то, как в последующем процессе расследования можно будет использовать полученную им информацию, и стремиться обеспечить то, чтобы использование этой информации могло максимально оптимизировать процесс доказывания со-

вершенного преступления и причастности к нему соответствующих лиц.

Основной задачей процесса выявления коррупционного преступления, совершенного сотрудниками ГИБДД, является то, чтобы латентную ситуацию, когда не известно о совершенном преступлении, трансформировать в исходную ситуацию, когда решается вопрос о необходимости возбуждения уголовного дела и последующего его расследования. При этом важным является концентрация внимания тех, кто выявляет соответствующее преступление на пригодности, полученной ими информации для дальнейшего ее использования в ходе процесса доказывания, составляющего суть всего уголовного процесса по делам о коррупционных преступлениях сотрудников ГИБДД. То есть необходимо обращать внимание на качество названной информации, а также на создании условий для сохранности ее, что необходимо для последующего ее использования в ходе проводимого расследования. Важным здесь является выход из латентности, когда на место незнания обстоятельств совершения преступления приходит знание того, что произошло. При этом знание здесь отличается тем, что оно основано не на доказательствах, а на оперативно-розыскной информации, которая хотя и может отличаться высокой степенью достоверности, но не имеет еще процессуального значения и не может использоваться в качестве аргумента виновности конкретного лица – сотрудника ГИБДД, совершившего коррупционное преступление. Могут также использоваться и иные виды информации, которые не относятся к оперативно-розыскной. В частности, могут использоваться результаты прокурорских проверок, а также результаты видеонаблюдения, которое производилось не в связи с выявлением конкретного события совершения противоправных действий. Также может стать одним из источников информации нарушение определенного порядка при предоставлении каких-либо субъективных прав, которое обнаружилось в ходе проведения соответствующей внутриведомственной проверки. То есть источников информации, которая может быть использована для выявления коррупционного преступления, совершенного сотрудником ГИБДД, может быть множество. Но ко всей этой информации необходимо подходить с осторожностью, чтобы не сделать вывода на основании ложной информации.

С учетом значения выявления признаков преступления для всего последующего расследования коррупционных преступлений, совершенных сотрудниками ГИБДД, полученная информация должна тщательно проверяться на ее достоверность. Это необходимо для того, чтобы создать необходимые предпосылки для последующего успешного расследования, а в том случае, если эта информация ложная, заблаговременно отказаться от бесполезных, беспер-

спективных действий по изобличению соответствующего лица. Своевременное определение ложности соответствующей информации способно позволить сэкономить время и средства, отказавшись от проведения расследования, которое не будет иметь какой-либо перспективы. Кроме того, это позволяет не привлечь к уголовной ответственности лиц, не причастных к совершению преступления. Более того, это позволяет сделать вывод о том, что и самого коррупционного преступления не было, а есть лишь ложная информация, которую нельзя принимать во внимание и нельзя класть в основу каких-либо выводов относительно необходимости проведения расследования. Своевременность в выявлении ложной информации позволяет гарантировать от возможности нарушения прав и свобод, что возможно в случае привлечения к уголовной ответственности невиновного лица. С этой целью необходимо уже при выявлении сопоставлять всю полученную информацию, а также проверять ее посредством проведения дополнительных оперативно-розыскных мероприятий. Также особое внимание следует обращать на то, чтобы проводимые оперативно-розыскные мероприятия и иные действия по выявлению были максимально конфиденциальными, благодаря чему виновное лицо не стало бы предпринимать действий, препятствующих установлению истины. При выявлении информация должна только накапливаться для того, чтобы при достижении определенной ее массы, достаточной для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, ее можно было использовать для получения доказательств, которыми можно было бы изобличить виновного в совершении коррупционного преступления.

Помимо важности выявления для проводимого расследования коррупционных преступлений, совершенных сотрудниками ГИБДД, не меньшее значение имеет первоначальный этап расследования, поскольку в ходе него закладываются основы будущего обвинения виновных лиц. На этом этапе расследования действия следователя должны быть максимально оперативными и обеспечивать достижение вполне определенных результатов – получение доказательств, достоверно указывающих на вполне определенные обстоятельства совершения конкретного коррупционного преступления. Они должны быть реализацией четко определенной тактики, ориентированной на получение достаточного объема доказательств, которые обосновывают в полном объеме совершение конкретного коррупционного преступления. Это возможно в том случае, если имеется достаточный объем информации о совершенном коррупционном преступлении, которую необходимо трансформировать в доказательства. Начальный этап расследования, по существу, должен быть этапом трансформации информации, которая не является процессуальной, в до-

казательства, на основании которых можно делать выводы, составляющие содержание процессуальных документов, влекущих за собой процессуально значимые последствия. Следователь должен уже на момент начала расследования четко определить для себя перечень тактических задач, которые ему необходимо решить без промедления. При этом он должен четко знать последовательность тех действий, которые ему необходимо выполнить ради того, чтобы получить достоверные доказательства, причем в таком объеме, который был бы достаточным для обоснования обстоятельств совершения соответствующего коррупционного преступления. Он должен четко знать, проведение каких действий может создать трудности в получении недостающих доказательств и стремится избегать их до тех пор, пока не сложится благоприятная для этого ситуация. Так, желательно первыми проводить такие следственные действия, информация о которых может оставаться недоступной виновному более или менее длительный промежуток времени. Это позволит не потревожить виновного и не активизирует его действия по противодействию проводимому расследованию.

Представляется, что предъявление обвинения лицу в совершении им коррупционного преступления необходимо делать лишь после того, как будет получен достаточный объем изобличающих доказательств, когда следователь будет основывать свои выводы о виновности не на оперативной информации, а на доказательствах, полученных в соответствии с требованиями, предъявляемыми уголовно-процессуальным законодательством. Это необходимо для того, чтобы предотвратить противодействие виновного лица в тот период времени, когда следователь располагает лишь информацией о преступлении, но доказательств этого у него еще недостаточно. Однако затягивать с вынесением постановления о привлечении в качестве обвиняемого следователь не должен, поскольку это может пойти также во вред проводимому расследованию, так как даст возможность виновному, получив сведения о степени осведомленности органов расследования о совершенном им преступлении, спланировать и приступить к реализации достаточно эффективного плана противодействия установлению истины по делу. Поэтому привлечение в качестве обвиняемого при расследовании коррупционных преступлений сотрудников ГИБДД должно состояться на начальном этапе, но лишь после того, как будут совершены все те следственные действия, благодаря которым будет собрано достаточно доказательств, обеспечивающих полноту картины совершения соответствующих противоправных действий. Из этого следует, что в ходе первоначального этапа предварительного расследования следователю необходимо выполнить максимально большое

количество следственных и иных процессуальных действий, необходимых для создания системы доказательств, со всей очевидностью указывающей на виновность соответствующего лица.

Названная тактика расследования, отличающаяся своей наступательностью, способна гарантировать успех всего процесса доказывания, состоящий в убедительности доводов, избобличающих конкретное виновное в совершении коррупционного преступления лицо. Задачей следователя начального этапа расследования рассматриваемых преступлений является не просто получение необходимых доказательств, в нужном объеме, но и то, чтобы эти доказательства в своей системе были убедительными, с очевидностью указывали на виновность соответствующего лица в совершении коррупционного преступления. Этого необходимо уже добиваться на начальном этапе проводимого расследования. Нельзя, чтобы инициатива следователя в установлении истины была перехвачена виновным, который бы стремился к тому, чтобы следователь в своих исканиях находился как можно дальше от того, что было на самом деле. Этим обусловлено то, что успех расследования коррупционных преступлений, совершенных сотрудниками ГИБДД, тем более гарантирован, чем оперативнее и быстрее следователь выполнит целый комплекс следственных и иных процессуальных действий, позволяющих создать систему доказательств, избобличающих виновного. Поэ-

тому на момент начала расследования следователь должен иметь уже достаточно хорошо разработанный план, определяющий те тактические задачи, которые должны быть разрешены в кратчайшие сроки. Он должен знать ту тактику, которой он должен придерживаться и которая гарантирует эффективность всего расследования, которая состоит в установлении всех обстоятельств совершенного коррупционного преступления и лиц, причастных к нему.

То значение, которое имеют выявление коррупционных преступлений, совершенных сотрудниками ГИБДД, и начальный этап расследования, вовсе не умаляет необходимости тщательной организации и проведения следственных и иных процессуальных действий на иных этапах. На последующих этапах расследования проверяются те доказательства, которые уже получены, выясняются определенные детали совершения преступления, которые хотя и существенны, но в целом лишь влияют на правильность квалификации преступления, определяют наличие или отсутствие смягчающих и отягчающих обстоятельств, но в целом общая картина совершения преступления уже известна и виновность соответствующего лица не вызывает сомнений. То есть можно говорить о том, что выявление и первоначальный этап расследования коррупционных преступлений, совершенных сотрудниками ГИБДД, являются ключевыми, поскольку определяют успех в познании следователем истины.

Пристатейный библиографический список

1. Подольный Н. А., Подольная Н. Н. Системная коррупция – системная угроза взаимодействию между обществом и государством // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 3.
2. Фоменко Е. В. К вопросу о семантике преступлений, связанных с подкупом, и их месте среди преступлений коррупционной направленности // Российский следователь. 2018. № 6.
3. Фоменко Е. В. Подкуп криминологический портрет и отдельные основания криминализации // Вестник Российской правовой академии. 2017. № 3.
4. Подольный Н. А. Некоторые проблемы расследования коррупционных преступлений // Библиотека криминалиста. 2012. № 1 (2).
5. Подольная Н. Н. Основы алгоритмизации выявления, раскрытия и расследования должностных преступлений коррупционной направленности // Наука. Общество. Государство. 2020. Т. 8. № 1 (29).
6. Подольный Н. А. Значение разрешения ситуации информационной неопределенности для расследования преступлений // Российский следователь. 2011. № 17.
7. Комаров И. М. Криминалистические операции и следственные ситуации в системе криминалистической характеристики расследования преступлений // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. 2013. Т. 9. № 2.
8. Подольный Н. А. Следственная хитрость: проблемы применения // Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы. 2017. № 2 (10).
9. Варданян А. В., Домашенко Н. А. Актуальные вопросы выявления и расследования провокации взятки или коммерческого подкупа // Юрист-Правоведъ. 2008. № 5 (30).
10. Подольный Н. А. Перспективы развития категории «предкриминальная ситуация» // Ситуационный подход в юридической науке и практике : современные возможности и перспективы развития : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 15-летию научной школы кримина-

листической ситуалогии БФУ им. И. Канта. Калининград, 20–22 октября 2017 г. Калининград : Изд-во Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта, 2017.

11. *Варнавский Д. А., Торбин Ю. Г., Усачев А. А.* Поводы для возбуждения уголовного дела в российском уголовном процессе : понятие, история становления и развития // Вестник Российской правовой академии. 2019. № 2.

References

1. *Podolnyi N. A., Podolnaia N. N.* Systemic Corruption – A Systemic Threat to Interaction Between Society and the State. *Criminological Journal of Baikal State University of Economics and Law*. 2014. No. 3.
2. *Fomenko E. V.* On the Semantics of Bribery Crimes and Their Place Among Corruption-Related Crimes. *Russian Investigator*. 2018. No. 6.
3. *Fomenko E. V.* Bribery Criminological Portrait and Separate Grounds for Criminalization. *Bulletin of the Russian Legal Academy*. 2017. No. 3.
4. *Podolnyi N. A.* Some Problems of Investigation of Corruption Crimes. *Forensic Library*. 2012. No. 1 (2).
5. *Podolnaia N. N.* Fundamentals of Algorithmization of Detection, Disclosure and Investigation of Corruption-Related Official Crimes. *Science. Society. State*. 2020. Vol. 8. No. 1 (29).
6. *Podolnyi N. A.* The Significance of Resolving the Situation of Information Uncertainty for the Investigation of Crimes. *Russian Investigator*. 2011. No. 17.
7. *Komarov I. M.* Criminological Operations and Investigative Situations in the System of Criminological Characteristics of Crime Investigation. *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Law*. 2013. Vol. 9 (2).
8. *Podolnyi N. A.* Investigative Trick: Problems of Application. *Problems of Criminal Procedure, Criminology and Forensic Examination*. 2017. No. 2 (10).
9. *Vardanian A.V., Domashenko N. A.* Topical Issues of Identifying and Investigating the Provocation of a Bribe or Commercial Bribery. *Lawyer*. 2008. No. 5 (30).
10. *Podolnyi N. A.* Prospects for the Development of the Category “Pre-criminal Situation”. In *Situational Approach in Legal Science and Practice: Modern Opportunities and Prospects for Development: Materials of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 15th Anniversary of the Scientific School of Forensic Situology of the BFU named after I. Kant. Kaliningrad, 20–22 October 2017*. Kaliningrad: Immanuel Kant Baltic Federal University Publishing House, 2017.
11. *Varnavskii D. A., Torbin Iu. G., Usachev A. A.* Reasons for Initiating a Criminal Case in the Russian Criminal Process: Concept, History of Formation and Development. *Bulletin of the Russian Law Academy*. 2019. No. 2.

ФЕНОМЕН СМАРТ-КОНТРАКТА: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ВОЗМОЖНОСТИ ЮРИДИЧЕСКОЙ КВАЛИФИКАЦИИ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-4-49-57>

Тема смарт-контрактов в настоящее время актуальна как для изучения в рамках научных дисциплин, так и для применения в контексте профессиональной деятельности. Вместе с тем история возникновения данного феномена часто упускается из внимания. Если сегодня заявляется, что смарт-контракт – это договор, имплементированный в программный код на основе блокчейна, то это воспринимается человеком, адаптированным к новейшим информационным технологиям, достаточно легко и непринужденно. Однако при детальном рассмотрении предмета мы заметим существенные противоречия в его широко одобряемом в научных кругах определении. Мы не увидим в первоначальных концепциях смарт-контракта признаков, которые ему присваиваются сегодня. Как следствие, error facti (ошибки в факте) – дефективные меры правового регулирования, оказывающие разрушительное влияние на общественный прогресс. На устранение развития такого сценария направлена данная статья. В ней кратко изложена история возникновения и развития теории смарт-контракта. Проанализированы попытки правового урегулирования смарт-контрактов в России, Республике Беларусь и Соединенных Штатах Америки. Выявлены недостатки в правовом регулировании смарт-контрактов в зарубежных странах, в частности выражающиеся в неточной дефиниции смарт-контракта, а также в вопросе о юридической квалификации смарт-контракта. На основе методов эмпирического (наблюдение, сравнение, эксперимент) и теоретического (формализация, абстрагирование) познания отражены факты неверной трактовки в научной литературе технической стороны смарт-контракта – его сопряженность с блокчейном, самоисполнимость. Сформулированы общие трудности в построении законодательной конструкции смарт-контракта. Выведен наиболее оптимальный с точки зрения юридической науки способ вовлечения в гражданский оборот, исключающий характеристики смарт-контракта как договора, специальной договорной конструкции, договора присоединения, условной сделки и способа обеспечения исполнения обязательств. Сделан вывод о целесообразности урегулирования смарт-контракта в гражданском законодательстве как способа исполнения обязательства.

ГАВРИЛОВ

Владимир Николаевич

кандидат юридических наук,
доцент, профессор кафедры
гражданского права Саратовской
государственной юридической
академии (г. Саратов)

vladimirgavrilov@rambler.ru

ШЕБЗУХОВ

Салим Мисостович

студент Института прокуратуры
Саратовской государственной
юридической академии (г. Саратов)

shebzukhov.sm@gmail.com

**Смарт-контракт;
договор;
форма договора;
исполнение обязательств;
способ обеспечения
исполнения обязательства;
способ исполнения
обязательств;
программный код;
блокчейн**

Vladimir N. GAVRILOV

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Professor,
Department of Civil Law, Saratov
State Law Academy (Saratov)

vladimirgavrilov@rambler.ru

Salim M. SHEBZUKHOV

Student, Institute of Prosecution,
Saratov State Law Academy (Saratov)

shebzukhov.sm@gmail.com

SMART CONTRACT PHENOMENON: CONCEPTUAL ISSUES OF THEORY AND PERSPECTIVES OF LEGAL REGULATION

The topic of smart contracts is currently relevant both for study within scientific disciplines and for application in the context of professional activities. However, the history of this phenomenon is often overlooked. If today it is stated that a smart contract is a contract implemented into a blockchain-based program code, then this is perceived by a person adapted to the latest information technologies quite easily and naturally. However, upon a detailed examination of the

**Smart contract;
contract;
contract form;
execution of obligations;
method of ensuring
the fulfillment of obligations;
method of execution
of obligations;
program code;
blockchain**

subject, we will notice significant contradictions in its definition, which is widely approved in scientific circles. We will not see in the initial concepts of a smart contract the features that are assigned to it today. As a consequence of error facti (error in fact), there are defective ways of legal regulation that have a destructive effect on social progress. This article is aimed at eliminating such a perspective. It summarizes the history of the emergence and development of the smart contract theory. Attempts to legalize smart contracts in Russia, the Republic of Belarus and the United States of America are analyzed. We have identified imperfections in the legal regulation of smart contracts in foreign countries, in particular, expressed in the inaccurate definition of a smart contract, as well as in the issue of the legal regulation of a smart contract. Based on the methods of empirical (observation, comparison, experiment) and theoretical (formalization, abstraction) cognition, the facts of incorrect interpretation in the scientific literature of the technical side of a smart contract are reflected – its conjugation with the blockchain, self-execution. General difficulties in creating the legislative structure of a smart contract are formulated. The most optimal, from the standpoint of view of legal science, way of involvement in civil circulation, which excludes the characteristic of a smart contract as a contract, a special contractual structure, an accession contract, conditional transaction and method of ensuring the fulfillment of obligations, has been deduced. It is concluded that it is advisable to settle a smart contract in civil law as a way to fulfill an obligation.

Непрерывный научно-технический прогресс, будучи стимулом для поступательного развития мировой экономики, способствует появлению новых вызовов как для законодателя, так и для участников гражданского оборота. Экономический спад, как следствие признанной Всемирной организацией здравоохранения новой вирусной пандемии [1], обнажил востребованность функциональной роли цифрового пространства в коммуникативном и финансово-экономическом аспектах жизни общества, и в условиях всеобщей актуализации применения информационных технологий сформированная Правительством РФ национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [2] приобрела особое значение. В частности, стоит отметить принятый, но еще не вступивший в силу Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3] (далее – Закон № 259), который определяет правовые основы криптовалют, являющихся предметом глубоких научных дискуссий [4, с. 51–59].

Благодаря созданию технологии распределенного реестра цифровых транзакций (блокчейн) и финансовых активов на его основе, широкое распространение получили так называемые смарт-контракты («умные контракты»). Однако следует констатировать, что возникновение феномена смарт-контракта приходится на конец XX в. Американский исследователь в области информационных технологий Ник Сабо в 1996 г. разработал концепцию смарт-контракта как совокупности обещаний в цифровой форме, включающей в себя набор

протоколов, по которым стороны контракта выполняют свои обещания [5]. В качестве примитивного примера реализации смарт-контрактов ученый приводил торговый автомат, автоматически выдающий товар потребителю после внесения соответствующей платы. В таком смысле данная технология не является новшеством: совершение сделок с применением вендинг-автоматов наблюдается во многих секторах экономики, в частности, в ритейле. Вместе с тем блокчейн-платформы, обладающие полнотой по Тьюрингу (в рамках которых выполняются любые вычислимые функции), с технической точки зрения, стали для смарт-контрактов перспективными платформами благодаря своей технологичности. К примеру, опыт использования блокчейн-смарт-контракта в России позволил контрагентам (поставщику топлива, авиакомпании и банку) совершать сделки-аккредитивы, обычно длившиеся до трех дней, за считанные секунды [6]. Передовой характер смарт-контракта, влекущий сложности для его теоретического осмысления и правового урегулирования, наряду с политикой поступательного совершенствования законодательства и обуславливают актуальность настоящего исследования.

Несмотря на сложность построения абстрактной модели смарт-контракта, объясняющую причину отсутствия соответствующих правовых конструкций в подавляющем большинстве национальных законодательств, в отдельных иностранных юрисдикциях предпринимаются попытки нормативного урегулирования общественных отношений с использованием умных контрактов. Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О раз-

витии цифровой экономики» [7] впервые в мире на государственном уровне легитимировал смарт-контракт как программный код, предназначенный для функционирования в распределенной цифровой системе в целях автоматизированного совершения юридически значимых действий [8]. В Декрете под смарт-контрактом предполагается протокол в цифровой форме, функционирующий на основе блокчейна («блокчейн-смарт-контракт»), а не собственно смарт-контракт. Вместе с тем отметим, что, судя по используемой в нормативно-правовом акте терминологии, смарт-контракт признается лишь программным кодом, а не договором. Примечательно положение Декрета о презумпции осведомленности лиц, использующих смарт-контракт, о содержании программного кода. Некоторые исследователи прогнозируют его последующее закрепление в Гражданском кодексе Республики Беларусь [9, с. 43]. Указанная презумпция действительно будет способствовать более стремительному вовлечению конструкции смарт-контракта в гражданский оборот Беларуси. Однако, думается, такой шаг несет с собой риск возникновения в широком масштабе обоснованных споров об отсутствии у лиц на момент начала использования программного кода представления о его истинном содержании и, следовательно, функционале.

Широко обсуждаемый в России проект федерального закона «О цифровых финансовых активах» со всеми его терминологическими и технико-юридическими недостатками претерпел изменения. Если в первом чтении проект закона содержал определения многочисленных терминов, в частности криптовалюты, токена, цифрового кошелька, майнинга, смарт-контракта и валидации цифровой записи, то в третьем чтении основная мысль законодателя сводится к более детальной регламентации порядка выпуска и обращения собственно цифровых финансовых активов (криптовалюты и токенов). При этом не закрепляется конструкция смарт-контракта, а, считаем, лишь косвенно предполагается: «Решение о выпуске цифровых финансовых активов должно содержать... указание на использование для выпуска цифровых финансовых активов сделок» [3], где под сделками, на наш взгляд, понимаются обычные гражданско-правовые договоры, а не смарт-контракты как таковые (в противном случае в законе имелось бы указание на договорно-правовую природу смарт-контракта). Таким образом, модель смарт-контрактов в России не обрела форму гражданско-правового договора.

Ранее в штате Аризона в силу вступил закон, признающий юридическую силу смарт-контракта, «событийно-зависимой программы, работающей в распределенном децентрализованном совместно используемом тиражируемом реестре, которая может брать под свой контроль активы в таком реестре и осуществлять их пе-

ренос в рамках системы» [10]. Аналогичный закон вступил в силу в начале 2020 г. в штате Иллинойс; законопроекты, распространяющие правовое регулирование на блокчейн-системы, цифровые финансовые активы и смарт-контракты рассматриваются в других штатах [11]. Представляется, что легитимация смарт-контрактов на территории одного субъекта Федерации наряду с неопределенностью правового статуса таковых в других субъектах Федерации нерациональна, поскольку транснациональный характер сети Интернет и возможности обеспечения пользовательского доступа к блокчейн-системам, на базе которых функционируют смарт-контракты, позволяют применять данную технологию вне зависимости от территориальной расположенности пользователей, а географическое местонахождение узла (ноды) информационной системы блокчейна не имеет значения при наличии доступа к сети Интернет. Более логично определение правового статуса смарт-контрактов на территории государства в целом, таким образом общественным отношениям будет придан статус правовых на федеральном уровне со всеми вытекающими позитивными следствиями, в частности распространением на них гарантии судебной защиты. Заметим, что смарт-контракт не квалифицируется законодателями штатов как гражданско-правовой договор. Упоминание в определении «децентрализованности», на наш взгляд, ошибочно, поскольку децентрализованный блокчейн является лишь классом дихотомического деления собственно блокчейна. Между тем при правовом регулировании рассматривать предмет следует в его общем, а не частном проявлении.

Имеющийся опыт законодательства позволяет сделать вывод, с одной стороны, о выжидательной позиции законодателей по отношению к несформированному в полной мере предмету регулирования, с другой – об обоснованном и прогрессивном стремлении отдельных иностранных юрисдикций к экспериментальным шагам в узких масштабах, которые заслуживают аналитической оценки в целях проработки российской правовой конструкции смарт-контракта.

Несмотря на широкое применение технологии блокчейна и смарт-контрактов в цифровом секторе рынка, как показывает анализ отечественной и зарубежной доктрины, отсутствует единое понимание как технической, так и юридической стороны смарт-контракта. Основная проблема теории смарт-контракта состоит в ее правовой природе и аккумулирует два самостоятельных аспекта: технический и юридический.

Смарт-контракт как разработка чисто техническая представляет собой протокол в цифровой форме, автоматически выполняющий заданный алгоритм действий. Данный протокол, точнее, его исполнение, характеризуется четырьмя критериями, актуализирующими его: 1) наблюдаемость (возможность участников контракта наблюдать за процессом его ис-

полнения); 2) проверяемость (возможность доказать факт (не)исполнения договора); 3) частность (обеспечение конфиденциальности исполнения договора); 4) исполнимость (возможность) [5]. Сопряженность протокола смарт-контракта, отвечающего вышеназванным критериям, и технологии «блокчейн», как показывает анализ научной литературы, вызывает множество концептуальных вопросов. Так, А. И. Савельев относит распределенный реестр цифровых транзакций к конститутивным признакам смарт-контракта, ставшего возможным к реализации в связи с появлением данной технологии [12, с. 47]. Мелани Свон, перечисляя главные свойства смарт-контракта, наряду с автономностью контракта и его ресурсной самодостаточностью упоминает децентрализованность контракта (что предполагает блокчейн) [13, с. 44]. Определение смарт-контракта как компьютерной программы, исполняемой исключительно на основе блокчейна, также поддерживается в работах других авторов [14, с. 27; 15, с. 30–74; 16, с. 5–7]. Напомним, что в опыте законодательного урегулирования смарт-контрактов в Республике Беларусь и некоторых штатах находит выражение такой же подход.

Согласно другим авторам блокчейн не является конститутивным признаком смарт-контракта. В частности, Е. Н. Агибалова приходит к выводу об отсутствии привязки смарт-контракта к технологии блокчейна, вместе с тем признавая, что одновременное использование этих технологий считается устоявшимся на практике [17]. А. Вашкевич замечает, что не во всех случаях управление процессами в системе блокчейна обеспечивает прагматическую выгоду, и, следовательно, применение смарт-контракта не предвещает вопрос об использовании распределенного реестра данных [18, с. 38]. И. В. Грелева занимает крайнюю позицию, утверждая, что блокчейн-смарт-контракты не соответствуют критериям «классических смарт-контрактов» – критериям частности (вследствие публичности распределенного реестра), наблюдаемости и проверяемости (ввиду рисков технологии двойного расходования *proof-of-work*) [19, с. 63]. Мнение об отстраненности блокчейна от смарт-контрактов выражено в Аналитическом обзоре Банка России от 2018 г. [20], а также в Докладе Евразийской экономической комиссии от 2019 г. [21], в которой смарт-контракт осторожно определен как «программный код, предназначенный для автоматического совершения и (или) исполнения сделок либо совершения иных юридически значимых действий». Во Французской правовой доктрине преобладает, исходя из проведенных исследований, подход к смарт-контракту как к программному коду, а не к действительному гражданско-правовому договору [22, с. 154]. Такой же подход разделяется некоторыми исследователями Белорусского договорного права [23, с. 226].

Думается, выводы о природе смарт-контракта как основанного на блокчейне программного кода неконструктивны ввиду противоречий в понимании как самой идеи смарт-контрактов, так и технологии блокчейна. Смарт-контракт в описании Ника Сабо подразумевал под собой автоматизацию процессов в рамках исполнения гражданско-правовых договоренностей с помощью цифровых ресурсов, совершенствуемых сетью Интернет и криптографической защищенностью информации в этой сети. Ценностью такой автоматизации предполагалась эксплуатация незаинтересованного, безвольного, беспристрастного и всегда исполняющего свою функцию программного кода. Блокчейн (централизованный или децентрализованный) со всеми его преимуществами лишь совершенствует свойства алгоритмизированного кода. Фактически, смарт-контракт как программный код, исполняющий заложенные в него команды при наличии определенных обстоятельств, в современном мире мы наблюдаем повсеместно, поэтому, в случаях использования блокчейна, к термину «смарт-контракт» следует добавлять приставку «блокчейн-».

Действие смарт-контракта мы можем проследить, к примеру, при использовании интернет-сервиса «Яндекс.Такси», выступающего в форме посредника в централизованной, не распределенной системе. Агрегатор информации предоставляет участникам гражданского оборота возможность вступить в правоотношения путем дистанционного, с использованием электронных средств, заключения гражданско-правовых договоров, исполняемых с помощью конкретного алгоритма (смарт-контракта): клиент заказывает на платформе агрегатора услугу, водитель принимает заказ и приступает исполнению обязательств. В случае исполнения обязательства по доставке пассажира (багажа) в географическое место транзакция по оплате услуги осуществляется со счета клиента автоматически, без каких-либо дополнительных действий. Интересно рассмотреть, каким образом данная модель отношений отвечает критериям классических смарт-контрактов: исполнение обязательств наблюдается как непосредственно, так и с использованием карты или *GPS*-навигатора, проверяется наличием цифровых транзакций, а частность регулируется политикой конфиденциальности и средствами криптографического шифрования данных. Таким образом, наиболее обоснованным представляется подход к пониманию смарт-контракта как протокола в цифровой форме, который может функционировать на основе блокчейна или вне ее. В первом случае техническая сторона предмета несколько усложняется, что не отменяет его основной функции.

Смарт-контракт как предмет правового регулирования включает в себе некоторые сложности ввиду эмуляции договорных правоотношений цифровым

алгоритмом, с одной стороны, и неиспытанностью данного технического явления позитивным правом – с другой. Для определения места смарт-контракта в системе российского права, проанализируем возможность его квалификации как гражданско-правового договора через призму цивилистической доктрины и гражданского законодательства. Ряд авторов отстаивает позицию о том, что смарт-контракт может рассматриваться как гражданско-правовой договор при изложении в программном коде его существенных условий (А. И. Савельев [12, с. 43], Е. В. Сомова [24, с. 81], А. Грибанов [25] и др.) или как соглашение, имеющее юридическую силу (*M. Raskin* [26], *C. D. Clack, V. A. Bakshi, L. Braine* [27] и др.). Обосновывается такая позиция посредством чисто догматической проверки смарт-контракта на предмет соответствия формальным требованиям к договору по положениям отечественного или зарубежного гражданского законодательства. Вывод о соблюдении письменной формы сделки делается со ссылкой на факт совершения сделки с использованием технических средств, позволяющих в неизменном виде воспроизводить ее содержание. Возможно, законодатель при принятии проекта федерального закона «О цифровых финансовых активах» [28] в первом чтении руководствовался указанными соображениями.

Согласно иной позиции смарт-контракт не имеет гражданско-правовой природы, а используется как способ обеспечения исполнения обязательства [29, с. 2]. Так, Л. Г. Ефимова и О. Б. Сизимова заключают, что смарт-контракт можно квалифицировать как способ обеспечения исполнения обязательств, поскольку его действие не может быть отменено [14]. Считаем более конструктивным придерживаться мнения других авторов, согласно которому квалификация рассматриваемого предмета как способа обеспечения исполнения обязательств не будет влечь соответствующего регулятивного эффекта ввиду абсолютизации одного только из возможных подходов в вопросе об обеспечительных свойствах смарт-контракта [30, с. 57]. Этот регулятивный эффект не будет в должной степени устойчивым из-за возможности случаев малозначимости протокола в цифровой форме в системе исполнения обязательств в целом. Относительно содержания смарт-контрактов, следует учитывать, что оно неизменно лишь в цифровых протоколах на основе децентрализованного реестра цифровых транзакций, а смарт-контракты (как компьютерные программы) вне системы децентрализованного блокчейна вполне поддаются техническому изменению.

Электронная форма соглашения участников оборота относительно возникновения, изменения или прекращения гражданских правоотношений, на первый взгляд, является подступом к объяснению природы смарт-контракта с точки зрения гражданского

права. Однако дело усложняется при попытке приземленного осмысления «электронной формы» смарт-контракта. Так, если можно быть уверенным, что собственно смарт-контракт, предположим, используемый в сфере обычных перевозок (такси), по своему содержанию не противоречит закону, оформляет отношения право- и дееспособных лиц, то волю участников правоотношения, выражаемую в форме программного кода, следует подвергнуть тщательной проверке.

Очевидно, воля как «зидущая сила всякого договора» является одним из ключевых элементов сделки: субъекты гражданского права приобретают и осуществляют гражданские права своей волей и в своем интересе. Считаем закономерным, что смарт-контракт (в том числе в блокчейн-системе) как таковой будет представлять сложность для полного понимания гражданами смысла, заложенного в него. Если в суде при рассмотрении русскоязычных текстов спорадически возникает необходимость в судебно-лингвистической экспертизе, то имеются ли основания сомневаться, что вне суда, в рамках частных имущественных отношений для понимания программного кода, допустим, разработанного на языке программирования «Solidity» и внедренного в систему блокчейн, не потребуются специальные знания? Будет ли изложенный в форме кода договор, хотя и содержащий существенные условия, отражать волю не владеющего языком договора контрагента? Думаем, в подавляющем большинстве случаев – нет. Стороны должны понимать и осознавать смысл письменного соглашения через доступные им знаковые системы – национальные или международные языки. В противном случае, не удастся избежать существенного искажения истинной воли контрагента. О случае порока воли И. А. Покровский судил однозначно: «Только в принципе воли [а не волеизъявления] может найти себе надлежащее выражение идея частной автономии личности, и отказ от этого принципа лишил бы гражданское право той ариадниной нити, которая единственно может провести его через запутанный лабиринт всевозможных коллизий» [31, с. 247]. Таким образом, по причине отсутствия волевого элемента в форме программного кода, признание смарт-контрактов как таковых договорами, специальными договорными конструкциями, договорами присоединения и условными сделками, как предлагается в науке [12, с. 50–43; 14, с. 23–30], считаем неверным.

Исходя из того, что правоотношения обусловлены в первую очередь государственной волей, которая затем предопределяет связи конкретных правоотношений с волей индивидуальной [32, с. 249–250], считаем целесообразным опосредовать волей государственной частное применение смарт-контрактов в имущественных отношениях. Для этого необходимо, следуя устоявшейся практике, определять условия пользования смарт-контрактами, в том числе на основе блок-

чейна, в предварительно согласованном на русском либо ином желательном для участников гражданского оборота языке договоре (или его неотъемлемой части), аналогичном «Условиям использования сервиса Яндекс.Такси» [33]. Согласие контрагентов с условиями договора будет выражаться путем проставления в электронной форме соответствующей отметки «Ознакомлен, принимаю», что действующим законодательством и судебной практикой [34] оценивается как юридически значимые сообщения. Возможность и правильность приведенного пути узаконения в конкретных отношениях смарт-контрактов подтверждается нормами закона, регулирующего рынок криптовалют. Пункт 9 ч. 1 ст. 3 Закона № 259, на наш взгляд, предполагает необходимость урегулирования согласно абз. 2 ст. 309 Гражданского кодекса РФ в сделке возможности использования в конкретных отношениях смарт-контракта. Такой механизм легитимации смарт-контрактов считаем наиболее разумным.

Логичным представляется понимание протокола в цифровой форме как способа исполнения обязательств в контексте гражданских правоотношений [24, с. 81]. Как и в случае использования различных механических средств, оптимизирующих физическую деятельность человека, смарт-контракт позволяет по заранее определенному, математически точному алгоритму совершать юридически значимые действия, возможно, выходящие за пределы цифрового пространства. В данном случае способ исполнения специфицируется в ключе качественном (какими средствами перечислить сумму?), а не количественном (частичная оплата товара), как обычно излагается в теории [35, с. 93].

В контексте исполнения договорных обязательств отдельно интерес представляет качество «самоисполнимости» смарт-контракта, называемое его технологическим достоинством, чуть ли не меняющим конъюнктуру общих положений об обязательствах. По словам А. И. Савельева, «умный контракт» позволяет сторонам без привлечения доверенного лица вступить в правоотношения, поскольку программа самостоятельно выполняет условия договора, при этом – исключительно надлежащим образом [12, с. 50–53]. Однако считаем важным учитывать, что данное ка-

чество обеспечивается благодаря не блокчейн-среде, как об этом часто пишут [36, с. 62], а собственным техническим характеристикам: распределенный реестр цифровых транзакций обеспечивает относительную независимость функционирования смарт-контракта от физических действий человека не более чем хостинг (*hosting*), имеющий перманентный доступ к сети Интернет. Вместе с тем, качество исполненного не всегда будет соответствовать первому принципу исполнения обязательств – принципу надлежащего исполнения, поскольку, во-первых, исполнение обязательств может не ограничиваться только лишь функциями смарт-контрактов; во-вторых, как справедливо отмечает О. М. Родионова, возможны перебои в функционировании любых механизмов, в том числе по вине третьих лиц, и не исключается, что, допустим, товар, доставленный автоматически блокчейн-смарт-контрактом, не будет соответствовать заявленным продавцом требованиям [37, с. 185]. Очевидно, в подобных случаях необходимо наличие возможности защитить нарушенные с использованием смарт-контракта права [38, с. 105]. Как ранее предложено, такая возможность пользователей будет обеспечена при договорном регулировании действия программного кода.

Таким образом, обобщая вышеизложенное, можно сделать следующий вывод: рассмотренные в ходе исследования грани смарт-контракта в их литературном выражении позволяют выделить основные проблемы в понимании предмета и вывести более продуманные способы вовлечения технологии в оборот *de lege lata*. В частности, по итогу исследования предложен оптимальный путь правового урегулирования общественных отношений с применением смарт-контрактов в рамках исполнения гражданских прав и обязанностей. Бесспорно, смарт-контракт как достижение науки и техники сегодня находится в состоянии незавершенности, в связи с чем представляет сложности для формирования его индифферентной модели. По этой причине современная теория смарт-контрактов нуждается в разносторонней доктринальной проработке как на базе специализированных работ прошлого века, так и с учетом научно-технического инструментария века нынешнего.

Пристатейный библиографический список

1. ВОЗ объявила пандемию коронавируса в мире // RT : сайт. URL: <https://russian.rt.com/world/news/727461-voz-obyavila-pandemiyu> (дата обращения: 21.05.2021).
2. «Цифровая экономика РФ», 2019 // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации : сайт. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/> (дата обращения: 21.05.2021).
3. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2020. 6 авг. № 173.

4. *Гаврилов В. Н., Рафииков Р. М.* Криптовалюта как объект гражданских прав в законодательстве России и ряда зарубежных государств // Вестник права, экономики и социологии. 2019. № 1.
5. *Szabo N.* Smart Contracts: Building Blocks for Digital Markets // Phonetic Sciences, Amsterdam : сайт. URL: http://www.fon.hum.uva.nl/rob/Courses/InformationInSpeech/CDROM/Literature/LOTwinterschool2006/szabo.best.vwh.net/smart_contracts_2.html (дата обращения: 21.05.2021).
6. *Чепижко М.* Смарт-революция. «Газпромнефть-Аэро» внедряет смарт-контракты на основе технологии блокчейн // Газпром нефть : сайт. URL: <https://www.gazprom-neft.ru/press-center/sibneft-online/archive/2018-october/1986863/> (дата обращения: 21.05.2021).
7. Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь : сайт. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=Pd1700008&p1=1> (дата обращения: 21.05.2021).
8. Декрет Президента Республики Беларусь от 22 сентября 2005 г. № 12 (в ред. от 3 ноября 2014 г.) «О Парке высоких технологий» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь : сайт. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=pd0500012> (дата обращения: 21.05.2021).
9. *Гаврилов В. Н., Прохоров Н. А., Шахнавазов А. А.* Анализ смарт-контрактов как объектов гражданских прав в законодательстве Республики Беларусь и Российской Федерации // Научные стремления. 2020. Вып. 27.
10. *Higgins S.* Arizona Governor Signs Blockchain Bill into Law, 2017 // CoinDesk : сайт. URL: <https://www.coindesk.com/arizona-governor-signs-blockchain-bill-law> (дата обращения: 21.05.2021); Arizona House Bill 2417, passed Fifty-Third Legislature 1st Regular (Arizona, 29 March 2017) // LegiScan : сайт. URL: <https://legiscan.com/AZ/text/HB2417/id/1588180> (дата обращения: 21.05.2021).
11. Иллинойс (США) : Закон о технологии блокчейн, 2020 // IQ DECISION : сайт. URL: <https://iqdecision.com/illinojs-ssha-zakon-o-tehnologii-blokchejn/> (дата обращения: 21.05.2021).
12. *Савельев А. И.* Договорное право 2.0 : «Умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. 2016. № 3.
13. *Свон М.* Блокчейн. Схема новой экономики. М. : Олимп-Бизнес, 2015.
14. *Ефимова Л. Г., Сиземова О. Б.* Правовая природа смарт-контракта // Банковское право. 2019. № 1.
15. *Федоров Д. В.* Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с позиции иностранного опыта // Вестник гражданского права. 2018. № 2.
16. *Волос А. А.* Смарт-контракты и принципы гражданского права // Российская юстиция. 2018. № 12.
17. *Агибалова Е. Н.* Технология блокчейн в смарт-контрактах : конститутивный признак или технологический нейтралитет? // Материалы докладчиков Волгоградского института управления РАНХиГС, 2019 // Дни интеллектуальной собственности : сайт. URL: http://spb-int.ru/file/pages/145/agibalova_blockchain.pdf (дата обращения: 21.05.2021).
18. *Вашкевич А.* Смарт-контракты : что, зачем и как. М. : Симплоер, 2018.
19. *Грелева И. В.* Смарт-контракты и технология блокчейн // Экономика и бизнес : теория и практика. 2019. № 4-2.
20. Аналитический обзор по теме «Смарт-контракты» Банка России (Москва, октябрь 2018 г.) // city-russia.ru : сайт. URL: https://cdn.d-russia.ru/wp-content/uploads/2018/10/SmartKontrakt_18-10.pdf (дата обращения: 21.05.2021).
21. Криптовалюта и блокчейн как атрибуты новой экономики. Разработка регуляторных подходов : международный опыт, практика государств – членов ЕАЭС, перспективы для применения в Евразийском экономическом союзе, 2019 // Евразийская экономическая комиссия : сайт. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_makroec_pol/SiteAssets/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4.pdf (дата обращения: 21.05.2021).
22. *Чуб Д. В.* Правовое регулирование смарт-контрактов во Франции // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8 (105).
23. *Лухверчик В. А.* Смарт-контракт как средство совершения и (или) исполнения сделки // 75-я научная конференция студентов и аспирантов Белорусского государственного университета [Электронный ресурс] : материалы конф. : в 3 ч. Ч. 3, Минск, 14–23 мая 2018 г. Минск : БГУ, 2018.
24. *Сомова Е. В.* Смарт-контракт в договорном праве // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 2.
25. *Грибанов А.* Рецепт блокчейна по-белорусски // Закон.ру : сайт. URL: https://zakon.ru/blog/2018/01/08/recept_blokchejna_po-belorusski_72053 (дата обращения: 21.05.2021).
26. *Raskin M.* The Law and Legality of Smart Contracts // SSRN Papers : сайт. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2959166 (дата обращения: 21.05.2021).

27. Clack C. D., Bakshi V. A., Braine L. Smart Contract Templates : Foundations, Design Landscape and Research Directions // arXiv.org : сайт. URL: <https://arxiv.org/pdf/1608.00771.pdf> (дата обращения: 21.05.2021).
28. Законопроект № 419059-7 «О цифровых финансовых активах», внесенный в Государственную Думу 20 марта 2018 г. // Система обеспечения законодательной деятельности : сайт. URL: <http://sozd.duma.gov.ru/download/20EF1ACE-0B67-4BA1-BF37-EACF3D03496D> (дата обращения: 21.05.2021).
29. Дядькин Д. С., Усольцев Ю. М., Усольцева Н. А. Смарт-контракты в России: перспективы законодательного регулирования // Universum: экономика и юриспруденция. 2018. № 5 (50).
30. Гринь О. С., Гринь Е. С., Соловьев А. В. Правовая конструкция смарт-контракта: юридическая природа и сфера применения // Lex Russica. 2019. № 8 (153).
31. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. 8-е изд. М. : Статут, 2020.
32. Алексеев С. С. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 3. М. : Статут, 2010.
33. Условия использования сервиса Яндекс.Такси // Yandex : сайт. URL: https://yandex.ru/legal/taxi_termsofuse/ (дата обращения: 21.05.2021).
34. Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 26 мая 2016 г. по делу № 33-9773/2016 // Верховный суд Республики Башкортостан : сайт. URL: https://vs--https://vs--bkr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=21736410&delo_id=5&new=5&text_number=1 (дата обращения: 21.05.2021).
35. Иоффе О. С. Обязательственное право. М. : Юрид. лит., 1975.
36. Ирискина Е. Н. Правовые аспекты применения технологии блокчейн и использования смарт-контрактов : дис. ... магистра юриспруденции. Томск, 2019.
37. Родионова О. М. Гражданско-правовая природа последствий заключения смарт-контрактов // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 6.
38. Ахмедов А. Я. Правовая природа смарт-контракта // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 5 (130).

References

1. WHO Has Declared a Coronavirus Pandemic in the World. URL: <https://russian.rt.com/world/news/727461-voz-obyavila-pandemiyu> (date of application: 21.05.2021).
2. Digital Economy of the Russian Federation, 2019. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/> (date of application: 21.05.2021).
3. Federal Law of 31 July 2020 No. 259-FZ "On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation". *Rossiiskaia Gazeta*. 6 August 2020. No. 173.
4. Gavrilov V. N., Rafikov R. M. Cryptocurrency as an Object of Civil Rights in the Legislation of Russia and a Number of Foreign Countries. *Bulletin of Law, Economics and Sociology*. 2019. No. 1.
5. Szabo N. Smart Contracts: Building Blocks for Digital Markets. URL: http://www.fon.hum.uva.nl/rob/Courses/InformationInSpeech/CDROM/Literature/LOTwinterschool2006/szabo.best.vwh.net/smart_contracts_2.html (date of application: 21.05.2021).
6. Chepizhko M. Smart Revolution. Gazpromneft-Aero Is Implementing Smart Contracts Based on Blockchain Technology. URL: <https://www.gazprom-neft.ru/press-center/sibneft-online/archive/2018-october/1986863/> (date of application: 21.05.2021).
7. Decree of the President of the Republic of Belarus of 21 December 2017 No. 8 "On the Development of the Digital Economy". URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=Pd1700008&p1=1> (date of application: 21.05.2021).
8. Decree of the President of the Republic of Belarus of 22 September 2005 No. 12 (as amended on 3 November 2014) "On the Hi-Tech Park". URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=pd0500012> (date of application: 21.05.2021).
9. Gavrilov V. N., Prokhorov N. A., Shakhnavazov A. A. Analysis of Smart Contracts as Objects of Civil Rights in the Legislation of the Republic of Belarus and the Russian Federation. *Scientific Aspirations*. 2020. Iss. 27.
10. Higgins S. Arizona Governor Signs Blockchain Bill into Law, 2017. URL: <https://www.coindesk.com/arizona-governor-signs-blockchain-bill-law> (date of application: 21.05.2021); Arizona House Bill 2417, passed Fifty-Third Legislature 1st Regular (Arizona, 29 March 2017). URL: <https://legiscan.com/AZ/text/HB2417/id/1588180> (date of application: 21.05.2021).
11. Illinois (USA): Blockchain Technology Act, 2020. URL: <https://iqdecision.com/illinojs-ssha-zakon-o-tehnologii-blokchejn/> (date of application: 21.05.2021).

12. Saveliev A. I. Contract Law 2.0: "Smart" Contracts as the Beginning of the End of Classical Contract Law. *Civil Law Review*. 2016. No. 3.
13. Swan M. Blockchain. The Scheme of the New Economy. Moscow: Olimp-Business, 2015.
14. Efimova L. G., Sizemova O. B. Legal Nature of a Smart Contract. *Banking Law*. 2019. No. 1.
15. Fedorov D. V. Tokens, Cryptocurrency and Smart Contracts in Domestic Bills from the Perspective of Foreign Experience. *Bulletin of Civil Law*. 2018. No. 2.
16. Volos A. A. Smart Contracts and Principles of Civil Law. *Russian Justice*. 2018. No. 12.
17. Agibalova E. N. Blockchain Technology in Smart Contracts: A Constitutive Feature or Technological Neutrality? In Materials of the Speakers of the Volgograd Institute of Management, RANEPa, 2019. URL: http://spb-int.ru/file/pages/145/agibalova_blockchain.pdf (date of application: 21.05.2021).
18. Vashkevich A. Smart Contracts: What, Why and How. Moscow: Simpler, 2018.
19. Greleva I. V. Smart Contracts and Blockchain Technology. *Economics and Business: Theory and Practice*. 2019. No. 4-2.
20. Analytical Review on the Topic "Smart Contracts" of the Bank of Russia (Moscow, October 2018). URL: https://cdn.d-russia.ru/wp-content/uploads/2018/10/SmartKontrakt_18-10.pdf (date of application: 21.05.2021).
21. Cryptocurrencies and Blockchain as Attributes of the New Economy. Development of Regulatory Approaches: International Experience, Practice of the EAEU Member States, Prospects for Application in the Eurasian Economic Union, 2019. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_makroec_pol/SiteAssets/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4.pdf (date of application: 21.05.2021).
22. Chub D. V. Legal Regulation of Smart Contracts in France. *Actual Problems of Russian Law*. 2019. No. 8 (105).
23. Lukhverchik V. A. Smart Contract as a Means of Making and (or) Executing a Transaction. In 75th Scientific Conference of Students and Graduate Students of the Belarusian State University [Electronic Resource]: Materials of the Conference. In 3 parts. Part 3. Minsk, 14–23 May 2018. Minsk: BSU Publ., 2018.
24. Somova E. V. Smart Contract in Contract Law. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. 2019. No. 2.
25. Gribanov A. Blockchain Recipe in Belarusian. URL: https://zakon.ru/blog/2018/01/08/recept_blokchejna_pobelorusski_72053 (date of application: 21.05.2021).
26. Raskin M. The Law and Legality of Smart Contracts. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2959166 (date of application: 21.05.2021).
27. Clack C. D., Bakshi V. A., Braine L. Smart Contract Templates: Foundations, Design Landscape and Research Directions. URL: <https://arxiv.org/pdf/1608.00771.pdf> (date of application: 21.05.2021).
28. Draft Law No. 419059-7 "On Digital Financial Assets", submitted to the State Duma on 20 March 2018. URL: <http://sozd.duma.gov.ru/download/20EF1ACE-0B67-4BA1-BF37-EACF3D03496D> (date of application: 21.05.2021).
29. Diadkin D. S., Usoltsev Iu. M., Usoltseva N. A. Smart Contracts in Russia: Prospects for Legislative Regulation. *Universum: Economics and Law*. 2018. No. 5 (50).
30. Grin O. S., Grin E. S., Soloviov A. V. Legal Structure of a Smart Contract: Legal Nature and Scope. *Lex Russica*. 2019. No. 8 (153).
31. Pokrovskii I. A. Main Problems of Civil Law. 8th ed. Moscow: Statut, 2020.
32. Alekseev S. S. Collected Works. In 10 vols. Vol. 3. Moscow: Statut, 2010.
33. Terms of Use of the Yandex.Taxi Service. URL: https://yandex.ru/legal/taxi_termsofuse/ (date of application: 21.05.2021).
34. Appeal Ruling of the Supreme Court of the Republic of Bashkortostan of 26 May 2016 in Case No. 33-9773/2016. URL: https://vs--https://vs--bkr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=21736410&delo_id=5&new=5&text_number=1 (date of application: 21.05.2021).
35. Ioffe O. S. Law of Obligations. Moscow: Iuridicheskaja literatura, 1975.
36. Iriskina E. N. Legal Aspects of the Application of Blockchain Technology and the Use of Smart Contracts: Thesis for a Master Degree in Law Sciences. Tomsk, 2019.
37. Rodionova O. M. Civil Law Nature of the Consequences of Concluding Smart Contracts. *Gaps in Russian Legislation*. 2017. No. 6.
38. Akhmedov A. Ia. Legal Nature of a Smart Contract. *Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2019. No. 5 (130).

О ПРОБЛЕМАХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВА НА УПРАВЛЕНИЕ ИМУЩЕСТВЕННЫМИ КОМПЛЕКСАМИ В СФЕРЕ МАГИСТРАЛЬНОГО ТРУБОПРОВОДНОГО ТРАНСПОРТА

УЛЬЯНОВ
Алексей Владимирович

кандидат юридических наук,
частнопрактикующий юрист
(г. Москва)

aleksejulanov10741@gmail.com

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-4-58-66>

В статье изучаются проблемы правового обеспечения преимущественного контроля за развитием магистрального трубопроводного транспорта со стороны государства. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в правовой системе России в настоящее время отсутствует унифицированный специальный федеральный закон о магистральном трубопроводном транспорте. Посредством применения аналитического метода определяется понятие субъективного права на управление имущественными комплексами в магистральном трубопроводном транспорте (магистральными нефте- и газопроводами, газораспределительными системами, системами газоснабжения и др.) и раскрываются элементы данного права. Право на управление квалифицируется как проявление государственной собственности на соответствующие объекты прав. Принадлежность государству имущественных комплексов легитимирует полномочия компетентных органов власти на принятие управленческих решений в отношении подконтрольной им инфраструктуры. В качестве этих полномочий обоснованы права органов власти обеспечивать соблюдение законодательного запрета на разделение управляемых имущественных комплексов со стороны законных владельцев (аффилированных государству юридических лиц). По мнению автора, указанный законодательный запрет подлежит применению независимо от того, относятся ли магистральные трубопроводы и иные имущественные комплексы к неделимым вещам. В связи с этим могут удовлетворяться иски о признании недействительными сделок по отчуждению или передаче в управление постороннему лицу составных частей магистральных трубопроводов и других имущественных комплексов.

**Имущественный комплекс;
магистральный трубопровод;
неделимая вещь;
единый недвижимый комплекс;
форма собственности;
право собственности;
государственная
собственность;
право на управление;
признание сделки
недействительной;
применение последствий
недействительности сделки**

Aleksey V. ULIANOV

Candidate of Legal Sciences,
Practicing Lawyer (Moscow)

aleksejulanov10741@gmail.com

ON THE PROBLEMS OF EXERCISING THE RIGHT OF ADMINISTRATION OF PROPERTY COMPLEXES IN THE MAIN PIPELINE TRANSPORT

**Property complex;
main pipeline;
indivisible thing;
indivisible immovable complex;
form of ownership;
state ownership;
right of administration;
invalidation of the deal;
restitution for the invalidated deal**

The article examines the problems of legal support of state's priority with respect to control over development of the main pipeline transport. These issues are important today because the Russian legal system currently lacks a unified special federal law on the main pipeline transport. By applying the analytical method, defined are the concept of the right to administer property complexes in the main pipeline transport (main oil and gas pipelines, gas distribution systems, gas supply systems et al.) and the elements of this right. The right to administer is qualified as an exercise of the state ownership of the respective objects of rights. The fact that the property complexes are owned by the State authorizes legal powers for competent state authorities to make managerial decisions on their controlled infrastructure. As these powers, substantiated are the state authorities' rights to enforce statutory bar on separation of administered

property complexes for its legal holders (state-affiliated legal entities). According to the author, that statutory bar should be applied regardless of whether main pipelines and other property complexes fall into indivisible things. In this regard, satisfied should be the competent authorities' claims for invalidation of the deals on alienation or on control transfer to third persons of elements of the main pipelines or other property complexes.

На сегодняшний момент в российской правовой системе не имеется общих предметных законоположений, которые вводили бы единообразные правила для регулирования отношений в сфере магистрального трубопроводного транспорта. Так, отсутствует единая нормативная основа правоотношений собственности на магистральные трубопроводы и управления ими. Квалифицированное молчание законодателя, неоднократно отклонявшего законопроекты по данному вопросу, создает неопределенность в правовых условиях присвоения и оборота объектов магистрального трубопроводного транспорта – трубопроводов и их элементов.

В тексте абз. 9 п. 2 Правил, утв. постановлением Правительства РФ от 21 декабря 2009 г. № 1039 [1], магистральный трубопровод легально определяется как совокупность технологически взаимосвязанных объектов, обеспечивающих транспортировку нефти или нефтепродуктов, соответствующих требованиям законодательства России, от мест приема до мест сдачи или перевалки на другие виды транспорта. В п. 3.31 СП 36.13330.2012 [2] зафиксировано более детальное определение: магистральным трубопроводом назван «единый производственно-технологический комплекс», который имеет в своем составе здания, сооружения, линейную часть и объекты, используемые для обеспечения транспортирования, хранения или перевалки на автомобильный, железнодорожный и водный виды транспорта, а также для измерения жидких или газообразных углеводородов.

На законодательном уровне общие понятия для объектов трубопроводного транспорта определены только применительно к сфере газоснабжения. Согласно нормам ст. 2 Федерального закона «О газоснабжении в Российской Федерации» [3] (далее – Закон о газоснабжении) магистральные газопроводы включаются в более широкие комплексы – системы газоснабжения (абз. 4) и газораспределительные системы (абз. 5). При этом системой газоснабжения признается имущественный производственный комплекс, состоящий из технологически, организационно и экономически взаимосвязанных и централизованно управляемых производственных и иных объектов, предназначенных для добычи, транспортировки, хранения, поставок газа. Под газораспределительной системой понимается имущественный производственный комплекс, состоящий из организационно

и экономически взаимосвязанных объектов, предназначенных для транспортировки и подачи газа непосредственно его потребителям. С целью обособления сферы государственного управления отдельно определена Единая система газоснабжения, которая находится на балансе ПАО «Газпром» и которая является основной системой газоснабжения в РФ (ст. 6). Однако Единая система газоснабжения не охватывает собой всю совокупность систем газоснабжения на территории РФ – федеральную систему газоснабжения, являющуюся одной из федеральных энергетических систем (ч. 1 ст. 5).

По смыслу приведенных выше формулировок магистральный трубопровод и имущественные массы, к которым он относится, признаны в законодательстве имущественными комплексами. Вследствие такой квалификации у них имеются юридически значимые свойства имущественного комплекса [4, с. 56, 72], а именно:

– имущественная природа всех составных элементов. Так, любой объект в составе магистрального трубопровода (или более широкого комплекса) является вещью, т.е. «имуществом» по смыслу ст. 128 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ). Именно к вещам относятся здания, сооружения, технические устройства и оборудование, необходимые для функционирования магистрального трубопровода. Его состав подробно изложен в п. 5.9 СП 36.13330.2012 [2];

– соединение юридически разнородных объектов прав, каждый из которых способен иметь самостоятельный режим. Здания и сооружения рассматриваются законодателем как недвижимое имущество (п. 1 ст. 130 ГК РФ), в то время как технические устройства и оборудование признаются движимыми вещами (п. 2 ст. 130 ГК РФ). Юридическая судьба подобных вещей по отдельности может быть различной;

– юридически значимая цель объединения элементов в один объект. Такая цель заключается в организации управления магистральным трубопроводом как «линейным объектом топливно-энергетического комплекса» (см. определение согласно п. 7 ст. 2 Федерального закона «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» [5]) и обеспечении его охраны и поэтому носит явно публичный характер. От управления магистральными трубопроводами зависит и возможность использования технологически связанных с ними объектов;

– обособление в качестве объекта субъективного права. В отношении таких линейных объектов правомочия управления распределены между профильными министерствами и ведомствами (управление акциями аффилированных обществ и иным государственным имуществом, контроль и надзор, нормативно-правовое регулирование) и подконтрольными России юридическими лицами, имеющими вещные права (ПАО «Газпром», ПАО «Транснефть»), на основании положений многочисленных актов законодательства;

– ограничение оборотоспособности созданного единого объекта права. Эта оборотоспособность имеет строго целевой характер и сводится к юридическим действиям с магистральными трубопроводами (или системами, включающими в себя магистральные трубопроводы) в правоотношениях, объектами которых эти имущественные комплексы являются по закону.

Следовательно, в отношении магистральных трубопроводов (или систем, включающих магистральные трубопроводы) и их составных частей отчуждение или принадлежность различным правообладателям допускается лишь в той мере, в какой это совместимо с юридической конструкцией единого имущественного комплекса. Пределы этого дозволения обусловлены целью создания конкретного имущественного комплекса и юридической природой субъективного права на комплекс, установленного для реализации соответствующей цели. Определение возможных оснований и способов «раздела» магистрального трубопровода (либо более широкого комплекса) предполагает решение следующих вопросов:

1. О квалификации прав на магистральный трубопровод и на объекты в его составе. Право на имущественный комплекс заключается в праве управления этим сложным объектом, которое предоставляет обладателю как право использования элементов имущественного комплекса, так и право на изменение юридического режима имущественного комплекса или элемента [4, с. 190–192]. Эти правомочия выделяются в составе правоотношений, оформляющих динамику (становление и развитие) имущественного оборота. Например, У. Н. Хофельд, проанализировав содержание правоотношения, отнес первое из таких правомочий к привилегиям, а второе определил как юридическую власть, или полномочие [6, с. 59–92]. В целях организации присвоения имущества юридическая власть внедряется в структуру правоотношений собственности как юридическая возможность их изменения [7, с. 3, 117–118].

Представляется, что принадлежность магистральных трубопроводов и их использование могут опосредоваться только правоотношениями собственности. Речь идет о группе, включающей конституционные правоотношения, которые на отраслевом уровне по-

лучают развитие в гражданских, административных и (для целей охраны) уголовных правоотношениях. Содержание этих правоотношений не дает четко определить форму собственности на магистральные трубопроводы и субъектов права собственности на них. Вещные права на объекты, из которых составляются магистральные нефтепроводы, преимущественно закрепляются за ПАО «Транснефть» и его дочерними обществами, в то время как вещные права на объекты Единой системы газоснабжения, в том числе магистральные газопроводы и их элементы, закреплены за ПАО «Газпром» [8, с. 67] на основании ст. 6 Закона о газоснабжении. Но Россия как государство (публично-правовое образование) имеет права на участие в управлении делами этих аффилированных корпораций, дающие возможность определять их действия, а также права, предоставляющие контроль за использованием «чужих» магистральных трубопроводов. Благодаря таким правам влияние России на деятельность по эксплуатации магистральных трубопроводов приобрело характер управления, подобного ведомственному [8, с. 68], т.е. квазиведомственного.

Предполагаемая неопределенность в вопросе о правовой принадлежности магистральных трубопроводов может быть преодолена при условии пересмотра привычных упрощенных догматических схем. Согласно этим схемам та или иная форма собственности должна быть выражена в закреплении за соответствующим субъектом (государством, гражданином или юридическим лицом) вещного права – права собственности (ст. 209 ГК РФ). В итоге критерием определения формы собственности объявляется ее субъект [9, с. 59]. Однако этот упрощенный подход представляется неправильным. Так, форме собственности соответствует способ хозяйствования, или в более узком смысле – способ присвоения имущества [10, с. 40–41]. При этом право собственности не исчерпывает собой систему правовых средств присвоения, хотя по ГК РФ и дает заинтересованному лицу максимально широкий объем правовой охраны. Юридическая принадлежность материальных благ может оформляться также путем закреплении за субъектом корпоративных, исключительных и даже обязательственных прав, т.е. «бестелесных вещей».

Более того, в «юридическую» собственность входят некоторые публичные права в отношении благ или совокупностей благ, из состава которых выделяется имущество как объект гражданских прав. В частности, в соответствии с ч. 1 ст. 4 Федерального закона «О животном мире» [11], животный мир (т.е. совокупность диких животных, находящихся в состоянии естественной свободы), признается государственной собственностью. Установление вещного права на объекты этой категории исключено в принципе [12, с. 65]. «Государственная собственность» на животный мир уполномо-

чивает публично-правовое образование предоставлять физическим и юридическим лицам гражданские права использования объектов, связанного с их изъятием из среды обитания (охота, рыболовство). Аналогичный прием применяется в области недропользования, где государство, признаваемое собственником, выделяет участки недр и дает частным лицам право пользования ими (см. ч. 1 ст. 1.2 и ст. 6 Закона РФ «О недрах» [13]). В таких правоотношениях собственности гражданские права имеют ограниченный характер, в то время как вещное право (право собственности) не возникает вовсе. Данное распределение прав не колеблет единого права собственности, в качестве нормативной основы для которого предложено [14, с. 27] рассматривать Конституцию РФ, а не ГК РФ.

Отношения по эксплуатации магистральных трубопроводов регулируются гражданским правом, нормы которого предусматривают для участников вещные права на сами эти объекты или на их составные элементы. Но в отношении более широких имущественных комплексов (систем газоснабжения и др.), куда входят магистральные трубопроводы, действия публично-правовых образований могут приводить вещное право в стесненное состояние. Данные действия направлены на установление и контроль режима движения углеводородов по магистральным трубопроводам, т.е. непосредственно затрагивают реализацию вещного права на эти объекты транспорта. Вмешательство государства в осуществление вещного права вытекает из полномочий (юридической власти), нормативной основой для которых являются управомочивающие нормы законов и подзаконных правовых актов. Важно учитывать, что даже рекомендательные юридические акты органов власти, формально не имеющие обязательной силы, могут создать для субъектов вещных прав юридическую необходимость исполнения. Правообладатели будут вынуждены исполнить данные «рекомендации» вследствие их аффилированного положения, при наличии которого понимание необходимости исполнения может мотивировать на «рекомендуемое» поведение без угрозы санкций.

Тем самым государственная собственность на магистральный трубопровод заключена в правах государства, которые являются ограничениями вещных прав аффилированных корпораций. Юридическая власть государства при этом имеет публичный характер [15, с. 134–135], будучи основанной на компетенции органов государственной власти. Установление этой власти влечет за собой уменьшение объема юридической власти обладателей вещного права – автономии их воли как участников гражданских правоотношений (абз. 1 п. 2 ст. 1, п. 2 ст. 209 ГК РФ). В гражданско-правовой сфере ограничения подобного рода не нарушают принцип равенства, но для

их реализации необходимо специальное нормативно-правовое регулирование [7, с. 40–47, 191].

Как следует из п. «и» ст. 71 Конституции РФ, федеральные энергетические системы и федеральный транспорт находятся в ведении России. Магистральные трубопроводы в составе данных систем считаются объектами государственного управления на высшем уровне правовой системы. Во исполнение Конституции РФ полномочиями на принятие управленческих решений в сфере трубопроводного транспорта наделены:

1) органы исполнительной власти РФ – в отношении: вопросов ликвидации ПАО «Газпром» и ПАО «Транснефть», управления делами этих стратегических акционерных обществ в связи с обладанием контрольным пакетом акций (п. 15 разд. 2 Перечня, утв. Указом Президента РФ от 4 августа 2004 г. № 1009 [16]) и на основании правил второго предложения ч. 1 ст. 14 и первого предложения ст. 15 Закона о газоснабжении; вопросов поставок и транспорта углеводородов в системе магистральных трубопроводов, в том числе установления расчетного баланса добычи и распределения нефти, схемы грузопотоков нефти по магистральным трубопроводам и графиков поставок нефти за пределы таможенной территории России (абз. 1 п. 1, абз. 2 п. 3 и абз. 1 п. 11 Положения о приеме и движении нефти в системе магистральных нефтепроводов, утв. приказом Минтопэнерго России от 5 октября 1995 г. № 208 [17] и п. 26 Правил, утв. постановлением Правительства РФ от 29 марта 2011 г. № 218 [18]), утверждения баланса газа по РФ (формально рекомендательного) (абз. 3 п. 5 Правил поставки газа в РФ, утв. постановлением Правительства РФ от 5 февраля 1998 г. № 162 [19]), принятия решений о доступе к газотранспортной системе ПАО «Газпром» (п. 9, 14, 15 и 21 Положения, утв. постановлением Правительства РФ от 14 июля 1997 г. № 858 [20]);

2) стратегические акционерные общества, а именно: ПАО «Газпром» – по вопросам обеспечения строительства, эксплуатации, реконструкции и развития объектов Единой системы газоснабжения, вопросам обеспечения непрерывного диспетчерского контроля за функционированием объектов Единой системы газоснабжения и подсоединенных к ней объектов газоснабжения в точках их подсоединения и по вопросам осуществления управления функционированием Единой системы газоснабжения (абз. 2–4 ч. 1 ст. 13 Закона о газоснабжении); ПАО «Транснефть» – по аналогичным вопросам касательно функционирования системы магистральных нефтепроводов, закрепленных за ним на вещном праве.

Итак, признание магистрального трубопровода объектом государственной собственности выражено в праве управления им, которое реализуется публично-правовым образованием при посредничестве

ве аффилированного лица, имеющего вещное право на магистральный трубопровод как имущественный комплекс или на каждую из его составных частей.

В государственной собственности как форме собственности закрепляется определенная схема ограничений прав собственника (обладателя вещного права) [15, с. 137], направленных на реализацию публичной цели. Такая цель оправдывает факт преимущественного контроля развития магистрального трубопроводного транспорта со стороны государственного капитала [21]. Правовым условием для достижения поставленной цели является юридическая целостность управляемых магистральных трубопроводов как имущественных комплексов. Создание этого условия невозможно в отсутствие правового запрета на раздел имущественных комплексов в сфере магистрального трубопроводного транспорта. Нормативные и логические основания запрета на раздел могут гипотетически содержаться как в частном (правила о неделимых вещах), так и в публичном праве.

2. Об отнесении магистрального трубопровода к неделимым вещам. С точки зрения норм гражданского права достаточным основанием запрета на раздел магистральных трубопроводов и их систем могло бы быть признание таковых неделимыми вещами. Согласно п. 1 ст. 133 ГК РФ неделимой считается вещь, раздел которой в натуре невозможен без ее разрушения, повреждения или без изменения ее назначения и которая выступает в обороте как единый объект вещных прав. В правовой литературе распространено мнение о том, что понятие неделимой вещи должно безусловно охватывать магистральные трубопроводы и их сети [22, с. 71, 75].

Между тем отнесение магистральных трубопроводов к неделимым вещам поставлено законом в зависимость от выполнения дополнительного условия. По правилу ст. 133.1 ГК РФ неделимыми вещами признаются единые недвижимые комплексы (ч. 2) и в частности трубопроводы, если совокупность их составных элементов (физически или технологически связанных вещей) зарегистрирована в едином государственном реестре недвижимости (ЕГРН) как один объект права собственности (ч. 1). Регистрация вещного права на магистральный трубопровод могла бы быть необходимой в целях распоряжения им как единым недвижимым комплексом, участвующим в обороте.

На практике альтернативой трудоемкому процессу регистрации чрезмерно громоздкого объекта недвижимости является рынок долей в уставных капиталах организаций трубопроводного транспорта. В связи с этим уже нет существенной необходимости в наделении магистрального трубопровода качеством неделимой вещи. Отсутствие такого правового качества у магистральных газопроводов и их систем подразумевается в положениях Закона о газоснабже-

нии. Как следует из ч. 1 ст. 14 Закона о газоснабжении, разделение Единой системы газоснабжения не допускается. Установление специальной запретительной нормы не имело бы смысла в случае распространения на Единую систему газоснабжения и подобные ей имущественные комплексы общих правил ГК РФ о неделимых вещах.

Таким образом, к магистральному трубопроводу не могут быть применены правила о неделимых вещах до тех пор, пока в ЕГРН не зарегистрировано право собственности на совокупность его составных частей как на единую вещь. При неисполнении этого требования запрет на раздел магистрального трубопровода (сети трубопроводов) нуждается в обосновании посредством иных соображений. В конечном счете, всякая вещь фактически может быть разделена и в результате перестанет быть тождественной сама себе. Неделимость является юридическим свойством вещи как объекта, определяющим условия действительности сделок по распоряжению ею именно в таком качестве. Но в отношении объектов иных, чем вещное, имущественных прав, в частности права управления, нормативные и логические основания неделимости действуют вне зависимости от положений ст. 133 ГК РФ и относятся к сфере публичного права.

Публично-правовая «неделимость» состоит в недопустимости разделения функций и полномочий по управлению имущественным комплексом. В ее объем входит широкий круг отношений, охватываемых запретом, – от раздела объектов вещного права до распределения между различными субъектами полномочий по технологическому и диспетчерскому контролю (ст. 13 Закона о газоснабжении). Соответствующие ограничения являются в такой мере всеобъемлющими, что их содержание не может быть выведено из отдельных специальных норм, но имеет нормативным основанием общую норму-запрет. Правовые принципы, которые, по мнению ученых-правоведов, являются логическим основанием [23, с. 283–284] нормы-запрета, носят публичный характер.

3. О действии общего запрета на раздел магистрального трубопровода. Публичные цели запрета на раздел магистральных трубопроводов (сетей) указаны в первом предложении ч. 1 ст. 14 Закона о газоснабжении. Данные цели состоят в обеспечении надежного газоснабжения, безопасного и устойчивого функционирования объектов Единой системы газоснабжения, связанных общим технологическим режимом добычи, транспортировки и поставок газа. Согласно буквальному смыслу этой нормы, введенный ею запрет распространяется только на действия по разделению Единой системы газоснабжения. Вместе с тем было бы правильным считать, что указанный запрет выведен законодателем из общей нормы публичного права.

Эта общая запретительная норма не сформулирована в законодательстве прямо, *expressis verbis*, но ее правовое содержание подразумевается. В качестве ограничения конституционного права введенный ею запрет развивает принципы обеспечения безопасности объектов топливно-энергетического комплекса (см. ст. 4 Федерального закона «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса»). Необходимой статьей-лазейкой для применения законодательного запрета может служить упомянутое выше первое предложение ч. 1 ст. 14 Закона о газоснабжении.

Предпосылки для применения этой статьи-лазейки по аналогии *extra legem* имеются в механизме конституционно-правового регулирования экономических отношений. Так, в отсутствие прямо сформулированных конституционных норм о гарантиях государственной (публичной) собственности ее конституционные основы воплощаются в ограничениях права частной собственности. В результате из таких ограничений образуется вторичный правовой режим государственной (публичной) собственности. При этом ограничения права частной собственности в качестве правового материала для вторичного режима представляют собой не прямо сформулированные положения, а подразумеваемые нормы Конституции РФ. Содержание таких подразумеваемых конституционных норм продиктовано современной общественной практикой.

На нынешнем этапе развития конституционно-правовой действительности собственность обязывает служить общему благу (абз. 2 ст. 14 Основного закона ФРГ [24, с. 119]), а ограничения частной собственности могут подразумеваться [25, с. 40]. Следовательно, те правовые положения, которые зафиксированы в надлежащем источнике, имеют ясный и непротиворечивый механизм действия и направлены на обеспечение безопасности, не могут признаваться нарушением верховенства права, но, напротив, становятся критерием соблюдения этого фундаментального принципа.

Так, элементами механизма действия (правовыми условиями) ограничений права на управление сетями магистральных трубопроводов в части раздела могут быть:

1) первое предложение ч. 1 ст. 14 Закона о газоснабжении – о запрете на раздел Единой системы газоснабжения. Эта норма представляет собой частный случай общего запрета на раздел магистральных трубопроводов и их сетей;

2) правовые принципы, обосновывающие юридическую необходимость в установлении прямо сформулированного общего запрета раздела магистральных трубопроводов. Именно наличие этой необходимости позволяет констатировать пробел в законодательстве [26, с. 433] в условиях отсутствия нормы-запре-

та. Такая необходимость выражается в существовании общественного интереса, который направлен на лишение правомочий по разделению имущественных комплексов, но не опосредован соответствующим правовым иммунитетом [6, с. 88–90];

3) правила об аналогии закона, за счет применения которой восполняется пробел в законодательстве. Данный прием, заключающийся в применении норм, регулирующих сходные общественные отношения, допустим и в частном (п. 1 ст. 6 ГК РФ), и в публичном (ч. 6 ст. 15 КАС РФ) материальном праве. В сфере, где есть пробел, аналогия закона позволяет опосредовать охраняемый законом интерес [27, с. 26, 41] субъективным правом, полномочием или иной юридической возможностью.

По правилам об аналогии закона первое предложение ч. 1 ст. 14 Закона о газоснабжении должна применяться к отношениям, связанным с эксплуатацией магистральных трубопроводов и их сетей, на которые Закон о газоснабжении не распространяется. Это законоположение уже в качестве общей нормы способно устанавливать запрет разделения: магистральных нефтепроводов; региональных систем газоснабжения как единых объектов управления у специализированных организаций (ч. 1 ст. 7 Закона о газоснабжении); газораспределительных систем как целостных комплексов под управлением учрежденных аналогичным образом юридических лиц (ч. 2 ст. 7 того же Закона).

Общая норма-запрет становится нормативной основой ряда юридических средств, таких как правовой иммунитет органов власти, имеющих возможность игнорировать юридические акты аффилированных государству корпораций по вопросам управления магистральными трубопроводами и сетями, и полномочия по даче согласия, отмене и оспариванию в судебном порядке юридических актов, совершенных аффилированными корпорациями в отсутствие у них полномочий. В частности, компетентные органы публичной власти могли бы подавать иски об оспаривании действительности сделок по правилам, установленным ст. 166, 168, 173.1 и 174 ГК РФ. Речь идет о договорах и иных сделках, по условиям которых передаются другим лицам права на объекты в составе магистрального трубопровода или системы магистральных трубопроводов.

Общий законодательный запрет разделения магистральных трубопроводов представляет собой «требования закона», т.е. императивную норму по смыслу ст. 168 ГК РФ. В части, касающейся регулирования сделок и обязательств, норма может считаться императивной, даже если не содержит явно выраженный запрет на те или иные сделки или условия. Предписывающий (запрещающий) характер может вытекать из целей законодательного регулирования и имеет место в таких случаях, когда: это необходимо

для защиты особо значимых законных интересов (интересов слабой стороны договора, третьих лиц, публичных интересов и т. д.), или недопущения грубого нарушения баланса интересов сторон либо отвечает существу данного правоотношения (абз. 1 п. 3 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 марта 2014 г. № 16 [28]). В связи с тем, что норма, запрещающая раздел магистральных трубопроводов и их сетей, охраняет именно публичные интересы, сделка, которая нарушает данный запрет, презюмируется ничтожной по п. 2 ст. 168 ГК РФ.

Компетентные органы государственной власти способны иметь активную легитимацию по искам об оспаривании действительности сделок, направленных на разделение магистральных трубопроводов, на правах третьих лиц, указанных в законе (абз. 1–3 п. 2 и п. 3 ст. 166 ГК РФ). Например, органы власти вправе подать иск в качестве лиц, которые действуют от имени участников корпораций, аффилированных государству (абз. 6 п. 1 ст. 65.2 ГК РФ). Кроме того, правом на иск о признании сделок ничтожными, а также на иск о применении последствий недействительности ничтожных сделок может предоставляться органам власти по смыслу закона – ввиду

явного наличия законного интереса и при условии, что законом не предусмотрены иные способы защиты этого интереса (см. абз. 2–3 п. 78, абз. 1 п. 84 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 [29]).

Основанием для признания судом спорных сделок недействительными по искам заинтересованных лиц (т.е. оспоримости сделок) может быть нарушение требований к получению согласия на их совершение. Правом давать согласие на сделку органы власти наделяются законом или уставом аффилированного лица. В случае, если согласие на совершение сделки не было получено вопреки закону, оспаривание действительности осуществляется по правилам ст. 173.1 ГК РФ, а при нарушении соответствующих положений устава должна применяться ст. 174 ГК РФ [30, с. 456, 479–480].

Соответственно, на основании права управления Россия в лице ее органов власти полномочна реализовать подразумеваемое общее правило, запрещающее распоряжение в форме отчуждения или передачи управления такими объектами, которые считаются составными элементами магистрального трубопровода или системы магистральных трубопроводов.

Пристатейный библиографический список

1. Постановление Правительства РФ от 21 декабря 2009 г. № 1039 «О порядке подключения нефтеперерабатывающих заводов к магистральным нефтепроводам и (или) нефтепродуктопроводам и учета нефтеперерабатывающих заводов в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2009. № 52. Ст. 6569.
2. Свод правил СП 36.13330.2012 Магистральные трубопроводы. Актуализированная редакция СНиП 2.05.06-85*. М.: Госстрой; ФАУ «ФЦС», 2013.
3. Федеральный закон от 31 марта 1999 г. № 69-ФЗ «О газоснабжении в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1999. № 14. Ст. 1667.
4. Белов В. А. Имущественные комплексы: очерк теории и опыт догматической конструкции по российскому гражданскому праву. М.: Центр ЮрИнфоР, 2004.
5. Федеральный закон от 21 июля 2011 г. № 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» // СЗ РФ. 2011. № 30 (ч. 1). Ст. 4604.
6. Хофельд У. Н. Некоторые основные юридические понятия в приложении к судебной аргументации // Основные юридические понятия Уэсли Н. Хофельда / сост. и пер. с англ. А. А. Гайдамакина; под науч. ред. М. В. Антонова. СПб.: Алеф-Пресс, 2016.
7. Ульянов А. В. Охраняемые законом интересы в гражданском праве: монография. М.: Юрлитинформ, 2019.
8. Лалетина А. С. ОПЕК. Газ. Трубопроводы. Право: монография. М.: Проспект, 2019.
9. Лалетина А. С. Право собственности ОАО «Газпром» на объекты Единой системы газоснабжения // Проблемы экономики и юридической практики. 2011. № 4.
10. Суханов Е. А. Лекции о праве собственности. М.: Юрид. лит., 1991.
11. Федеральный закон от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире» // СЗ РФ. 1995. № 17. Ст. 1462.
12. Черепахин Б. Б. Первоначальные способы приобретения собственности по действующему праву / Черепахин Б. Б. Труды по гражданскому праву. М.: Статут, 2001.
13. Закон РФ от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 «О недрах» // СЗ РФ. 1995. № 10. Ст. 823.
14. Мозолин В. П. Модернизация права собственности в экономическом измерении // Журнал российского права. 2011. № 1.
15. Пятков Д. В. Перспективы вещного права: публичная собственность и единое право собственности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 4.

16. Указ Президента РФ от 4 августа 2004 г. № 1009 «Об утверждении Перечня стратегических предприятий и стратегических акционерных обществ» // СЗ РФ. 2004. № 32. Ст. 3313.
17. Приказ Минэнерго России от 5 октября 1995 г. № 208 «О введении в действие Положения о приеме и движении нефти в системе магистральных нефтепроводов» // СПС «Кодекс».
18. Постановление Правительства РФ от 29 марта 2011 г. № 218 «Об обеспечении недискриминационного доступа к услугам субъектов естественных монополий по транспортировке нефти (нефтепродуктов) по магистральным трубопроводам в Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 14. Ст. 1943.
19. Постановление Правительства РФ от 5 февраля 1998 г. № 162 «Об утверждении Правил поставки газа в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 6. Ст. 770.
20. Постановление Правительства РФ от 14 июля 1997 г. № 858 «Об обеспечении доступа независимых организаций к газотранспортной системе открытого акционерного общества «Газпром»» // СЗ РФ. 1997. № 29. Ст. 3525.
21. Официальный отзыв Правительства РФ от 27 июля 2007 г. № 3137п-П9 на проект федерального закона № 99045329-2 «О магистральном трубопроводном транспорте» // Система обеспечения законодательной деятельности : сайт. URL: <http://sozd.duma.gov.ru/download/2B6F4B18-993E-432E-970B-9DDA60CF8CAB> (дата обращения: 30.11.2020).
22. *Корепанов К. В.* Правовое регулирование транспортировки нефти и газа по магистральным трубопроводам : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.
23. *Васьковский Е. В.* Очерк методологии цивилистической догматики / *Васьковский Е. В.* Избранные работы польского периода. М. : Статут, 2016.
24. Конституции зарубежных государств : Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский союз, Соединенные Штаты Америки, Япония, Индия : учебное пособие / [сост., сб., пер., авт. введ. и вступит. ст. В. В. Маклаков]. М. : Волтерс Клувер, 2007.
25. *Уолдрон Дж.* Верховенство права и мера собственности / пер. с англ. С. Моисеева. М. : Изд-во Института Гайдара, 2020.
26. Проблемы общей теории права и государства : учебник для вузов / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. М. : НОРМА, 2006.
27. *Лукасян Р. Е.* Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве / *Лукасян Р. Е.* Избранные труды по гражданскому процессу. М. : Проспект, 2009. С. 12–177.
28. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах» // Вестник ВАС РФ. 2014. № 5.
29. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2015. 30 июн. № 140.
30. Сделки, представительство, исковая давность : постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : Статут, 2018.

References

1. Resolution of the Government of the Russian Federation of 21 December 2009 No. 1039 “On the Procedure of Connection of Oil Refineries to Main Oil Pipelines and (or) Oil Product Pipelines and Accounting of Oil Refineries in the Russian Federation”. *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2009. No. 52. Art. 6569.
2. Code of Practice 36.13330.2012 Main Pipelines. Revised edition of Building rules and regulations 2.05.06-85*. Moscow: Gosstroj; FAU “FCS”, 2013.
3. Federal Law of 31 March 1999 No. 69-FZ “On Gas Supply in the Russian Federation”. *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 1999. No. 14. Art. 1667.
4. *Belov V. A.* Property Complexes: Essays on Theory and Practice of Legal Work Under Russian Civil Law. Moscow: TsentrlurInfoR, 2004.
5. Federal Law of 21 July 2011 No. 256-FZ “On the Safety of Fuel and Energy Facilities”. *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2011. No. 30 (Part 1). Art. 4604.
6. *Hohfeld W. N.* Some Fundamental Legal Conceptions as Applied in Legal Reasoning. In *Gaidamakin A. A. (comp.); Antonov M. V. (ed.)*. Fundamental Legal Conceptions by Wesley N. Hohfeld. Saint Petersburg: Alef-Press, 2016.
7. *Ulianov A. V.* Legally Protected Interests Under Civil Law: Monograph. Moscow: lurlitinform, 2019.
8. *Laletina A. S.* OPEC. Gas. Pipelines. Law: Monograph. Moscow: Prospekt, 2019.

9. *Laletina A. S.* OAO "Gazprom" Ownership of the Unified Gas Supply System Facilities. *Economic Problems and Legal Practice*. 2011. No. 4.
10. *Sukhanov E. A.* Lectures on Ownership. Moscow: Iuridicheskaia literatura, 1991.
11. Federal Law of 24 April 1995 No. 52-FZ "On Animal World". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 1995. No. 17. Art. 1462.
12. *Cherepakhin B. B.* Original Acquisition of Property Under Law in Force. In *Cherepakhin B. B. Works on Civil Law*. Moscow: Statut, 2001.
13. Law of the Russian Federation of 21 February 1992 No. 2395-I "On Subsoil". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 1995. No. 10. Art. 823.
14. *Mozolin V. P.* Modernization of Right of Property in Economic Dimension. *Journal of Russian Law*. 2011. No. 1.
15. *Piatkov D. V.* Prospect of Real Rights: Public Property vs. Unified Property Right. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2017. No. 4.
16. Decree of the President of the Russian Federation of 4 August 2004 No. 1009 "On Approval of the List of Strategic Enterprises and Strategic Joint-Stock Companies". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2004. No. 32. Art. 3313.
17. Order of the Ministry of Fuel and Energy of the Russian Federation of 5 October 1995 No. 208 "On Bringing into Force of Rules on Oil Intake and Pumping in the Main Pipeline System" (SPS «Kodeks»).
18. Resolution of the Government of the Russian Federation of 29 March 2011 No. 218 "On Provision of Non-discriminatory Access to Natural Monopoly Entities' Services for Oil (Oil Product) Transportation by Main Pipelines in the Russian Federation and on the Annulment of Certain Acts of the Government of the Russian Federation". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2011. No. 14. Art. 1943.
19. Resolution of the Government of the Russian Federation of 5 February 1998 No. 162 "On Approval of the Regulations on Gas Delivery in the Russian Federation". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 1998. No. 6. Art. 770.
20. Resolution of the Government of the Russian Federation of 14 July 1997 No. 858 "On Provision of Access for Independent Organizations to OAO 'Gazprom' Gas Transportation System". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 1997. No. 29. Art. 3525.
21. Official Opinion of the Government of the Russian Federation of 27 July 2007 No. 3137p-P9 on the Draft Federal Law No. 99045329-2 "On Main Pipeline Transport". URL: <http://sozd.duma.gov.ru/download/2B6F4B18-993E-432E-970B-9DDA60CF8CAB> (date of the application: 30.11.2020).
22. *Korepanov K. V.* Legal Regulation of Oil and Gas Transportation by Main Pipelines: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2016.
23. *Vaskovskii E. V.* Essay on Civil Law Science Method. In *Vaskovskii E. V. Selected Works of the Polish Period*. Moscow: Statut, 2016.
24. *Maklakov V. V. (comp.)*. Constitutions of Foreign States: The Great Britain, France, Germany, Italy, the European Union, the United States of America, Japan, India. Moscow: Wolters Kluwer, 2007.
25. *Waldron J.; Moiseev S. (trans.)*. The Rule of Law and the Measure of Property. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2020.
26. *Nersesiants V. S.* Problems of the General Law and State Theory. Moscow: Norma, 2006.
27. *Gukasian R. E.* The Problem of Interest in Soviet Civil Procedural Law. In *Gukasian R. E. Selected Works on Civil Procedure*. Moscow: Prospekt, 2009.
28. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation of 14 March 2014 No. 16 "On Contractual Freedom and its Limits". *Herald of the Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation*. 2014. No. 5.
29. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23 June 2015 No. 25 "On Application by Courts of Certain Provisions of the Section I of the Part One of the Civil Code of the Russian Federation". *Rossiiskaia Gazeta*. 30 June 2015. No. 140.
30. *Karapetov A. G. (ed.)*. Transactions, Representation, Limitations: Item-by-Item Commentary on Articles 153–208 of the Civil Code of the Russian Federation. Moscow: Statut, 2018.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВЕ ИНТЕРЕСОВ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА В СОВРЕМЕННОЙ ПРАКТИКЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ СПОРОВ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-4-67-71>

Актуальность статьи обусловлена изменениями в систему исполнительного производства, связанными с внедрением электронно-информационных средств при работе с взыскателями и должниками. При этом большое значение такая система имеет в предпринимательской сфере, где юридические лица, пользуясь услугами представителей, могут более эффективно получить необходимую информацию и реализовать свои права в соответствии с измененными законодательными актами. Предметом настоящей работы являются нормативные правовые акты, регулирующие вопросы представительства интересов предпринимателей в новых условиях. Цель исследования заключается в выявлении изменений в сфере регулирования правоотношений между сторонами исполнительного производства, в том числе при участии представителей, при реализации суперсервиса «Цифровое исполнительное производство». Автором исследуются вопросы правового регулирования представительства в исполнительном производстве с участием юридических лиц, правового обеспечения полномочий представителя и актуальные нововведения относительно оформления доверенности через электронную систему идентификации и аутентификации. Сделан вывод о том, что развитие суперсервиса «Цифровое исполнительное производство» является существенным шагом в повышении эффективности системы принудительного исполнения судебных решений, вынесенных в пользу предпринимателей, который не только позволит отказаться от оформления бумажной доверенности соответствующим представителям, но и повысит удобство и скорость обращения к судебным приставам-исполнителям, а также уменьшит риски злоупотреблений в процессе исполнительного производства, что существенным образом повлияет на всю практику предпринимательских споров и защиту прав субъектов предпринимательства.

БАНДУРИНА
Наталья Владимировна

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры гражданского
и предпринимательского права
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России)

nbandurina@yandex.ru

**Представительство;
исполнительное производство;
юридическое лицо;
взыскатель;
судебное решение;
полномочия;
электронная цифровая подпись;
доверенность**

Natalia V. BANDURINA

Doctor of Legal Sciences, Associate
Professor, Professor, Department
of Civil and Business Law, All-Russian
State University of Justice (Moscow)

nbandurina@yandex.ru

LEGAL ASPECTS OF DIGITALIZATION WHEN REPRESENTING THE INTERESTS OF A LEGAL ENTITY IN THE MODERN PRACTICE OF ENTREPRENEURIAL DISPUTES

The relevance of the article is due to changes in the enforcement system related to the introduction of electronic information tools when working with collectors and debtors. At the same time, such a system is of great importance in the entrepreneurial sphere, where legal entities, using the services of representatives, can more effectively obtain the necessary information and realize their rights in accordance with amended legislative acts. The subject of this work is normative legal acts governing the representation of the interests of entrepreneurs in the new conditions. The aim of the study is to identify changes in the

**Representation;
enforcement proceedings;
legal entity;
grantor;
court decision;
powers;**

**electronic digital signature;
power of attorney**

field of regulation of legal relations between the parties to enforcement proceedings, including with the participation of representatives, in the implementation of the superservice «Digital Enforcement Proceedings». The author examines the issues of legal regulation of representation in enforcement proceedings with the participation of legal entities, legal support for the powers of the representative, and current innovations regarding the execution of power of attorney through an electronic identification and authentication system. It was concluded that the development of the superservice "Digital Enforcement Proceedings" is a significant step in improving the effectiveness of the system of enforcement of court decisions, made in favor of entrepreneurs, which will not only refuse to issue a paper power of attorney to the relevant representatives, but also increase the convenience and speed of contacting bailiffs, and reduce the risks of abuse in enforcement proceedings, which will significantly affect all business dispute practices and the protection of the rights of business entities.

В современной российской действительности не возникает никакого удивления от применения различных средств цифровизации практически во всех сферах экономики, государственного управления и системы обеспечения функций государства.

Нормативной правовой основой цифровизации в настоящее время является ряд документов, который определяет направления, меры по реализации и конкретные действия по выполнению задач государственных органов в сфере формирования национальной цифровой экономики и стратегических приоритетов. К таким актам относятся Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации, Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, документация по реализации Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» и т.д.

Во исполнение указанных и иных стратегических документов разработаны проекты федеральных законов и подзаконных актов, позволивших бы решить поставленные стратегические задачи во всех сферах государственного устройства.

Исполнительное производство, будучи одной из значимых стадий гражданского и арбитражного процессов, на которой происходит регулирование отношений по принудительному исполнению судебных актов, по мнению законодателя, также нуждается в реформировании, исходя из поставленных задач по созданию эффективного функционирования системы органов исполнительной власти РФ.

Как указывают отдельные авторы, принудительное исполнение судебных актов определяет необходимость решения целого ряда организационных вопросов, наличие специально подготовленных для этих целей профессионалов, наделенных для этого необходимыми полномочиями. Суды в этой системе не устраняются от решения вопросов обеспече-

ния исполнения вынесенных ими актов, в том числе и принудительно, но содействуют исполнению присущими им полномочиями [1, с. 212].

Необходимо отметить, что одной из мировых тенденций развития системы принудительного исполнения является применения информационных технологий и дистанционного формата реализации права взыскателя на исполнение судебного акта и исполнительного производства в целом. Поэтому неудивительно, что всеобщая цифровизация государственного управления коснулась и исполнительного производства.

Как указывают Д. Х. Валеев, А. Г. Нуриев, в условиях цифровой экономики реализация права на исполнение судебного решения в рамках «цифрового исполнительного производства» становится более прозрачной и должна способствовать укреплению доверия со стороны информационного общества к органам, осуществляющим исполнение судебных решений, в частности и к государству в целом [2, с. 16–20].

Для реализации поставленной задачи Минюстом России был разработан законопроект, который предусматривает полный перевод исполнительного производства на систему электронного документооборота за счет создания суперсервиса «Цифровое исполнительное производство». Разработка проекта федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях цифровой трансформации принудительного исполнения исполнительных документов» позволяет реализовать п. 1.1 соответствующей дорожной карты, утвержденной на заседании президиума Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности (протокол от 11 июля 2019 г. № 11).

В соответствии с документами, представленными в Государственную Думу ФС РФ, такой суперсервис

должен позволить пользователям портала «Госуслуги» получать различные сведения о ходе и процедурах исполнительного производства в электронном виде.

Директором Федеральной службы судебных приставов Д. В. Аристовым неоднократно отмечалось, что создание суперсервиса «Цифровое исполнительное производство» позволит внедрить реестровую модель принудительного исполнения и взыскивать долги по большей части в режиме онлайн [3]. В соответствии с законопроектом Федеральная служба судебных приставов наделяется полномочиями запрашивать с помощью государственных информационных систем необходимые сведения, в том числе персональные данные должника и взыскателя, выносить постановления и принимать решения в автоматическом режиме в ходе исполнительного производства, а также получать сторонами исполнительного производства необходимую информацию и документы через портал «Госуслуги». При этом сервис получения сведений в дистанционном режиме через личные кабинеты на едином портале уже используется физическими и юридическими лицами, участвующими в исполнительном производстве с 1 сентября 2020 г., причем без каких-либо дополнительных действий или запросов от заинтересованных субъектов.

Одними из интересных вопросов, которые после принятия законопроекта будут регулироваться отличным от существующего образом, являются вопросы оформления представительства в исполнительном производстве.

Положения о представительстве в материальном праве отражены прежде всего в ст. 182 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), которая не содержит самого понятия «представительство», но дает понимание через эффект, который оно порождает: сделка, совершенная одним лицом (представителем) от имени другого лица (представляемого), непосредственно создает, изменяет и прекращает гражданские права и обязанности представляемого [4, с. 42].

Сущность представительства заключается в совершении юридических действий в пользу заинтересованного лица, при этом правовые связи возникают у сторон сделок, опосредующих данный правовой институт.

Представительство всегда основывается на полномочии и существует в рамках имеющихся у представителя полномочий. Это означает, что действия представителя создают, изменяют или прекращают права и обязанности представляемого лишь тогда, когда они совершаются в пределах предоставленных представителю полномочий [5].

В процессуальном праве, в частности, в Федеральном законе «Об исполнительном производстве» также не сформулировано определение представи-

тельства, однако, исходя из доктринальных выводов, представительство в процессуальной сфере можно представить как совершение одним лицом (представителем) от имени другого лица (представляемого) процессуальных действий в интересах последнего с целью создания, изменения, прекращения для последнего прав и обязанностей в рамках предоставленных полномочий [6, с. 318].

Представительство в исполнительном производстве обладает следующими чертами: 1) представитель выступает от имени и в интересах представляемого; 2) представитель осуществляет права и обязанности представляемого; 3) представитель порождает своими действиями правовые последствия для представляемого; 4) представитель действует в рамках предоставленных ему полномочий [6].

Федеральный закон «Об исполнительном производстве» содержит несколько норм о представительстве. В частности, речь идет о ст. 53–57, в которых указано, что участие юридического лица в качестве стороны исполнительного производства возможно:

– через законных представителей – органы и должностные лица, которые могут действовать в пределах своих полномочий, предоставленных им согласно нормативным правовым актам и учредительным документам;

– через договорных представителей – лица, действующие на основании доверенности.

Первая категория может быть представлена исполнительным органом организации, поскольку согласно ст. 53, 65.3 ГК РФ коллегиальный или единоличный исполнительный орган юридического лица выступает от его имени. При этом органы юридического лица не являются по сути самостоятельными субъектами, поскольку неразрывно связаны с судьбой самого предприятия, а их полномочия закреплены в уставе или ином документе, составленном в соответствии с законом.

В. В. Ярков указывает, что называть руководителей организаций представителями можно достаточно условно. Руководители организаций представляют интересы своих организаций, однако при этом являются не представителями в том смысле, как данный термин употребляется в ст. 53 Федерального закона «Об исполнительном производстве». Соответственно, у них, в отличие от представителей, определяемых в качестве таковых в соответствии с нормами ГК РФ, различный порядок подтверждения своего правового статуса и полномочий в исполнительном производстве [1, с. 184].

Для подтверждения представительства юридического лица его органами достаточно представить приказ о назначении на соответствующую должность или протокол об избрании лица в качестве единоличного исполнительного органа, при условии наличия

в процессуальном деле устава организации, отражающего структуру и состав органов управления участника процесса.

Договорными представителями могут быть как работники представляемого юридического лица, так и аутсорсинговые юристы и адвокаты, осуществляющие такие функции в соответствии с юридически оформленными документами (доверенностью, трудовым договором при условии представления интересов работниками юридического лица, договором возмездного оказания услуг, агентским договором, договором поручения и т.д., если представительство осуществляют сторонние лица).

Вне зависимости от характера представительства взыскателем является юридическое лицо, которое выступает в исполнительном производстве в качестве стороны. Представителю взыскателя – юридического лица принадлежат полномочия по совершению различных юридических действий в рамках тех полномочий, которые определены в Федеральном законе «Об исполнительном производстве» и выданных документах для их реализации.

Таким образом, характер и порядок действия представителя зависят от того, какова правосубъектность доверителя – юридического лица в исполнительном производстве и какими полномочиями он наделяет лицо, представляющее его интересы в соответствующем процессе.

Согласно ст. 50 Федерального закона «Об исполнительном производстве» представитель взыскателя – юридического лица приобретает общие правомочия по ознакомлению с материалами исполнительного производства, снятию копий, представлению дополнительных материалов, заявлению ходатайств, участию в исполнительных действиях и т.д.

В то же время п. 2 ст. 57 указанного Закона позволяет закрепить в доверенности или ином документе, выданном представителю, ряд специальных правомочий, связанных с предъявлением и отзывом исполнительных документов, передачей полномочий другому лицу в порядке передоверия, обжалованием постановлений и действий (бездействия) судебного пристава-исполнителя, получением присужденного имущества, отказом от взысканий по исполнитель-

ному документу, заключением мирового соглашения и др.

В законопроекте № 1144920-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях цифровой трансформации принудительного исполнения исполнительных документов» вопросам регулирования представления интересов взыскателя – юридического лица уделено особое внимание.

Так, в соответствии с предложенными изменениями полномочия представителей юридических лиц могут оформляться в электронном виде за счет применения соответствующих механизмов Единой системы идентификации и аутентификации. Такие документы, предусматривающие закрепление полномочий представителей, должны подписываться усиленной квалифицированной электронной подписью руководителя организации или иного лица, уполномоченного на это.

При этом судебный пристав-исполнитель получает возможность проверять полномочия представителей юридических лиц, используя единую систему межведомственного электронного взаимодействия через Единую систему идентификации и аутентификации.

Как было указано выше, внедрение некоторых функций суперсервиса «Цифровое исполнительное производство» произведено уже с 1 сентября 2020 г. К таким новшествам относится и возможность делегирования полномочий через портал «Госуслуги». При этом сотрудники взыскателя – юридического лица получают право реализовывать общие и специальные полномочия в пользу доверителя на основании выданной электронной доверенности, удостоверяющей электронную цифровую подписью.

Полагаем, что развитие суперсервиса «Цифровое исполнительное производство» является существенным шагом в повышении эффективности системы принудительного исполнения судебных решений, который не только позволит отказаться от оформления бумажной доверенности соответствующим представителям, но и повысит удобство и скорость обращения к судебным приставам-исполнителям, а также уменьшит риски злоупотреблений в процессе исполнительного производства.

Пристатейный библиографический список

1. Исполнительное производство : учебник / под общ. ред. В. В. Яркова. М. : Статут, 2020.
2. Валеев Д. Х., Нуриев А. Г. Влияние цифровых технологий на реализацию социальных функций государства в контексте обеспечения права на исполнение судебного решения // Российский судья. 2020. № 3.
3. Дмитрий Аристов : проверить себя по спискам невыездных можно через портал госуслуг // Ассоциация юристов России : сайт. URL: <https://alrf.ru/news/dmitriy-aristov-proverit-sebya-po-spiskam-nevyezdnukh-mozhno-cherez-portal-gosuslug/> (дата обращения: 21.04.2021).

4. Сделки, представительство, исковая давность : постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : Статут, 2018.
5. Гришаев С. П., Богачева Т. В., Свит Ю. П. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая // СПС «КонсультантПлюс». 2019.
6. Комментарий к Федеральному закону «Об исполнительном производстве» / отв. ред. И. В. Решетникова. М. : Статут, 2018.

References

1. *Iarkov V. V. (ed.)*. Enforcement Proceedings: Textbook. M.: Statut, 2020.
2. *Valeev D. Kh., Nuriev A. G.* The Influence of Digital Technologies on the Implementation of the Social Functions of the State in the Context of Ensuring the Right to Execute a Court Decision. *Russian Judge*. 2020. No. 3.
3. Dmitry Aristov: You Can Check Yourself on Travel Lists Through the Public Services Portal. URL: <https://alrf.ru/news/dmitriy-aristov-proverit-sebya-po-spiskam-nyevyezdykh-mozhno-cherez-portal-gosuslug/> (date of application: 21.04.2021).
4. *Karapetov A. G. (ed.)*. Transactions, Representation, Limitations: Item-by-Item Commentary on Articles 153–208 of the Civil Code of the Russian Federation. Moscow: Statut, 2018.
5. *Grishaev S. P., Bogacheva T. V., Svit Iu. P.* Item-by-Item Commentary on the Civil Code of the Russian Federation. Part One (SPS “ConsultantPlus”. 2019).
6. *Reshetnikova I. V. (ed.)*. Commentary on the Federal Law “On Enforcement Proceedings”. M.: Statut, 2018.

ЖИЗНЬ, ЗДОРОВЬЕ И ЛИЧНАЯ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ КАК ОБЪЕКТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-4-72-76>

В настоящей статье жизнь, здоровье и личная неприкосновенность рассматриваются с точки зрения гражданско-правового регулирования. Делается вывод о том, что в условиях глобализации, постоянного развития общества, науки и техники в сферу гражданско-правовых отношений ежегодно попадают новые объекты, которые не всегда укладываются в конструкцию ст. 128 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ). Поэтому достижения биомедицины, трансплантации, репродуктивных технологий закономерно приводят к расширению круга объектов гражданских прав за счет появления в гражданском обороте биологических материалов, органов и тканей человека. В качестве предмета исследования выступает комплекс проблем, связанных с определением жизни, здоровья и личной неприкосновенности в системе объектов гражданских прав. Цель исследования – обоснование принципиальной возможности отнесения жизни, здоровья и личной неприкосновенности человека к объектам гражданских прав, раскрытие их существенных признаков и определение их места в системе объектов гражданских прав, выработка практических рекомендаций по устранению противоречий и пробелов в гражданском законодательстве, регулирующем данные отношения. В работе применялись общенаучные (диалектический, системно-структурный, логический, анализ) и частнонаучные (формально-юридический, межотраслевой) методы познания. В результате проведенного исследования рассмотрены следующие вопросы: может ли гражданин своей волей ограничить свое право на здоровье путем использования и передачи своего органа (его части) или ткани для целей трансплантации другому лицу, осознавая, что это может привести к негативным последствиям вплоть до летального исхода; не является ли трансплантация в таком случае ограничением права на жизнь, поименованного не только как нематериальное благо в значении ГК РФ, но и как конституционное право каждого на жизнь (ст. 20 Конституции РФ), на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41 Конституции РФ); не является ли государственно установленная презумпция согласия на изъятие органов и тканей умершего человека (ст. 8 Закона о трансплантации) нарушением ст. 23 Конституции РФ и основанием для применения гражданско-правовой защиты нарушенного нематериального блага на честь, достоинство (абз. 2 п. 1 ст. 152 ГК РФ) и неприкосновенность частной жизни? Кроме того, сделан вывод о том, что такие нематериальные блага, как жизнь, здоровье и личная неприкосновенность, подлежат правовой охране со стороны государства, в том числе от посягательств третьих лиц, также лицо имеет возможность распорядиться принадлежащим ему субъективным правом на здоровье и личную (физическую) неприкосновенность посредством дачи согласий на прижизненное изъятие органов и тканей, совершения донорства крови или репродуктивных тканей или дачи распоряжений на случай смерти. Основные результаты исследования и область их применения: в работе обосновывается возможность самостоятельного распоряжения принадлежащими человеку субъективными правами на жизнь, здоровье и личную (физическую) неприкосновенность посредством дачи согласий на прижизненное изъятие органов и тканей, совершения донорства крови или репродуктивных тканей или дачи распоряжений на случай смерти. Делается вывод о необходимости обобщения теоретического и практического опыта с целью дальнейшего совершенствования регулятивного и охранительного гражданского законодательства в сфере личных прав и свобод граждан, вопросов регулирования и защиты нематериальных благ. В результате проведенного исследования автор заключает, что такие нематериальные блага, как жизнь, здоровье и личная неприкосновенность, относятся к объектам гражданских прав, они неотчуждаемы и непередаваемы иным способом. Они защищаются государством от любых посягательств. Лицам принадлежат субъективные права на нематериальные блага, т.е. юридически гарантированные меры личной свободы по реализации возможностей, заложенных в правовой норме. Правовой охране подлежат не само нематериальное благо (жизнь, здоровье, неприкосновенность частной жизни и т.п.), а предусмотренная законом возможность лица, которому это благо принадлежит, свободно и автономно им распоряжаться и возможность соблюдения его неприкосновенности и целостности от третьих лиц.

КАМЕНЕВА

Зоряна Викторовна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского
и предпринимательского права
Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА
Минюста России) (г. Москва)
kamenewa_z@mail.ru

**Жизнь;
здоровье;
личная неприкосновенность;
биоматериал человека;
объекты гражданских прав**

Zoriana V. KAMENEVA

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Department of
Civil and Business Law, All-Russian
State University of Justice (Moscow)

kameneva_z@mail.ru

**Life;
health;
personal integrity;
human biomaterial;
objects of civil rights**

LIFE, HEALTH AND PERSONAL INTEGRITY AS OBJECTS OF CIVIL RIGHTS

Life, health and personal integrity are considered from the point of view of civil law regulation. It is concluded that in the conditions of globalization, the constant development of society, science and technology, new objects that do not always fit into the construction of Article 128 of the Civil Code of the Russian Federation fall into the sphere of civil law relations every year. Therefore, the achievements of biomedicine, transplantation, reproductive technologies naturally lead to an expansion of the range of objects of civil rights due to the appearance of biological materials, human organs and tissues in civil circulation. The subject of the study is a set of problems related to the definition of life, health and personal integrity in the system of objects of civil rights. Goal – substantiation of the fundamental possibility of attributing a person's life, health and personal inviolability to objects of civil rights, disclosure of their essential features and determination of their place in the system of objects of civil rights, development of practical recommendations to eliminate contradictions and gaps in civil legislation regulating these relations. General scientific methods (dialectical, system-structural, logical, analysis) and private scientific (formal-legal, intersectoral) methods of cognition were used in the work. The main content and novelty of the article: as a result of the conducted research, the questions are considered: can a citizen limit his right to health by his will, by using and transferring his organ (part of it) or tissue for transplantation purposes to another person, realizing that this can lead to negative consequences, flesh to death. Is not transplantation in this case a restriction of the right to life, named not only as an intangible good in the meaning of the Civil Code of the Russian Federation, but also as the constitutional right of everyone to life (Article 20 of the Constitution of the Russian Federation), for health protection and medical care (Article 41 of the Constitution of the Russian Federation). Is the state-established presumption of consent to the removal of organs and tissues from a deceased person (Article 8 of the Law on Transplantation) a violation of Article 23 of the Constitution of the Russian Federation and the basis for the application of civil protection of the violated intangible good for honor, dignity (clause 2, paragraph 1, Article 152 of the Civil Code of the Russian Federation) and privacy. It is concluded that such intangible benefits as life, health and personal inviolability are subject to legal protection by the state, including from encroachments by third parties, and a person also has the opportunity to dispose of their subjective right to health and personal (physical inviolability) by giving consent to the lifetime removal of organs and tissues, blood donation or reproductive tissues, or giving orders in case of death. The paper substantiates the possibility of independently disposing of subjective rights to life, health and personal (physical) inviolability belonging to a person by giving consent to the removal of organs and tissues during life, blood donation or reproductive tissues, or giving orders in case of death. It is concluded that it is necessary to generalize theoretical and practical experience in order to further improve regulatory and protective civil legislation in the field of personal rights and freedoms of citizens, regulation and protection of intangible benefits. It is concluded that such intangible benefits as life, health and personal integrity belong to the objects of civil rights, they are inalienable and non-transferable in another way. They are protected by the state from any encroachments. Individuals have subjective rights to intangible benefits, that is, legally guaranteed measures of personal freedom to realize the opportunities inherent in the legal norm. It is not the intangible good itself (life, health, privacy, etc.) that is subject to legal protection, but the opportunity provided by law for the person to whom this good belongs to freely and autonomously dispose of it and the possibility of observing its inviolability and integrity from third parties.

Согласно ст. 128 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) [1] законодателем к объектам гражданских прав отнесены вещи, иное имущество, результаты работ и оказания услуг, охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации и нематериальные блага.

Указанная статья ГК РФ сконструирована таким образом, что перечень объектов гражданских прав можно считать закрытым. Следовательно, гражданские правоотношения должны возникать между субъектами только по поводу этих объектов. В то же время, анализируя нормы закона, можно установить, что

гражданско-правовые отношения могут возникать по поводу объектов, прямо не поименованных ст. 128 ГК РФ, в частности по поводу «товаров». Заметим, что легального определения такой правовой конструкции, как «товар», в законе нет. Товаром могут быть вещи (ст. 454 ГК РФ), деловые связи, навыки и умения, профессиональные и иные знания (ст. 1042 ГК РФ), работы и услуги и т.д.

Также в условиях глобализации, постоянного развития общества, науки и техники в сферу гражданско-правовых отношений ежегодно попадают новые объекты, которые не всегда укладываются в конструкцию

ст. 128 ГК РФ, например, сейчас мы вполне можем купить информационные данные, собственную звезду или даже виртуального кота [2].

Поэтому достижения биомедицины, трансплантации, репродуктивных технологий закономерно приводят к расширению круга объектов гражданских прав за счет появления в гражданском обороте биологических материалов, органов и тканей человека. Например, ни у кого не вызывает удивления такой товар, свободно обращающийся на рынке, как волосы, являющийся биоматериалом человека.

Следовательно, даже если в ст. 128 ГК РФ прямо не поименованы биоматериалы, органы, части органов и ткани человека как объект гражданских прав, это вовсе не означает, что гражданско-правовое регулирование к ним неприменимо.

Вместе с тем к объектам гражданских прав отнесены нематериальные блага, анализ которых имеет особое значение для достижения цели и задач настоящего исследования. Нематериальным благам и способам их защиты посвящена гл. 8 ГК РФ, в частности ст. 150 ГК РФ определено, что жизнь человека, его здоровье, честь, достоинство и неприкосновенность частной жизни принадлежат каждому гражданину от рождения, они не могут быть отчуждены или переданы иным способом.

Закономерным в таком случае видится ряд вопросов: может ли гражданин своей волей ограничить свое право на здоровье путем использования и передачи своего органа (его части) или ткани для целей трансплантации другому лицу, осознавая, что это может привести к негативным последствиям вплоть до летального исхода; не является ли трансплантация в таком случае ограничением права на жизнь, поименованным не только как нематериальное благо в значении ГК РФ, но и как конституционное право каждого на жизнь (ст. 20 Конституции РФ [3]), на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41 Конституции РФ); не является ли государственно установленная презумпция согласия на изъятие органов и тканей у умершего человека (ст. 8 Закона о трансплантации [4]) нарушением ст. 23 Конституции РФ и основанием для применения гражданско-правовой защиты нарушенного нематериального блага на честь, достоинство (абз. 2 п. 1 ст. 152 ГК РФ) и неприкосновенность частной жизни? Данные и иные вопросы мы постараемся разрешить в рамках настоящего исследования.

Рассмотрим личную неприкосновенность как одно из нематериальных благ, предусмотренное ГК РФ. В силу своего установления в законе личная неприкосновенность реализуется как субъективное неимущественное право лица, выражающееся в возможности предотвращать любые посягательства, способные нарушить физическую, психическую, эмоциональную, духовную или нравственную целостность личности своими действиями и путем обращения за государственной защитой. В частности, медицинские манипуля-

ции и вмешательства могут причинить не только вред здоровью человека, но и вред физической (психической) неприкосновенности человека [5, с. 60–64].

При оценке содержания права на физическую неприкосновенность в теории, в частности, С. С. Шевчуком выделяется правомочие лица самостоятельно пользоваться и распоряжаться своим телом, а также отдельными его органами и тканями [6, с. 26]. Данный тезис нельзя назвать однозначным, пределы «распоряжения своим телом» будут раскрыты нами в рамках анализа прижизненного и посмертного донорства, а также подходов к правовому статусу человеческого тела, органов и тканей.

Отметим, что, несмотря на то, что правоспособность в гражданско-правовом понимании (ст. 17 ГК РФ) утрачивается лицом после смерти, физическая неприкосновенностью сохраняется, на что указывает Конституционный Суд РФ (далее – КС РФ) [7]: физическая неприкосновенность создает необходимые предпосылки для правовой охраны тела умершего человека, охватывая не только прижизненное его состояние. То есть с утратой правоспособности тело человека не становится объектом права.

Также Верховный суд Германии признает, что законом защищается такое личное нематериальное благо умершего, как право на уважительное отношение его личности. При этом защите подлежит именно право умершего, а не права и интересы его родных, обратившихся с иском за защитой [8, с. 159].

Таким образом, незаконное изъятие биологических материалов, органов (их частей) и тканей человека является посягательством на неприкосновенность личности (физическую его целостность) и преследуется по закону. Действующими нормативно-правовыми актами создан механизм осуществления субъективного права лица на неприкосновенность своей личности, включающий нормы Закона о трансплантации, Закона о донорстве крови [9], Закона об основах охраны здоровья граждан [10] и другие нормативные правовые акты.

Наличие в законодательстве четко регламентированного порядка осуществления волеизъявления на вторжение в сферу физической неприкосновенности лица (например, посредством дачи согласия самим лицом или его законными представителями), по нашему мнению, является залогом реализации как субъективного гражданского права, так и конституционного права на личную неприкосновенность [11, с. 106]. Лицо должно обладать действенным механизмом для защиты, принадлежащего ему права.

Право на здоровье как нематериальное благо включает право лица самостоятельно, осознано и свободно принимать решение по поводу любого медицинского вмешательства, которому оно может быть подвергнуто, в том числе в вопросах репродуктивного здоровья [12].

Жизнь человека является неотъемлемым правом человека, его нематериальным благом, которое нахо-

дятся под охраной государства: ни одно лицо не может быть умышленно и незаконно лишено жизни, в том числе, государством. Вопрос о преждевременном уходе из жизни решается человеком самостоятельно, неудачные попытки самоубийства не преследуются по закону.

С правом на жизнь и здоровье тесно связана категория качества человеческой жизни, включающая различные аспекты: в частности, только лицо, выразившее свое согласие на прижизненное донорство, может оценить изменение качества своей жизни при ухудшении общего состояния своего здоровья, но сохранении жизни родного, например своего, ребенка.

При этом для государства при оказании медицинской помощи и охране жизни не должен иметь значение возраст человека: подходит жизнь человека к концу или нет, так же как государство не вправе давать какие-либо оценки, касающиеся «качества» человеческой жизни [13, с. 112].

Таким образом, рассмотренные нами нематериальные блага относятся к объектам гражданских прав, они неотчуждаемы и непередаваемы иным способом. Они защищаются государством от любых посягательств. Лицам принадлежат субъективные права на нематериальные блага, т.е. юридически гарантированные меры личной свободы по реализации возможностей, заложенных в правовой норме.

Субъективные нематериальные права принадлежат конкретной личности, они нематериальны и абсолютны и включают следующую триаду прав: правомочие на собственные действия, правомочие требования и правомочие на защиту. Однако в некоторых случаях можно говорить о наличии только двух правомочий: на требование и на защиту, по нашему мнению, это применимо к праву на жизнь [14, с. 115].

Правовой охране подлежит не само нематериальное благо (жизнь, здоровье, неприкосновенность частной жизни и т.п.), а предусмотренная законом возможность лица, которому это благо принадлежит, свободно и автономно им распоряжаться и возможности соблюдения его неприкосновенности и целостности от третьих лиц.

Также КС РФ, рассматривая вопрос об изъятии органов (их частей) и тканей человека, отмечает обязанность законодателя обеспечить уважительное отношение со стороны любых третьих лиц к волеизъявлению лица по вопросам, касающимся его личной жизни, гарантируя его учет в том числе после смерти данного лица [15]. Также учитывая, что значимым элементом частной жизни являются родственные и семейные отношения, мнение родных должно подлежать учету, если волеизъявление лица осталось не выяснено.

Получается, что такие нематериальные блага, как жизнь, здоровье и личная неприкосновенность, подлежат правовой охране со стороны государства, в том числе от посягательств третьих лиц, также лицо имеет возможность распоряжаться принадлежащим ему субъективным правом на здоровье и личную (физическую) неприкосновенность посредством дачи согласий на прижизненное изъятие органов и тканей, совершения донорства крови или репродуктивных тканей или дачи распоряжений на случай смерти. Правовую природу и порядок осуществления таких волеизъявлений мы разберем подробнее при изучении прижизненного и посмертного донорства.

Отметим, что споры о правовой природе органов и тканей человека, возможности их возмездного отчуждения, их статусе после отделения от тела человека пока не привели к выработке единой доктринальной позиции по указанным вопросам, что, по нашему мнению, потребует выявления их правового режима посредством системного анализа законодательства и практики его применения.

В связи с развитием науки и медицины вовлечение биологических материалов в гражданский оборот неизбежно. Главным на сегодняшний день является утверждение и совершенствование правового регулирования для обеспечения баланса между интересами конкретного человека, общества и государства; законодательство должно соответствовать основам морали и нравственности и реалиям современной жизни.

Пристатейный библиографический список

1. Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Люди тратят миллионы долларов на рисованных котиков в блокчейне // Meduza : сайт. URL: <https://meduza.io/shapito/2017/12/04/lyudi-tratyat-milliony-dollarov-na-risovannyh-kotikov-v-blokcheyne-cto> (дата обращения: 12.08.2021).
3. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 1994. № 1. Ст. 1.
4. Закон РФ от 22 декабря 1992 № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 2. Ст. 62.
5. *Каменева З. В.* Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный жизни и здоровью медицинскими услугами ненадлежащего качества // Адвокат. 2015. № 12.
6. *Шевчук С. С.* Личные неимущественные права граждан в сфере медицинских услуг по гражданскому законодательству России : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Ростов н/Д, 2005.

7. Определение Конституционного Суда РФ от 4 декабря 2003 г. № 459-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Саратовского областного суда о проверке конституционности статьи 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека»» // СПС «КонсультантПлюс».
8. *Останина Е. А.* Право на свое тело : распоряжения в отношении органов, тканей, клеток и эмбрионов с позиций гражданского права // Вестник экономического правосудия РФ. 2019. № 8.
9. Федеральный закон от 20 июля 2012 г. № 125-ФЗ «О донорстве крови и ее компонентов» // СЗ РФ. 2012. № 30. Ст. 4176.
10. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.
11. *Фаст И. А.* Гражданско-правовые проблемы обеспечения личной неприкосновенности // Законы России : опыт, анализ, практика. 2018. № 12.
12. Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 2 (2019) (подготовлен Верховным Судом РФ) // СПС «КонсультантПлюс».
13. *Лушникова А. И.* Право на эвтаназию : анализ судебной практики Великобритании и США // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 2.
14. *Ульбашев А. Х.* Общее учение о личных правах : монография. М. : Статут, 2019.
15. Определение Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2016 г. № 224-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Бирюковой Татьяны Михайловны, Саблиной Елены Владимировны и Саблиной Нэлли Степановны на нарушение их конституционных прав статьей 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека»» // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of 30 November 1994 No. 51-FZ. *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 1994. No. 32. Art. 3301.
2. People Spend Millions of Dollars on Painted Cats in the Blockchain. URL: <https://meduza.io/shapito/2017/12/04/lyudi-tratyat-milliony-dollarov-na-risovannyh-kotikov-v-blokcheyne-cto> (date of application: 12.08.2021).
3. Constitution of the Russian Federation (accepted by the all-Russian voting on 12 December 1993) (with amendments and additions). *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 1994. No. 1. Art. 1.
4. Law of the Russian Federation of 22 December 1992 No. 4180-I "On Transplantation of Human Organs and (or) Tissues". *Gazette of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Council of the Russian Federation*. 1993. No. 2. Art. 62.
5. *Kameneva Z. V.* Civil Liability for Harm Caused to Life and Health by Medical Services of Inadequate Quality. *Lawyer*. 2015. No. 12.
6. *Shevchuk S. S.* Personal Non-property Rights of Citizens in the Field of Medical Services Under the Civil Legislation of Russia: Synopsis of a Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences. Rostov-on-Don, 2005.
7. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of 4 December 2003 No. 459-O "On Refusal to Accept for Consideration the Request of the Saratov Regional Court to Verify the Constitutionality of Article 8 of the Law of the Russian Federation 'On Transplantation of Human Organs and (or) Tissues'" (SPS "ConsultantPlus").
8. *Ostanina E. A.* The Right to Your Body: Orders Regarding Organs, Tissues, Cells and Embryos from the Standpoint of Civil Law. *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. 2019. No. 8.
9. Federal Law of 20 July 2012 No. 125-FZ "On Blood Donation and its Components". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2012. No. 30. Art. 4176.
10. Federal Law of 21 November 2011 No. 323-FZ "On the Basics of Protecting the Health of Citizens in the Russian Federation". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2011. No. 48. Art. 6724.
11. *Fast I. A.* Civil and Legal Problems of Ensuring Personal Integrity. *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2018. No. 12.
12. Review of the Practice of Interstate Bodies for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms No. 2 (2019) (prepared by the Supreme Court of the Russian Federation) (SPS "ConsultantPlus").
13. *Lushnikova A. I.* The Right to Euthanasia: Analysis of the Judicial Practice of Great Britain and the USA. *Comparative Constitutional Review*. 2017. No. 2.
14. *Ulbashiev A. Kh.* The General Doctrine of Personal Rights: Monograph. Moscow: Statut, 2019.
15. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of 10 February 2016 No. 224-O "On Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizens Biriukova Tatiana Mikhailovna, Sablina Elena Vladimirovna and Sablina Nellie Stepanovna on Violation of Their Constitutional Rights by Article 8 of the Law of the Russian Federation 'On Transplantation of Organs and (or) Human Tissues'" (SPS "ConsultantPlus").

«ВРАЧЕБНАЯ ОШИБКА» ИЛИ ПРЕСТУПЛЕНИЕ: ГДЕ ГРАНЬ?

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-4-77-85>

Предмет исследования: профессиональные действия медицинских работников, повлекшие неблагоприятные последствия для жизни или здоровья пациента. Целью настоящей статьи является проведение разграничений неоднозначной трактовки категорий терминов: «врачебная ошибка», «ятрогенное преступление», «дефект оказания медицинской помощи». Методологию исследования составили аналитический, сравнительный, формально-юридический и системный методы. В статье автором рассматриваются спорные вопросы теории уголовного права относительно сущности и классификации деяний медицинских работников, повлекших причинение вреда жизни и здоровью пациента. Автором предлагается вывод о необходимости внесения качественных изменений в правовое обеспечение отечественного здравоохранения, в частности, декриминализации наказания за ненадлежащее оказания медицинской помощи. Выводы исследования могут быть использованы для оптимизации вопросов ответственности медицинских работников при доказывании преступлений, отнесенных в теории уголовного права к числу криминальных ятрогений, а также в дальнейших научных исследованиях по рассматриваемой проблематике.

КОЛОКОЛОВ

Антон Викторович

заместитель начальника
отдела организации контроля
медицинских экспертиз
Федеральной службы по надзору
в сфере здравоохранения,
преподаватель кафедры труда
и социальной политики Российской
академии народного хозяйства
и государственной службы при
Президенте РФ, доцент кафедры
инновационных технологий
управления здравоохранением
Медицинского института
Российского университета дружбы
народов (г. Москва)
shekmail.ru@mail.ru

**Врачебная ошибка;
дефект оказания медицинской
помощи;
ятрогения;
ятрогенное преступление;
уголовная ответственность
медицинского работника;
декриминализация**

Anton V. KOLOKOLOV

Deputy Head of the Department for
Organization of Control of Medical
Examinations of the Federal Service
for Surveillance in Healthcare,
Lecturer, Department of Labor and
Social Policy, Russian Academy
of National Economy and Public
Administration under the President
of the Russian Federation, Associate
Professor, Department of Innovative
Health Management Technologies,
Medical Institute, Peoples' Friendship
University of Russia (Moscow)
shekmail.ru@mail.ru

**Medical error;
defect in the provision of medical
care; iatrogeny;
iatrogenic crime;
criminal liability of a medical
worker;
decriminalization**

“MEDICAL ERROR” OR CRIME: WHERE IS THE LINE?

Subject of research: professional actions of medical workers that have resulted in adverse consequences for the patient's life or health. The purpose of this article is to differentiate the ambiguous interpretation of the categories of terms: “medical error”, “iatrogenic crime”, “defect in the provision of medical care”. The research methodology consisted of analytical, comparative, formal legal and systemic methods. In the article, the author examines the controversial issues of the theory of criminal law regarding the essence and classification of the acts of medical workers that caused harm to the life and health of the patient. The author proposes a conclusion on the need for qualitative changes in the legal support of domestic health care, in particular, the decriminalization of punishment for inappropriate provision of medical care. The conclusions of the study can be used to optimize the issues of responsibility of medical workers when proving crimes that are classified as criminal iatrogenies in the theory of criminal law, as well as in further scientific research on the issues under consideration.

Причинение вреда жизни и здоровью в результате врачебной ошибки является достаточно распространенным явлением. В последние годы органы исполнительной власти, а также судебные и правоохранительные органы отметили тенденцию к увеличению количества случаев обращения пациентов и их родственников с заявлениями о ненадлежащих организации и качестве оказания медицинской помощи, в том числе по случаям причинения вреда жизни и здоровью.

В медицинской науке и юриспруденции неоднократно предпринимались попытки дать определения понятиям «дефект оказания медицинской помощи», «врачебная ошибка», «ятрогенное преступление» и их классифицировать. В настоящее время в законодательстве РФ в сфере охраны здоровья не содержится ни легальных определений ранее упомянутых терминов, ни специальных правовых норм, детально регулирующих отношения, связанные с их выявлением, квалификацией и превентивными мерами по минимизации их в медицинской деятельности и возникающими правовыми последствиями.

Дефекты оказания медицинской помощи являются одной из актуальных проблем современного здравоохранения, как правило, они связаны с ненадлежащим знанием медицинскими работниками основных положений законодательства в сфере охраны здоровья. Эта группа недостатков в настоящее время становится основной причиной возникновения конфликтов со все более грамотным в правовом отношении пациентом.

В концепции С. Г. Стеценко «дефект оказания медицинской помощи – это ненадлежащее осуществление диагностики, лечения больного, организации медицинской помощи, которое привело или могло привести к неблагоприятному исходу медицинского вмешательства». При этом указанный автор выделяет следующие виды дефектов оказания медицинской помощи: 1) врачебные ошибки; 2) несчастные случаи; 3) профессиональные преступления [1, с. 527–529].

А. В. Саверский предлагает определять врачебную ошибку как «неправильное действие (бездействие) при оказании медицинской помощи (дефект медицинской помощи), совершенное врачом в состоянии обоснованной уверенности в правильности своих действий, при том, что по обстоятельствам дела он не мог осознавать неправильности этого действия (бездействие), не предвидел возможности наступления общественно опасных последствий и по обстоятельствам дела не должен был или не мог их предвидеть» [2, с. 78]. Данное определение лаконично соотносится с понятием врачебной ошибки как юридической категорией, под которой понимается добросовестное заблуждение медицинского

работника без признаков преступной неосторожности, преступной небрежности, преступной самонадеянности или преступного невежества [3, с. 656], т.е. характеризуется отсутствием субъективной стороны преступления, что само по себе исключает возможность наступления уголовной ответственности. С учетом изложенного, по нашему мнению, целесообразно впредь воздерживаться от использования как в теоретическом, так и практическом обороте понятия «врачебная ошибка» ввиду отсутствия объективной необходимости в закреплении данного понятия, а также неоднозначности данного термина и его негативного восприятия обществом.

На современном этапе при оценке качества оказания медицинской помощи широкое распространение получил термин «дефект медицинской помощи». А. А. Старченко с соавторами дает несколько определений понятию «дефект медицинской помощи», среди них как наиболее значимые можно выделить следующие [4, с. 314]:

- несоответствие медицинской помощи обязательным требованиям, предусмотренным законодательством в сфере охраны здоровья;
- нарушение обычаев делового оборота, обычно предъявляемых требований в сфере здравоохранения (в том числе клинических рекомендаций);
- нарушение правил оформления медицинской документации.

В подп. 5.3 п. 5 Порядка организации и проведения контроля объемов, сроков, качества и условий предоставления медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию, утв. приказом Федерального фонда обязательного медицинского страхования от 1 декабря 2010 г. № 230, дается понятие дефекта медицинской помощи, согласно которому дефект является результатом несоответствия оказанной медицинской помощи состоянию здоровья застрахованного лица; невыполнения и (или) неправильного выполнения порядков оказания медицинской помощи и (или) стандартов медицинской помощи, клинических рекомендаций (протоколов лечения) по вопросам оказания медицинской помощи, медицинских технологий. В настоящее время названный приказ утратил силу в связи с вступлением в силу приказа Федерального фонда обязательно медицинского страхования от 28 февраля 2019 г. № 36 «Об утверждении Порядка организации и проведения контроля объемов, сроков, качества и условий предоставления медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию». Необходимо отметить, что в новом Приказе понятие «дефект медицинской помощи» отсутствует [5; 6]. Таким образом, необходимо констатировать, что в настоящее время отсутствует правовое определение понятия «дефект оказания медицинской помощи», а понятия

«врачебная ошибка» скорее относится к сленговой терминологии и применяется в обиходе медицинского сообщества, СМИ и отдельных представителей различных общественных организаций.

И. Ф. Огарков предложил классифицировать дефекты в деятельности медицинских работников на: 1) умышленные преступления медицинских работников; 2) неосторожные преступления медицинских работников; 3) врачебные ошибки; 4) несчастные случаи [7, с. 234].

Ю. В. Каминский и В. С. Тимошенко классифицируют негативные последствия медицинского вмешательства по причине их возникновения: медикаментозные, инструментально-диагностические, хирургические, наркозно-анестезиологические, трансфузионно-инфузионные, септические, профилактические, информационные и др. [8, с. 12–14].

Выделяют следующие виды дефектов оказания медицинской помощи:

– дефекты организации медицинской помощи (отсутствие средств диагностики и лечения, порядка перевода больного в специализированный стационар и т.д.);

– дефекты диагностики (например, ошибочный диагноз основного заболевания, осложнения, сопутствующего заболевания, поздняя диагностика);

– дефекты лечения (например, непроведение показанной операции, запоздалая операция, оставление предмета в полости, неправильный выбор метода, недостатки техники операции, технические ошибки анестезии, назначение лекарственной терапии без учета аллергологического анамнеза и т.д.);

– дефекты тактики ведения пациента (например, неосуществление показанной госпитализации, госпитализация в непрофильное отделение, выбор неправильного метода лечения, тактики родоразрешения, не собран консилиум, преждевременная выписка, необоснованный перевод в другое отделение, стационар и т.д.);

– этико-деонтологические дефекты (обусловленные неблагоприятным воздействием медицинского работника на психическое состояние больного).

Особенно актуальным сегодня в связи с участившимися случаями обращения граждан с жалобами на неоказание и ненадлежащее оказание медицинской помощи представляется рассмотрение вопросов отграничения преступного деяния в сфере оказания медицинской помощи, влекущего уголовную ответственность, от правомерных действий (бездействия) медицинских работников, в результате которых наступает вред здоровью больного, однако в силу их правовой природы уголовная ответственность исключена.

Уголовно-правовая оценка ненадлежащего оказания медицинской помощи в последнее время все чаще становится объектом обсуждения не только

среди пациентов, медицинских работников, но и в правоохранительных органах.

По мнению В. В. Томилина и Ю. И. Соседко, основными условиями ненадлежащего оказания медицинской помощи являются «недостаточная квалификация медицинских работников, отсутствие необходимой материально-технической базы и несоблюдение в ряде случаев санитарно-гигиенических норм. К одной из причин, по-видимому, следует отнести и неполноценный контроль со стороны органов управления здравоохранением...» [9, с. 3–5].

В настоящее время, несмотря на успешную государственную аттестацию будущих медицинских работников, встречаются те, кто не отвечает требованиям врачебной практики [10]. Соглашаясь с данной позицией авторов, хотелось бы с акцентировать свое внимание на том, что в случаях невежественных действий медицинских работников, приводящих к тяжелым последствиям в части причинения вреда здоровью, было бы справедливым внести в законодательство РФ норму права, позволяющую органам правосудия временно отстранять без сохранения заработной платы медицинского работника от профессиональной деятельности для усовершенствования в своей профессиональной области, в которой он оказал медицинскую помощь ненадлежащим образом, и допускать к осуществлению медицинской деятельности только после успешной сдачи экзамена.

Другим фактором, способствующим ненадлежащему оказанию медицинской помощи, является отсутствие в медицинских организациях эффективной системы внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности либо его низкое качество, что, в последствии, может приводить к наступлению юридической ответственности (гражданской, административной, уголовной). Так, в случае несоблюдения в медицинской организации установленного порядка осуществления внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности, в том числе за качеством ведения медицинской документации, возникает административная ответственность медицинской организации по ст. 14.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях [11] за нарушение лицензионных требований, установленных подп. «б» п. 5 Положения о лицензировании медицинской деятельности, утв. постановлением Правительства РФ от 16 апреля 2012 г. № 291 [12]. Не менее 30% медицинских документов содержат серьезные недостатки, отрицательно влияющие на возможность использования этой документации для установления обстоятельств дела [13, с. 144].

Различные подходы к оценке нежелательных результатов либо неблагоприятных событий в медицинской практике имеют место со стороны как медиков, так и юристов, а понятие «врачебная ошибка»

представляет собой собирательное понятие неблагоприятных исходов в медицинской практике, объединяющее весь терминологический ряд негативных последствий медицинской деятельности. При этом под неблагоприятными событиями необходимо понимать только те из них, которые совершены в результате активных действий медицинского персонала, например непреднамеренные травмы или осложнения, полученные вследствие оказания медицинской помощи и часто требующие продления госпитализации и (или) приводящие к формированию временной/стойкой утраты трудоспособности пациента.

Поэтому неблагоприятный исход медицинской деятельности приобретает реальное проявление и юридическое значение в случае причинения вреда здоровью пациента. При анализе неблагоприятного исхода (события) зачастую необходимо знать дату его наступления, определить наличие возможности его предотвращения, а также выявить факторы, способствующие наступлению неблагоприятного исхода.

В медицине часто встречаются ситуации возникновения крайней необходимости и обоснованного риска, при которых чаще могут возникать дефекты оказания медицинской помощи, что охватывается соответствующими нормами уголовного законодательства (ст. 39 и 41 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ)). Обстоятельства, при которых складываются такие ситуации, подлежат выявлению при осуществлении уголовного судопроизводства в соответствии с ч. 1 ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) как обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния, а также обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания. К таким обстоятельствам может быть отнесено и информированное добровольное согласие, подписанное пациентом. Нередко врач поставлен перед выбором – кому в первую очередь оказывать помощь при дефиците времени, кадров, материально-технического обеспечения медицинскими изделиями и лекарственными средствами. Можно привести хрестоматийный пример, когда врач, не имея возможности посетить одновременно двух или более пациентов, направляется к тому из них, чье состояние представляется ему наиболее тяжелым.

Это указывает на то, что в действиях медицинского работника отсутствует преступный умысел, но при добросовестном заблуждении врача, у которого нет достаточного опыта практической работы либо недостаточно знаний, можно объективно усмотреть элементы неосторожной формы вины (небрежность, невнимательность), что при условии отсутствия субъективной стороны не образует состава преступления. Следует признать, что в правоприменительной практике добросовестное заблуждение

и преступный умысел применительно к рассматриваемой категории преступлений достаточно сложно дифференцировать.

Необходимо помнить, что медицинский работник при оказании помощи пациенту имеет дело с одной из самых сложных, недостаточно изученных и, как следствие, часто непредсказуемых систем – с человеческим организмом. Также нельзя не оценивать роль пациента в данной ситуации. Ю. Д. Сергеев и С. В. Ерофеев приводят объективные факторы, которые влияли на неблагоприятный исход: редкость, атипичность и бессимптомность заболевания, сочетание или конкуренция нозологических форм, полиморбидность, наличие хронических инфекций, тяжелое (бессознательное) состояние больного, тяжесть заболевания (повреждения), кратковременность пребывания в стационаре. Они приводят изменения особенностей поведения больного, наиболее характерные для ненадлежащего оказания медицинской помощи: асоциальное поведение, аггравация и симуляция, поиск лучшего врача, признаки грубой неосторожности пациента, нарушение режима, самолечение, изменение доз препаратов, требования вмешательства без показаний [14].

Организм у каждого человека индивидуален, одно и то же заболевание у различных людей может протекать по-разному и может иметь свои особенности, а медицина никогда не исчерпывается типовыми подходами к диагностике, лечению и профилактике. Ошибка в диагностике может зависеть в том числе и от самих пациентов, которые, например, отказались от биопсии или госпитализации, скрывают от врача важные для диагностики анамнестические сведения и т.п. [15, с. 147–151].

Таким образом, именно наличие юридической определенности в данном вопросе выступает правовой гарантией интересов как медицинского работника, так и пациента. В этой связи полагаем целесообразным использовать по отношению к действиям медицинских работников понятие «надлежащее (ненадлежащее) исполнение профессиональных обязанностей».

У практикующих юристов существует распространенное мнение о том, что трактовка и классификация негативных последствий медицинского вмешательства на настоящий момент имеют множество вариаций, которые далеко не всегда охватываются действующим уголовным, гражданским и административным законодательством, что делает весьма проблематичным привлечение медицинских работников к любым формам юридической ответственности.

По данным Следственного комитета РФ, на протяжении последних лет наблюдается устойчивый рост сообщений о преступлениях, связанных с некачественным оказанием медицинской помощи на всей территории РФ. По мнению следственных органов, «медицинские дефекты» допускаются чаще всего вра-

чами-хирургами (27,5%), врачами-акушерами-гинекологами (16,8%), врачами-анестезиологами-реаниматологами (13,2%). Чуть реже медицинские дефекты допускаются врачами следующих специальностей: педиатрами, терапевтами, онкологами, неонатологами, инфекционистами. Однако такая картина не раскрывает степень криминализации в структуре медицинских специальностей, а является следствием наличия различных степеней профессионального риска.

В уголовном судопроизводстве деяния, повлекшие неблагоприятный исход при оказании медицинской помощи, квалифицируются как преступные в зависимости от того, было ли совершено умышленно или неосторожно и находятся ли они в причинно-следственной связи с наступившими последствиями.

Впервые дефекты ненадлежащего оказания медицинской помощи по юридическим критериям были классифицированы на четыре основные группы Ю. С. Зальмуниным в 1949 г. [16]:

1) умышленные преступления медицинских работников (наиболее характерный пример для медицинского работника – неоказание помощи больному, ответственность за которое предусмотрено ст. 124 УК РФ);

2) неосторожные действия медицинских работников (примерами могут служить последствия недостаточного обследования пациента, неосторожного выполнения медицинских манипуляций или нарушений обязательных требований законодательства в сфере охраны здоровья);

3) врачебные (медицинские) ошибки (либо ятрогении) – дефекты не относятся к юридическим понятиям и не предусматривают вины медицинского работника;

4) несчастные случаи (казусы) – ситуации, когда существует объективная невозможность предвидеть последствия этих действий (аллергические, токсические реакции при применении лекарственных средств или вакцинации, внезапная смерть от рефлекторной остановки сердца при его катетеризации или иной манипуляции), в том случае, если все, что положено в таких случаях, было предусмотрено.

При этом последние две категории дефектов состава преступлений не содержат вследствие отсутствия субъективной стороны.

Г. Р. Колоколов считает, что к врачебным ошибкам не могут относиться случаи халатности, невнимательности или медицинского невежества, врачебная ошибка не может быть предусмотрена и предотвращена врачом, а поэтому не содержит состава преступления или врачебного проступка и не влечет за собой юридической ответственности и наказания [17, с. 74–78].

В соответствии со ст. 14 УПК РФ («Презумпция невиновности») медицинским работникам не придется доказывать то, что они надлежащим образом испол-

няли свои профессиональные обязанности. Однако, оценка действий медицинского работника с точки зрения надлежащего (ненадлежащего) исполнения профессиональных обязанностей должна основываться на критерии «правильности» действий медицинских работников при оказании медицинской помощи (критерий «правильность» медицинской помощи), что потребует профессионально-специфического составления соответствующей медицинской документации (договоров на оказание платных медицинских услуг, информированного добровольного согласия и др.). Вместе с тем нередко встречаются случаи, когда государственное обвинение мыслит «линейно»: задержан подозреваемый, в силу каких-то неведомых обстоятельств от него получены скупые признания, которые практически не подтверждены объективными доказательствами, а то и совсем ими не подтверждены [18, с. 3–9].

В последние годы в доктрине уголовного права начал формироваться новый подход к преступлениям в сфере здравоохранения. В научный оборот введен термин «ятрогенные преступления», под которыми понимаются «умышленные или неосторожные общественно опасные деяния медицинских работников, нарушающие законные принципы и условия оказания медицинской помощи, совершенные при исполнении своих профессиональных или служебных обязанностей и ставящие под угрозу причинение вреда или причиняющие вред жизни и здоровью, и иным законным правам и интересам пациентов» [19, с. 9]. Данный термин впервые был предложен В. Д. Пристансковым [20; 21]. Вместе с тем такие деяния могут быть совершены не только медицинскими работниками, но и представителями других профессий, например, военнослужащими и сотрудниками МВД, МЧС при оказании ими доврачебной помощи.

Всплеск публикаций по вопросам квалификации действий медицинских работников, наблюдающийся на протяжении последних лет в средствах массовой информации, также диктует осторожное отношение к терминологии. К сожалению, термин «ятрогенное преступление» сегодня получил достаточно широкое распространение [22, с. 168–170] именно в негативном контексте. По нашему мнению, введение в уголовно-правовую практику понятия «ятрогенное преступление» нецелесообразно. В этом вопросе нами полностью поддерживается позиция НП «Национальная медицинская палата» о недопустимости применения этого термина. Аналогичным образом позиционируют свои оценки многие представители медицинского сообщества. Исходя из вышеизложенного представляется нежелательным использовать в законодательстве понятие «ятрогенное преступление» ввиду его терминологической несогласованности – отсутствия общности в интерпретации данного

термина юридической наукой и отсутствия единого правового подхода.

Практически одновременно с возникновением в российской науке уголовного права термина «ятрогенное преступление» российские цивилисты сформулировали понятие «ятрогенный деликт» [23, с. 72–82; 24, с. 31–34; 25, с. 127–131]. Позднее А. В. Тихомиров доработал свою концепцию, предложив использовать «медицинский деликт» как родовое понятие, включающее «ятрогенный деликт» [26]. Однако, как показал анализ научно-практических источников, в том числе документов Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), общепринятого определения понятия «ятрогения» нет. В документах ВОЗ речь идет не о ятрогении, а об осложнениях терапевтических и хирургических медицинских вмешательствах [27], что не является эквивалентом смыслу, вкладываемому в понятие ятрогении в настоящее время. Если произвести буквальный перевод слова ятрогения с греческого языка (ятрос – врач, генез – делаю), становится понятным, что в основу этого термина не вкладывалось понятие «ошибки» врача. Введение в законодательство нормы, содержащей такую форму вины, как «ятрогенное преступление», также является нецелесообразным.

Таким образом, отсутствие терминологического единообразия влечет неадекватность правоприменения, кроме того, не следует включать ятрогенные преступления в состав УК РФ, иначе может пострадать невинный.

В ноябре 2018 г. Следственным комитетом РФ был издан ведомственный приказ о создании специальных отделов по расследованию дел по обращениям граждан о ненадлежащем оказании медицинской помощи и его специализации на проведение судебно-медицинских экспертиз по делам о «врачебных ошибках» (или по обращениям граждан о правонарушениях при оказании медицинской помощи).

Такое решение во многом объясняется тем, что, по мнению правоприменителей, в настоящее время такие деяния квалифицируются по разным статьям УК РФ (ст. 109, 118, 238, 293), ни одна из которых не учитывает особенностей профессиональной медицинской деятельности. Судебная практика также не имеет единообразия, перед следователем и судом постоянно возникает сложный выбор между несколькими нормами уголовного закона (например, оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности, неоказание помощи больному, причинение смерти по неосторожности), которые соответствовали бы совершенному деянию и наступившим последствиям.

По данным Управления научно-исследовательской деятельности Научно-исследовательского института криминалистики Главного управления криминалистики Следственного комитета РФ, по результатам изу-

чения материалов 143 уголовных дел, находившихся в производстве в 2016–2017 гг., в отношении 167 лиц со вступившими в законную силу судебными решениями было установлено, что деяния медицинских работников в большинстве случаев были квалифицированы по ст. 109 УК РФ (78%), а также по ст. 118, 124, 238 и 293 УК РФ. Наиболее рельефно правовая коллизия наблюдается при применении в отношении медицинского работника ст. 238 УК РФ, диспозиция которой в части наличия (отсутствия) риска, так же как ст. 7 Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей», вступает в прямое противоречие со ст. 20 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», что должно предусматривать, на наш взгляд, как минимум более эксклюзивное отношение к ней.

В этой связи в Следственном комитете РФ совместно с представителями НП «Национальная медицинская палата» были подготовлены предложения о внесении изменений в УК РФ. Законопроектом предусматривается внесение изменений и дополнений в Особенную часть УК РФ, направленных на совершенствование уголовного законодательства в виде введения специальной нормы, устанавливающей уголовную ответственность медицинских работников и исключающих возможность квалификации их действий по другим статьям УК РФ, таких как ст. 109, 118, 238, 293 УК РФ.

Так, предлагается введение новых статей в УК РФ: ст. 124.1 («Ненадлежащее оказание медицинской помощи (медицинской услуги)»), ст. 124.2 («Соккрытие нарушения оказания медицинской помощи»); изложение в новой редакции ст. 235 УК РФ («Незаконное осуществление медицинской (или) фармацевтической деятельности»). Это, как считают разработчики предложений, значительно упростит, а проще говоря, формализует расследование и судебное рассмотрение указанной категории дел.

Предлагается более социально целесообразное решение, которое заключается в необходимости рассмотрения вопроса о частичной декриминализации наступления уголовной ответственности за негативные последствия оказания медицинской помощи, а в УК РФ целесообразно ввести альтернативные виды наказания вместо лишения свободы по следующим основаниям.

Медицинский работник в принципе не может быть субъектом уголовного преследования при наступлении неблагоприятных последствий, если их характер содержался в «информированном добровольном согласии» (ИДС), по следующим причинам:

- он обязан рисковать по отношению к пациенту (ст. 41 УК РФ («Обоснованный риск»)) – обоснованность риска определяется ИДС;

- он обязан рисковать по отношению к самому себе (риск профессиональных заболеваний, напри-

мер, COVID-19 и другие острые инфекционные заболевания, риск травм);

– он не может на 100% знать и предвидеть исход заболевания, травмы, патологического состояния у пациента;

– невозможно в полной мере оценить состояние здоровья врача в момент оказания медицинской помощи пациенту (на практике такие экспертизы «состояния здоровья» медицинского работника не назначаются).

Проблема ответственности медицинского работника за нерелевантную ошибку заключается в том, что до сего времени не выработано устраивающее всех (и медиков, и юристов) понятия ненадлежащего оказания медицинской помощи либо ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей.

В свете современного уголовного законодательства наиболее приемлемой с правовых позиций будет оценка «врачебной ошибки» либо «дефекта оказания медицинской помощи» как невинного причинения вреда, предусмотренного ст. 28 УК РФ.

Выводы

Обозначенные в статье вопросы являются значимыми и подлежат совместной детальной проработке медицинским и юридическим сообществом.

Повышенное внимание к преступлениям, связанным с дефектами оказания медицинской помощи, требует исключительно объективной уголовно-правовой квалификации содеянного.

Отсутствие единого методологического подхода к установлению причинно-следственной связи между фактом ненадлежащего оказания медицинской помощи и наступившими последствиями здоровью и жизни пациента может приводить к необъективности и неполноте экспертных заключений при оценке качества оказанной медицинской помощи.

Предложенные изменения в законодательство позволят значительно минимизировать ошибки правоприменения, защитив таким образом как права пациентов, так и медицинских работников.

Не менее важной представляется целесообразность усовершенствования юридического сопровождения медицинской деятельности и правильность оформления информированного добровольного согласия в целях обеспечения закрепленных гарантий правомерности действий медицинского работника и исключения возможности его привлечения к уголовной ответственности в случаях неблагоприятного исхода в рамках оказания медицинской помощи в условиях обоснованного риска.

Пристатейный библиографический список

1. *Стеценко С. Г.* Медицинское право : учебник. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004.
2. *Саверский А. В.* Права пациентов на бумаге и в жизни. М. : Эксмо, 2009.
3. *Тимофеев И. В.* Патология лечения : руководство для врачей. СПб. : Северо-Запад, 1999.
4. *Старченко А. А., Тарасова О. В., Салдуева О. В., Гуженко М. Д.* Карта дефектов медицинской помощи : пособие для медицинских работников и экспертов по дефектам оказания медицинской помощи. М., 2015.
5. Приказ Федерального фонда обязательного медицинского страхования от 1 декабря 2010 г. № 230 «Об утверждении Порядка организации и проведения контроля объемов, сроков, качества и условий предоставления медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию» (утратил силу).
6. Приказ Федерального фонда обязательного медицинского страхования от 28 февраля 2019 г. № 36 «Об утверждении Порядка организации и проведения контроля объемов, сроков, качества и условий предоставления медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию» (зарегистрирован Минюстом России 18 июня 2019 г.).
7. *Огарков И. Ф.* Врачебные правонарушения и уголовная ответственность за них. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1966.
8. *Каминский Ю. В., Тимошенко В. С.* Ятрогении : классификация, категории, рубрификация // Тихоокеанский медицинский журнал. 2007. № 1.
9. *Томилин В. В., Соседко Ю. И.* Дефекты медицинской помощи, допускаемые частнопрактикующими врачами (предприятиями) // Судебно-медицинская экспертиза. 2001. № 4.
10. *Акопов В. И., Маслов Е. Н.* Право в медицине. М. : Книга-сервис, 2002.
11. Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
12. Постановление Правительства РФ от 16 апреля 2012 г. № 291 «О лицензировании медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра «Сколково»)» // СЗ РФ. 2012. № 17. Ст. 1965.

13. *Сергеев В. В., Захаров С. О., Ардашкин А. П., Тарасов А. А.* Юридический анализ профессиональных ошибок медицинских работников. Самара : Сокол-Т, 2000.
14. *Сергеев Ю. Д., Ерофеев С. В.* Неблагоприятный исход оказания медицинской помощи. М. : Иваново, 2001.
15. *Чурляева И. В.* О криминализации врачебной ошибки в уголовном законодательстве Российской Федерации // Юристъ-правоведъ. 2018. № 4 (87).
16. *Зальмунин Ю. С.* Врачебные ошибки и ответственность врачей : дис. ... канд. мед. наук. Л., 1949.
17. *Колоколов Г. Р.* Врачебная ошибка и ее место в структуре неблагоприятных последствий лечения (ятрогенный) // Вопросы современной юриспруденции. 2015. № 45-46.
18. *Колоколов Н. А.* Неисповедимы мысли югор : справедливость против догмы // Уголовное судопроизводство. 2019. № 2.
19. *Никитина И. О.* Преступления в сфере здравоохранения (законодательство, юридический анализ, квалификация, причины и меры предупреждения) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Новгород, 2007.
20. *Пристансков В. Д.* Теоретические и методологические проблемы расследования ятрогенных преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2000.
21. *Пристансков В. Д.* Ятрогенные преступления: понятие, подходы к исследованию : монография. СПб., 2006
22. *Мустафина-Бредихина Д. М.* Ятрогенные преступления как новый тренд в современном обществе // Неонатология : Новости. Мнения. Обучение. 2017. № 4 (18).
23. *Тихомиров А. В.* Ятрогенный деликт // Проблемы ответственности по обязательствам, возникающим из причинения вреда жизни и здоровью в медицинской деятельности. Н. Новгород : Нижегородская правовая академия, 2002.
24. *Виноградов А. З., Рыков В. А.* Юридическая квалификация медицинских правонарушений // Медицина в Кузбассе. 2004. № 3.
25. *Румянцев С. Г., Капустина М. А.* Медицинские деликты в практике районной прокуратуры // Петербургский юрист. 2015. № 3.
26. *Тихомиров А. В.* Теория медицинской услуги и медицинского деликта. М. : НП ИЦ «ЮрИнфоЗдрав», 2012.
27. Коды Y40-Y84 Международной статистической классификации болезней и проблем, связанных со здоровьем (*International Statistical Classification of Diseases and Related Health Problems*) десятого пересмотра.

References

1. *Stetsenko S. G.* Medical Law: Textbook. St. Petersburg: Iuridicheskii tsentr Press, 2004.
2. *Saverskii A. V.* Patient Rights on Paper and in Life. Moscow: Eksmo, 2009.
3. *Timofeev I. V.* Disease Treatment: Hands-on for Doctors. St. Petersburg: Severo-Zapad, 1999.
4. *Starchenko A. A., Tarasova O. V., Saldueva O. V., Guzhenko M. D.* Mapping of Defects in Medical Care: A Manual for Medical Workers and Experts on Defects in Medical Care. Moscow, 2015
5. Order of the Federal Compulsory Medical Insurance Fund of 1 December 2010 No. 230 "On Approval of the Procedure for Organizing and Monitoring the Volume, Timing, Quality and Conditions of Providing Medical Care for Compulsory Medical Insurance" (expired).
6. Order of the Federal Compulsory Medical Insurance Fund of 28 February 2019 No. 36 "On Approval of the Procedure for Organizing and Conducting Control of the Volume, Timing, Quality and Conditions of Providing Medical Care For Compulsory Medical Insurance" (registered by the Ministry of Justice of the Russian Federation on 18 June 2019).
7. *Ogarkov I. F.* Medical Offenses and Criminal Liability for Them. St. Petersburg: St. Petersburg University Publishing House, 1966.
8. *Kaminskii Iu. V., Timoshenko V. S.* Iatrogenesis: Classification, Categories, Rubrication. *Pacific Medical Journal*. 2007. No. 1.
9. *Tomilin V. V., Sosedko Iu. I.* Defects of Medical Care Allowed Private Practitioners (Industry). *Judicial-Medical Examination*. 2001. No. 4.
10. *Akopov V. I., Maslov E. N.* The Right Medicine. Moscow: Kniga-SERVIS, 2002.
11. Code of Administrative Offences of the Russian Federation of 30 December 2001 No. 195-FZ. *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2002. No. 1 (Part 1). Art 1.
12. Resolution of the Government of the Russian Federation of 16 April 2012 No. 291 "On Licensing of Medical Activities (with the Exception of the Specified Activities Carried Out by Medical Organizations and Other Organizations in the Private Health Care System, on the Territory of the Innovation Center 'SKOLKOVO')". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2012. No. 17. Art. 1965.

13. *Sergeev V. V., Zakharov S. O., Ardashkin A. P., Tarasov A. A.* Legal Analysis of Professional Mistakes of Medical Workers. Samara: Sokol-T, 2000.
14. *Sergeev Iu. D., Erofeev S. V.* Unfavorable Outcome of Medical Care. Moscow: Ivanovo, 2001.
15. *Churliaeva I. A.* Criminalizing Medical Errors in the Criminal Legislation of the Russian Federation. *Lawyer*. 2018. No. 4 (87).
16. *Zalmunin Iu. S.* Medical Errors and Liability of Doctors: Thesis for a Candidate Degree in Medical Sciences. St. Petersburg, 1949.
17. *Kolokolov G. R.* Medical Error and its Place in the Structure of Adverse Effects of Treatment (iatrogenesis). *Questions of Modern Jurisprudence*. 2015. No. 45-46.
18. *Kolokolov N. A.* Inscrutable Thoughts Juror: Justice Against Dogma. *Criminal Proceedings*. 2019. No. 2.
19. *Nikitina I. O.* Crimes in the Field of Health Care (Legislation, Legal Analysis, Qualification, Causes and Preventive Measures): Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Nizhny Novgorod, 2007.
20. *Pristanskov V. D.* Theoretical and Methodological Problems of Investigation of Iatrogenic Crimes: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. St. Petersburg, 2000.
21. *Pristanskov V. D.* Iatrogenic Crimes: Concept, Approaches to Research: Monograph. St. Petersburg, 2006.
22. *Mustafina-Bredikhina D. M.* Iatrogenic Crimes as a New Trend in Modern Society. *Neonatology: News. Opinions. Training*. 2017. No. 4 (18).
23. *Tikhomirov A. V.* Iatrogenic Tort. In Problems of Liability for Obligations Arising from Harm to Life and Health in Medical Activity. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Law Academy Publ., 2002.
24. *Vinogradov A. Z., Rykov V. A.* Legal Qualification of Medical Offenses. *Medicine in Kuzbass*. 2004. No. 3.
25. *Rumiantsev S. G., Kapustina M. A.* Medical Torts in the Practice of the District Prosecutor's Office. *St. Petersburg Lawyer*. 2015. No. 3.
26. *Tikhomirov A. V.* Theory of Medical Services and Medical Tort. Moscow: NP IC "IurInfoZdrav", 2012.
27. Codes Y40-Y84 of the International Statistical Classification of Diseases and Related Health Problems of the Tenth Revision.

ХАРАКТЕР НАРУШЕНИЙ ПРАВ ОСУЖДЕННЫХ НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ И МЕДИЦИНСКУЮ ПОМОЩЬ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-4-86-93>

В системе социальных ценностей право на охрану здоровья и медицинскую помощь, гарантированное Конституцией РФ, имеет особое значение и неразрывно связано с правом каждого человека на жизнь. Охрана и правовая защита данного конституционного права является одной из приоритетных задач государства. Определенную специфику реализация права осужденных на охрану здоровья, включая получение медицинской помощи, имеет в период отбывания уголовного наказания, однако уголовно-исполнительное законодательство РФ не ограничивает его содержание и не допускает ущемления. Состояние здоровья осужденных влияет на их поведение (соблюдение требований режима), является необходимой составляющей успешной ресоциализации. От степени обеспечения данного права зависит уровень заболеваемости персонала учреждений и органов, исполняющих наказания, а также членов их семей и эпидемиологическое благополучие населения в целом. Выявление и устранение причин, способствующих высокому уровню смертности, инвалидности и заболеваемости осужденных в период отбывания наказания, актуализирует тему исследования. Предметом исследования являются нормативные и научные источники, а также статистические данные и аналитические материалы по рассматриваемой проблеме. Цель данного исследования заключается в правовой оценке характера нарушений прав осужденных на охрану здоровья и медицинскую помощь, анализе причин и условий, им способствующих, определении мер, направленных на повышение эффективности реализации указанного права. Методологическую основу исследования составляет диалектический подход к изучению социально-правовых процессов и явлений, определяющих специальный статус осужденных в период отбывания наказания и особенности реализации права осужденных на охрану здоровья и медицинскую помощь. В целях получения достоверных и научно-обоснованных результатов комплексно применялись формально-юридический, сравнительно-правовой, логический, системный, статистический методы исследования. Автором предложено законодательное определение права осужденных на охрану здоровья и медицинскую помощь, рассмотрены установленные законом гарантии его реализации. На основании анализа статистических данных ФСИН России показана положительная динамика снижения уровня заболеваемости осужденных к лишению свободы за последние годы. С учетом выявленных нарушений (на основании изучения материалов прокурорских проверок медицинских учреждений УИС, жалоб осужденных, адресованных в органы государственной власти и общественные организации), предложен комплекс мер, направленных на повышение эффективности реализации права осужденных на охрану здоровья и медицинскую помощь, а также определены пути дальнейшего развития ведомственной медицинской службы.

**УГОЛЬКОВА
Елена Ивановна**

адвокат Московской городской
коллегии адвокатов
«Правовая среда» (г. Москва)
7801956@mail.ru

**Право на охрану здоровья
и медицинскую помощь;
осужденные к наказаниям
без изоляции от общества;
осужденные к лишению
свободы;
осужденные, страдающие
заболеваниями;
социально значимые болезни;
исправительные учреждения;
уголовно-исполнительные
инспекции**

Elena I. UGOLKOVA

Lawyer, Moscow City Bar Association
"Legal Environment" (Moscow)
7801956@mail.ru

THE NATURE OF VIOLATIONS OF THE RIGHTS OF CONVICTS TO HEALTH PROTECTION AND MEDICAL CARE

**Right to health protection
and medical care;
sentenced to punishment without
isolation from society;
persons sentenced
to imprisonment;
convicts suffering from diseases;
socially significant diseases;
prisons;
penal enforcement inspections**

In the system of social values, the right to health protection and medical care, guaranteed by the Constitution of the Russian Federation, is of particular importance and is inextricably linked with the right of every person to life. The protection and legal protection of this constitutional right is one of the priorities of the state. The realization of the convicts' right to health protection, including receiving medical care, has a certain specificity during the period of serving a criminal sentence, however, the penal enforcement legislation of the Russian Federation does not limit its content and does not allow infringement. The state of health of convicts affects their behavior (compliance with the requirements of the regime), is a necessary component of successful re-socialization. The level of morbidity of the staff of institutions and bodies executing punishments, as well as their family members, and the epidemiological well-being of the population as a whole depends on the degree of ensuring this right. The identification and elimination of the causes contributing to the high level of mortality, disability and morbidity of convicts during the period of serving their sentences actualizes the research topic. The subject of the study is normative and scientific sources, as well as statistical data and analytical materials on the problem under consideration. The purpose of this study is to legally assess the nature of violations of the rights of convicts to health protection and medical care, analyze the causes and conditions that contribute to them, and identify measures aimed at improving the effectiveness of the implementation of this right. The methodological basis of the study is a dialectical approach to the study of socio-legal processes and phenomena that determine the special status of convicts during the period of serving a sentence and the specifics of the realization of the right of convicts to health protection and medical care. In order to obtain reliable and scientifically-based results, formal legal, comparative legal, logical, systematic, statistical research methods were comprehensively applied. Based on the analysis of statistical data of the Federal Penitentiary Service of Russia, the positive dynamics of the decrease in the incidence of prisoners sentenced to imprisonment in recent years has been shown. Taking into account the revealed violations (based on the study of materials of prosecutor's inspections of medical institutions of the penitentiary system, complaints of convicts addressed to state authorities and public organizations), a set of measures aimed at improving the effectiveness of the realization of the right of convicts to health protection and medical care, as well as ways of further development of the departmental medical service are proposed.

Конституционное право на охрану здоровья и медицинскую помощь гарантируется всем гражданам РФ, не составляют исключение и лица, отбывающие уголовные наказания. Данное право неразрывно связано с естественным (неотчуждаемым) правом каждого человека на жизнь. Учитывая его социальный характер, государство принимает все необходимые меры по его обеспечению, поскольку гармоничное развитие личности невозможно без его реализации, а также пользование другими благами, в случае его нарушения.

Право на охрану здоровья, включая получение первичной медико-санитарной и специализирован-

ной медицинской помощи, закреплено в ч. 6 ст. 12 Уголовно-исполнительного кодекса РФ (далее – УИК РФ) в качестве основного права осужденных. Однако, на наш взгляд, его формулировка имеет недостатки и должна полностью соответствовать ст. 41 Конституции РФ. Несмотря на то что «охрана здоровья» и «медицинская помощь» – очень близкие по содержанию понятия, дополняющие друг друга, они представляют самостоятельные категории, соотносящиеся как две части одного целого.

На основании конституционных предписаний, а также норм Федерального закона от 21 ноября

2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [1] предлагаем ч. 6 ст. 12 УИК РФ изложить в следующей редакции: «Осужденные имеют право на охрану здоровья и медицинскую помощь, включая надлежащие условия содержания в учреждениях уголовно-исполнительной системы, а также получение всех видов медицинской помощи, предусмотренных законодательством Российской Федерации, в соответствии с медицинским заключением».

Следует отметить, что уголовно-исполнительное законодательство не влияет на полноту и содержание этого важного конституционного права, оно обуславливает лишь особенности его реализации.

Так, при организации лечебно-профилактической и санитарно-профилактической помощи в исправительных центрах и исправительных учреждениях требуется соблюдать требования режима в соответствии с Правилами внутреннего распорядка этих учреждений (ст. 60.6, ч. 1 ст. 101 УИК РФ).

Порядок организации оказания медицинской помощи осужденным в исправительных учреждениях, а также организации медицинского обеспечения при перемещении осужденных регулируется приказом Минюста России от 28 декабря 2017 г. № 285 «Об утверждении Порядка организации оказания медицинской помощи лицам, заключенным под стражу или отбывающим наказание в виде лишения свободы» [2].

В соответствии с указанным актом оказание медицинской помощи осужденным осуществляется структурными подразделениями (филиалами) медицинских организаций УИС, а при невозможности оказания медицинской помощи в ведомственных медицинских организациях – в организациях государственной и муниципальной системы здравоохранения.

Оказание осужденным медицинской помощи в медицинских организациях государственной и муниципальной систем здравоохранения, а также приглашение для проведения консультаций врачей-специалистов при невозможности оказания медицинской помощи осужденным в исправительных учреждениях производится в соответствии с постановлением Правительства РФ от 28 декабря 2012 г. № 1466 [3].

Ведомственный контроль за качеством и безопасностью медицинской деятельности в медицинских организациях уголовно-исполнительной системы осуществляет ФСИН России.

Соккрытие должностными лицами фактов и обстоятельств, создающих угрозу для жизни и здоровья людей, влечет за собой ответственность в соответствии с законодательством РФ (ч. 3 ст. 41 Конституции РФ).

Закон обязывает администрацию исправительных учреждений выполнять установленные санитарно-гигиенические и противоэпидемические требования, обеспечивающие охрану здоровья осужденных.

Администрация несет ответственность за их выполнение (ч. 3 ст. 101 УИК РФ).

Таким образом, законодателем установлены гарантии реализации права осужденных на охрану здоровья и медицинскую помощь.

В связи с эпидемией коронавируса COVID-19 ФСИН России был своевременно утвержден приказ от 19 марта 2020 г. № 196 «О неотложных мерах по предупреждению распространения COVID-19 в ФСИН России», предусматривающий «План неотложных мероприятий по предупреждению распространения коронавирусной инфекции (COVID-19)» и создание в ФКУЗ ГЦГСЭН ФСИН России оперативного штаба.

В соответствии с данным Приказом в исправительных учреждениях был введен температурный контроль, обязательный как для сотрудников, так и для осужденных; предусмотрены дополнительная обработка помещений (каждые два часа) и иные санитарные меры.

На основании постановления Главного государственного санитарного врача РФ «О введении дополнительных санитарно-противоэпидемических (профилактических) мер, направленных на недопущение возникновения и распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» были приостановлены свидания осужденных с родственниками, а также прием и передача корреспонденции, посылок, передач и бандеролей [4, с. 95–100].

В целом следует отметить, что ФСИН России проводит большую работу по медицинскому обеспечению и санитарно-эпидемиологическому благополучию лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы. За прошедшие 10 лет смертность подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в СИЗО, а также осужденных снизилась в 2 раза (в 2010 г. – 4774 человека, в 2020 г. – 2400 человек); снизилось количество заболевших инфекционными заболеваниями (ВИЧ-инфекцией, туберкулезом) (в 2010 г. было выявлено 10 124 случая заболевания ВИЧ-инфекцией, в 2020 г. – 4942; в 2010 г. был выявлен 8681 случай заболевания туберкулезом, в 2020 г. – 1516 случаев) [5, разд. XI].

За последние годы сократилось и число осужденных к лишению свободы. Так, по состоянию на 1 октября 2021 г. в исправительных учреждениях содержалось 361 тыс. осужденных. Общее количество осужденных, больных туберкулезом, составило 9174 человека (175,2 заболевших на 100 тыс. человек); количество ВИЧ-инфицированных в местах лишения свободы сократилось до 50 867 человек.

В исправительных колониях значительно увеличилось количество спортивных площадок (на 143 единицы, их общая численность составляет 3202) и спортивных залов (возросло на три и составляет 903 помещения).

В первом полугодии 2021 г. было проведено 154 576 спортивных мероприятий с участием осужден-

ных. Все мероприятия проводятся с учетом соблюдения мер по предупреждению распространения коронавирусной инфекции и являются хорошим показателем ресоциализации осужденных к лишению свободы, способствуют укреплению их здоровья.

В то же время большая часть поступающих в исправительные учреждения осужденных страдают различного рода психическими расстройствами, не исключая вменяемости; склонны к различным формам деструктивного поведения – агрессии, конфликтам, членовредительству, суициду; больны наркоманией и алкоголизмом. Как правило, это лица без определенного места жительства, долгое время не обращавшиеся за медицинской помощью.

В местах лишения свободы значительно увеличилось количество инвалидов и составляет 17 763 человек, в том числе I группы инвалидности – 425 человек, II группы – 7243 человек, III группы инвалидности – 10 083 человека. В связи с этим необходимо решать вопросы, связанные с условиями их содержания. Для перевозки лиц с ограниченными возможностями передвижения был налажен выпуск спецавтомобилей типа «АС», оборудованных электрическими, либо механическими подъемниками и специальными камерами для их перевозки [6].

В настоящее время в состав уголовно-исполнительной системы входят: 69 медико-санитарных частей ФСИН России; 623 медицинских части; 152 фельдшерских и 67 врачебных здравпунктов, 55 центров медицинской и социальной реабилитации, 74 центра санитарно-эпидемиологического надзора, 142 больницы (в том числе 61 туберкулезная, пять психиатрических, семь больниц для оказания медицинской помощи сотрудникам ФСИН России) [7].

Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года в целях совершенствования медицинского обеспечения осужденных и лиц, содержащихся под стражей, предполагает:

- обеспечение реализации права на беспрепятственное получение информации о своем здоровье, ознакомление с медицинской документацией, отражающей состояние здоровья, получение консультаций врачей – специалистов медицинских организаций государственной и муниципальной системы здравоохранения;

- развитие в соответствии с лицензионными требованиями первичной медико-санитарной помощи и отдельных видов специализированной медицинской помощи в целях снижения заболеваемости, инвалидности и смертности;

- выработку мер по повышению эффективности противодействия распространению социально значимых и иных инфекционных заболеваний, представляющих опасность для окружающих, совершенство-

ванию системы обеспечения эпидемиологической безопасности УИС;

- реформирование контрольно-надзорной деятельности государственной санитарно-эпидемиологической службы ФСИН России, направленное на профилактику инфекционных заболеваний;

- участие в государственной программе «Развитие здравоохранения» [8];

- информатизацию ведомственных медицинских организаций с созданием медицинских информационных систем медицинских организаций, осуществляющих взаимодействие с единой государственной информационной системой в сфере здравоохранения, государственными информационными системами в сфере здравоохранения субъектов РФ, в том числе по вопросам оказания медицинской помощи с применением телемедицины, а также с информационными системами в сфере здравоохранения Федерального фонда обязательного медицинского страхования, в том числе с государственной информационной системой обязательного медицинского страхования, и его территориальных фондов.

Осужденные должны иметь гарантированный объем бесплатной медицинской помощи наравне с гражданами РФ с учетом повышения ее качества и доступности. Реализация данного права осужденными, особенно это важно в условиях изоляции (исправительных центрах и исправительных учреждениях), обеспечивает эпидемиологическую безопасность общества и государства, снижает риск заболеваемости среди персонала и членов их семей.

Однако анализ обращений осужденных в органы государственной власти и общественные организации, а также материалы прокурорских проверок медицинских подразделений УИС, свидетельствуют о том, что многие вопросы, связанные с реализацией права осужденных к лишению свободы на охрану здоровья и медицинскую помощь, остаются нерешенными.

Так, большинство обращений во ФСИН России в 2020 г. было связано с жалобами на медицинское обеспечение в следственных изоляторах и исправительных учреждениях, установление или подтверждение группы инвалидности, освобождение от отбывания наказания в связи с тяжелой болезнью, препятствующей дальнейшему отбыванию наказания, и условия содержания [9].

По данным Генеральной прокуратуры РФ, почти каждая десятая жалоба осужденных в надзорное ведомство касается ненадлежащего качества медицинского обслуживания. Осужденные к лишению свободы страдают от разного рода болезней, в большинстве случаев это социально значимые заболевания – туберкулез, гепатит, ВИЧ-инфекция [10].

Прокуратура республики Калмыкия выявила нарушения прав на медико-санитарное обеспечение

лиц, заключенных под стражу, и осужденных к лишению свободы.

В ходе проверки было установлено, что медицинскими подразделениями в нарушение требований закона в полном объеме не обеспечивается доступность и качество медицинской помощи этим лицам.

Персонал медицинских подразделений, обслуживающих пенитенциарные учреждения региона, полностью не укомплектован. В больнице № 2 длительное время вакантны должности врача-стоматолога и провизора. Не соблюдаются стандарты оснащения филиалов медицинским оборудованием и оргтехникой. Выявлены случаи нарушения установленных стандартов оказания медицинской помощи. Нерегулярно и не в полном объеме проводится диспансерное наблюдение больных с диагнозами ВИЧ инфекция и хронический вирусный гепатит С, не во всех случаях соблюдаются требования по ведению историй болезни больных. Является недостаточной работа по внутреннему контролю качества и безопасности медицинской деятельности. По данным фактам прокуратура внесла представления об устранении нарушений в ФКУЗ МСЧ-30 ФСИН России и УФСИН России по Республике Калмыкия [11].

По результатам прокурорских проверок законности исполнения уголовных наказаний на территории Алтайского края в деятельности пенитенциарных учреждений было выявлено 399 нарушений закона, в том числе несоблюдение требований ст. 101 УИК РФ на медико-санитарное обеспечение, что составляет 14,4% от общего числа всех правонарушений [12, с. 67].

Вопрос соблюдения прав осужденных на охрану здоровья и медицинскую помощь находится на контроле органов прокуратуры Калужской области и других региональных прокуратур, что свидетельствует о системном характере таких нарушений [13].

За 2020 год органами прокуратуры при осуществлении надзора за законностью исполнения уголовных наказаний было выявлено 88 951 нарушений закона, в связи с чем, принесено 4648 протестов, внесено 14 518 представлений, по результатам рассмотрения которых, к дисциплинарной ответственности привлечено 23 682 сотрудника учреждений и органов УИС [14].

В 2020 г. возросло до 4872 количество обращений к Уполномоченному по правам человека в РФ по вопросам соблюдения и защиты прав человека в уголовно-исполнительной сфере.

Большое количество жалоб поступает на условия содержания в СИЗО и исправительных учреждениях (24,8%), медицинское обеспечение (10,8%).

Более чем в два раза возросло количество коллективных обращений – до 212. Главным образом они поступали на медицинское обеспечение (76

и условия содержания в исправительных учреждениях (11).

Специфика 2020 г., связанная с распространением коронавирусной инфекции, также нашла отражение в обращениях к Федеральному уполномоченному. На «горячую линию» поступило 281 обращение от лиц, содержащихся под стражей, осужденных, а также от их адвокатов, законных представителей и родственников. Претензии в основном касались несоблюдения в некоторых СИЗО и исправительных учреждениях санитарно-эпидемиологических требований; ограничения права на защиту (недопуск адвокатов и законных представителей); непоступления писем и оплаченной прессы, посылок, передач и бандеролей; трудности в приобретении защитных масок и средств дезинфекции; недостаточного ассортимента товаров в магазинах, расположенных на территории учреждений. Из принятых к рассмотрению обращений по результатам проверок подтвердились доводы, изложенные в 235 жалобах.

Обращения в адрес Федерального уполномоченного по вопросам медицинского обеспечения в учреждениях УИС составляют вторую по величине группу жалоб. Заявители выражают несогласие с тактикой лечения и отсутствием медицинских препаратов, просят об оказании содействия в прохождении обследования и лечения в организациях государственного и муниципального здравоохранения, в получении специализированной и высокотехнологичной медицинской помощи, жалуются на формализм и равнодушие медицинского персонала. Такие обращения имеют устойчивую тенденцию к росту.

Обращения о защите прав инвалидов в основном касались пересмотра группы инвалидности (64) и медицинского обеспечения (56).

Четверть поступающих обращений от осужденных женщин касается медицинского обеспечения, особого внимания заслуживают вопросы защиты прав беременных женщин в исправительных учреждениях.

Жалобы, связанные с условиями содержания в исправительных учреждениях, касаются переполненности жилых помещений, отсутствия телевизоров и холодильников, плохого освещения, неисправности сантехнического оборудования, отсутствия свободного доступа к питьевой воде, плохой вентиляции, несоблюдения температурного режима, совместного содержания в камерах курящих и некурящих осужденных и др.

В качестве примера можно привести обращение осужденного И., направленное в аппарат Уполномоченного, который жаловался на неудовлетворительные условия содержания в исправительной колонии ФКУ КП-38 УФСИН России по Республике Коми. В ходе проверки, проведенной совместно с прокуратурой Республики Коми, были выявлены нарушения прав

40 осужденных отряда № 2 на надлежащее материально-бытовое обеспечение. В частности, обнаружены нарушения целостности стен, пола и потолка в жилом помещении, кухня также находилась в аварийном состоянии (в ней была прорвана труба, и отсутствовало окно). В этой связи в адрес начальника колонии-поселения было вынесено предписание о проведении ремонтных работ. На момент повторной проверки ремонт находился на стадии завершения [14].

Следует также отметить, что согласно ч. 1 ст. 12.1 УИК РФ осужденные к лишению свободы в случае нарушения условий их содержания в исправительном учреждении имеют право обратиться в суд с административным иском о присуждении компенсации за такое нарушение.

Компенсация присуждается исходя из требований заявителя с учетом фактических обстоятельств допущенных нарушений, их продолжительности и последствий независимо от наличия либо отсутствия вины органов государственной власти, их должностных лиц, государственных служащих, в том числе администрации исправительного учреждения.

Присуждение компенсации за нарушение условий содержания осужденного в исправительном учреждении не препятствует возмещению вреда в соответствии со ст. 1069 и 1070 ГК РФ, однако лишает права на компенсацию морального вреда.

В 2020 г. в суды субъектов РФ было подано 1450 административных исковых заявлений о признании условий содержания в исправительных учреждениях ненадлежащими и присуждении компенсации за нарушения.

Аналогичные по тематике жалобы поступают и к уполномоченным по правам человека в субъектах РФ [15, с. 709].

Общественные наблюдательные комиссии в своих отчетах указывают на нарушения права осужденных на охрану здоровья, связанные с оказанием несвоевременной и часто некачественной медицинской помощи, некомплектованностью штата врачей, трудностями досрочного освобождения лиц по состоянию здоровья от дальнейшего отбывания наказания и т.п. [16, с. 50].

Неправительственные правозащитные организации отмечают, что 35% получаемых жалоб от осужденных из исправительных учреждений связаны с плохой охраной здоровья и неудовлетворительной медицинской помощью. Из них 16% жалоб указывают на нарушение санитарно-гигиенических норм и плохое питание [17].

Однако не менее значимой является проблема профилактики и лечения осужденных к наказаниям без изоляции от общества, страдающих социально значимыми заболеваниями, несмотря на то, что эта категория осужденных получает медицинскую по-

мощь в том же объеме и в тех же учреждениях, что и обычные граждане.

Лечебно-профилактическая и санитарно-профилактическая помощь осужденным к наказаниям без изоляции от общества оказывается в соответствии с законодательством РФ об охране здоровья и уголовно-исполнительным законодательством РФ, устанавливающим порядок и условия отбывания наказания.

К таким социально значимым заболеваниям, относятся: туберкулез, гепатит В, гепатит С, злокачественные новообразования, сахарный диабет, болезнь, вызванная вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ), венерические заболевания, психические расстройства и расстройства поведения, болезни, характеризующиеся повышенным кровяным давлением. Такие заболевания сопровождаются высокой смертностью, могут негативно влиять на поведение осужденного в период отбывания наказания, затруднять его ресоциализацию, а инфекционные заболевания представляют эпидемиологическую опасность для всего общества [18, с. 21–26]. В этой связи уголовно-исполнительным инспекциям необходимо проводить профилактическую работу с осужденными к наказаниям без изоляции от общества, имеющими социально значимые заболевания, осуществлять контроль за их поведением (образом жизни, отношением к своему здоровью) и получением медицинской помощи.

Анализ нарушений прав осужденных на охрану здоровья и медицинскую помощь свидетельствует об имеющихся сегодня в уголовно-исполнительной сфере проблемах организационного и финансового характера, которые затрагивают не только правовые, но и гуманитарные аспекты и требуют скорейшего решения.

Задачи по стабилизации эпидемиологической ситуации с инфекционными заболеваниями, снижению уровня заболеваемости осужденных, их инвалидности и смертности обуславливают необходимость реализации комплекса мер, направленных на обеспечение пенитенциарной безопасности, улучшение условий содержания в местах изоляции, увеличение роли профилактики заболеваний и формирование здорового образа жизни у осужденных, повышение качества оказания медицинской помощи, в том числе внедрение современных методов диагностики и лечения наиболее распространенных заболеваний и их выявление на ранней стадии.

Дальнейшее развитие ведомственной медицинской службы должно соответствовать основным направлениям совершенствования системы здравоохранения РФ, а также Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года, учитывающей международные рекомендации по охране здоровья и оказанию медицинской помощи осужденным.

В настоящее время остается нерешенным вопрос о лицах, освобождаемых из исправительных учреждений, которые не прошли полный курс лечения. Как правило, в связи с отсутствием постоянного места жительства и доступности получения медицинской помощи, а также нередко халатного отношения к своему здоровью после освобождения они не обращаются в медицинские учреждения. На наш взгляд, такие лица, имеющие социально значимые заболева-

ния, в первую очередь инфекционные, должны подлежать административному надзору после освобождения из мест лишения свободы в целях обеспечения контроля за состоянием их здоровья, что потребует внесения дополнений в ст. 3 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» и ст. 173.1 УИК РФ.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (в ред. от 2 июля 2021 г.) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.
2. Приказ Минюста России от 28 декабря 2017 г. № 285 (в ред. от 31 января 2020 г.) «Об утверждении Порядка организации оказания медицинской помощи лицам, заключенным под стражу или отбывающим наказание в виде лишения свободы» (зарегистрирован в Минюсте России 9 февраля 2018 г. № 49980) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Правительства РФ от 28 декабря 2012 г. № 1466 «Об утверждении Правил оказания лицам, заключенным под стражу или отбывающим наказание в виде лишения свободы, медицинской помощи в медицинских организациях государственной и муниципальной систем здравоохранения, а также приглашения для проведения консультаций врачей-специалистов указанных медицинских организаций при невозможности оказания медицинской помощи в учреждениях уголовно-исполнительной системы» // СЗ РФ. 2013. № 1. Ст. 61.
4. Королева К. А. Проблемы реализации права осужденных на охрану здоровья // Сборник научных трудов студентов и курсантов Самарского юридического института ФСИН России. Самара : Самарский юридический институт ФСИН России, 2021.
5. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года, утв. распоряжением Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р // СПС «КонсультантПлюс».
6. Обзор информации о деятельности ФСИН России за I полугодие 2021 года // ФСИН России : сайт. URL: <https://fsin.gov.ru/statistics/> (дата обращения: 20.10.2021).
7. Характеристика уголовно-исполнительной системы // ФСИН России : сайт. URL: <https://fsin.gov.ru/statistics/> (дата обращения: 20.10.2021).
8. Постановление Правительства РФ от 26 декабря 2017 г. № 1640 (в ред. от 24 июля 2021 г.) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения»» // СЗ РФ. 2018. № 1 (ч. 2). Ст. 373.
9. Обзор обращений граждан, осужденных и лиц, содержащихся под стражей, в ФСИН России // ФСИН России : сайт. URL: <https://fsin.gov.ru/statistics/> (дата обращения: 20.10.2021).
10. Генеральная прокуратура Российской Федерации : сайт. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/regional-news/news-1751080/> (дата обращения: 20.10.2021).
11. Генеральная прокуратура Российской Федерации : сайт. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_08/ (дата обращения: 20.10.2021).
12. Детков А. П., Филиппова Н. А. К вопросу о реализации права на охрану здоровья осужденных к лишению свободы в Алтайском крае // Известия АлтГУ. Юридические науки. 2018. № 6 (104).
13. Генеральная прокуратура Российской Федерации : сайт. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_40/ (дата обращения: 20.10.2021).
14. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2020 год // Российская газета. 2021. 1 апр. № 70.
15. Борсученко С. А., Уголькова Е. И. Правовые аспекты пенитенциарной медицины // Уголовное право : стратегия развития в XXI веке : материалы XVI Международной научно-практической конференции. М. : РФ-Пресс, 2019.
16. Никитин Д. А. Особенности обеспечения общественного контроля за соблюдением права осужденных на охрану здоровья // Уголовно-исполнительное право. 2021. Т. 16 (1-4). № 1.

17. Более трети жалоб из мест лишения свободы говорят о неудовлетворительной медицинской помощи // Медицинский вестник : сайт. URL: <http://www.medvestnik.ru/content/Bolee-treti-jalob-iz-mest-lisheniya-svobody-govoryat-o-neudovletvoritelnoi-medicinskoi-pomoshi.html> (дата обращения: 20.10.2021).
18. Дворянсков И. В. Проблемы профилактической работы с осужденными к наказаниям без изоляции от общества, имеющими социально значимые заболевания // Ведомости Уголовно-исполнительной системы. 2017. № 6 (181).

References

1. Federal Law of 21 November 2011 No. 323-FZ "On the Basics of Protecting the Health of Citizens in the Russian Federation" (as amended on 2 July 2021). *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2011. No. 48. Art. 6724.
2. Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation of 28 December 2017 No. 285 "On Approval of the Procedure for Organizing the Provision of Medical Care to Persons in Custody or Serving a Sentence of Imprisonment" (registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation on 9 February 2018 No. 49980) (as amended on 31 January 2020) (SPS "ConsultantPlus").
3. Decree of the Government of the Russian Federation of 28 December 2012 No. 1466 "On Approval of the Rules for Providing Medical Care to Persons in Custody or Serving a Sentence of Imprisonment in Medical Organizations of the State and Municipal Health Systems, as Well as Invitations for Consultations of Specialist Doctors of These Medical Organizations if It Is Impossible to Provide Medical Care in Institutions of the Penitentiary System". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2013. No. 1. Art. 61.
4. Koroleva K. A. Problems of Realization of the Right of Convicts to Health Protection. In *Collection of Scientific Works of Students and Cadets of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia*. Samara: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia Publ., 2021.
5. Concept of the Development of the Penal System of the Russian Federation for the Period up to 2030, approved by the Decree of the Government of the Russian Federation of 29 April 2021 No. 1138-r (SPS "ConsultantPlus").
6. Overview of Information on the Activities of the Federal Penitentiary Service of Russia for the First Half of 2021. URL: <https://fsin.gov.ru/statistics/> (date of application: 20.10.2021).
7. Characteristics of the Penal Enforcement System. URL: <https://fsin.gov.ru/statistics/> (date of application: 20.10.2021).
8. Decree of the Government of the Russian Federation of 26 December 2017 No. 1640 "On Approval of the State Program of the Russian Federation 'Development of Healthcare'" (as amended on 24 July 2021). *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2018. No. 1 (Part 2). Art. 373.
9. Review of Appeals of Citizens, Convicts and Persons in Custody to the Federal Penitentiary Service of Russia. URL: <https://fsin.gov.ru/statistics/> (date of application: 20.10.2021).
10. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/regionalnews/news-1751080/> (date of application: 20.10.2021).
11. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_08/ (date of application: 20.10.2021).
12. Detkov A. P. Filippova N. A. On the Realization of the Right to Health Protection of Persons Sentenced to Imprisonment in the Altai Territory. *News of Altai State University. Legal Sciences*. 2018. No. 6 (104).
13. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_40/ (date of application: 20.10.2021).
14. Report on the Activities of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation for 2020. *Rossiiskaia Gazeta*. 1 April 2021. No. 70.
15. Borsuchenko S. A., Ugolkova E. I. Legal Aspects of Penitentiary Medicine. In *Criminal Law: Development Strategy in the 21st Century: Materials of the 16th International Scientific and Practical Conference*. Moscow: RG-Press, 2019.
16. Nikitin D. A. Features of Ensuring Public Control over the Observance of the Right of Convicts to Health Protection. *Penal Enforcement Law*. 2021. Vol. 16 (1-4). No. 1.
17. More Than a Third of Complaints From Places of Deprivation of Liberty Speak About Unsatisfactory Medical Care. URL: <http://www.medvestnik.ru/content/Bolee-treti-jalob-iz-mest-lisheniya-svobody-govoryat-o-neudovletvoritelnoi-medicinskoi-pomoshi.html> (date of application: 20.10.2021).
18. Dvorianskov I. V. Problems of Preventive Work with Those Sentenced to Punishment Without Isolation From Society Who Have Socially Significant Diseases. *Sheets of the Penal Enforcement System*. 2017. No. 6 (181).

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОЛОНТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЯХ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-4-94-100>

Одним из структурных элементов гражданского общества являются неправительственные организации, которые играют ключевую роль в его развитии и становлении. Волонтерская деятельность выступает одним из наиболее эффективных способов решения социально значимых для государства задач, особенно в чрезвычайных ситуациях, которые носят непредвиденный характер и требуют оперативных действий для их скорейшего устранения и поддержания минимального уровня социальной обеспеченности пострадавших и нуждающихся граждан на период действия чрезвычайных ситуаций. Согласно Конституции РФ Правительство РФ осуществляет меры по поддержке добровольческой (волонтерской) деятельности. В этой связи представляет интерес исследование основ организации и функционирования органов публичной власти во взаимодействии с волонтерским сообществом для выработки рекомендаций, направленных на совершенствование взаимодействия органов власти и неправительственных организаций. В рамках проведенного исследования автором сделаны выводы о необходимости изменения федерального законодательства с целью правовой регламентации особенностей волонтерской работы в чрезвычайных ситуациях. Обосновывается необходимость принятия регламента взаимодействия субъектов, принимающих участие в ликвидации чрезвычайных ситуаций, включая организации добровольческой деятельности. Предлагается введение личной книжки добровольца (волонтера) и перечня организаций, оказывающих услуги по повышению квалификации волонтера, а также введение дополнительных мер социальной поддержки для волонтеров, участвующих в ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. В основе методологии исследования лежат как общенаучные, так и частнонаучные методы познания, к числу которых можно отнести: формально-логический, системный, формально-юридический, компаративистский, диалектический, прогностический, метод моделирования и др.

ДЕМЧЕНКО
Максим Сергеевич

соискатель степени кандидата юридических наук кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин Тюменского государственного университета (г. Тюмень)

max-de.demchenko@ya.ru

Волонтерство в чрезвычайных ситуациях;
гражданское общество;
гражданско-государственное сотрудничество;
гражданская мобилизация;
критические ситуации;
катастрофы;
чрезвычайные ситуации

Maxim S. DEMCHENKO

Applicant Degree of Candidate of Legal Sciences, Department of Theoretical and Public Law Disciplines, Tyumen State University (Tyumen)

max-de.demchenko@ya.ru

Volunteering in emergency situations;
civil society;
civil-state cooperation;
civil mobilization;
critical situations;

SOME PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF VOLUNTEERING IN EMERGENCY SITUATIONS

One of the structural elements of civil society is non-governmental organizations that play a key role in its development and formation. Volunteering is one of the most effective ways to solve socially significant problems for the state, especially in emergency situations that are unforeseen and require prompt action to eliminate them as soon as possible and maintain a minimum level of social security for victims and needy citizens during the period of emergency situations. According to the Constitution, the Government of the Russian Federation is taking measures to support volunteer (volunteer) activities. In this regard, it is of interest to study the foundations of the organization and functioning of public authorities in cooperation with the volunteer community to develop recommendations aimed at improving the interaction of authorities and non-governmental organizations.

disasters; emergencies *Within the framework of the study, the author made conclusions about the need to change federal legislation in order to legalize the features of volunteer work in emergency situations. The necessity of adopting a regulation of interaction of subjects participating in the elimination of emergencies, including the organization of volunteer activities, is substantiated. It is proposed to introduce a personal book of a volunteer (volunteer) and a list of organizations that provide services to improve the qualifications of a volunteer, as well as the introduction of additional social support measures for volunteers involved in emergency response. The research methodology is based on both general scientific and specific scientific methods of cognition, which include: formal-logical, systemic, formal-legal, comparative, dialectical, prognostic, modeling method, etc.*

Итогами общероссийского голосования 2020 г. стало одобрение изменений в Конституцию РФ, которым подверглись основные направления государственной политики, в том числе определяющие полномочия Правительства РФ. Так, одним из новых закрепленных полномочий Правительства РФ стало осуществление мер поддержки институтов гражданского общества, в том числе некоммерческих организаций, обеспечения их участия в выработке и проведении государственной политики.

6 июля 2020 г. на Совете при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания РФ по взаимодействию с институтами гражданского общества (далее – Совет) были отмечены важность и своевременность данной поправки, принятие которой стало итогом последовательной институализации гражданской активности в России. В результате Советом были приняты решения по совершенствованию мер поддержки институтов гражданского общества, их активному вовлечению в выработку и проведение государственной политики в различных сферах жизнеобеспечения, участие в законотворческих процессах, а также были рассмотрены вопросы поддержки некоммерческих организаций (далее – НКО) в условиях распространения новой коронавирусной инфекции и т.д. [1]. Таким образом, внесенные в части поддержки институтов гражданского общества поправки в Конституцию стали одним из полномочий, определяющих приоритетные направления деятельности Правительства РФ.

Обращаясь к рассмотрению вопроса институтов гражданского общества, уместно отметить, что само по себе понятие гражданского общества рассматривается в различных сферах познания, экономике, социологии, политических и правовых науках. Многогранность и широта данного понятия затрудняют перед исследователями задачу формирования единого подхода к указанной категории. По мнению автора, для настоящего исследования достаточно определить, что гражданское общество представляет собой взаимосвязь отдельных индивидов, групп, ин-

ститутов, обеспечивающих участие в различных отраслях жизнедеятельности в пределах своих компетенций и не выходящих за рамки, установленные законом [2, с. 79].

Как пишет А. В. Гаврилов, «именно политичность общества, активное воздействие на государственную власть является конституирующей характеристикой общества в качестве гражданского» [3, с. 9]. Одним из наиболее популярных способов взаимосвязи гражданского общества на уровне отдельных индивидов является объединение граждан в форме НКО. Следует отметить, что НКО в форме общественных объединений составляет подавляющую часть добровольческих организаций.

Волонтерство в чрезвычайных ситуациях

Исторически возникновение волонтерства берет свое начало с XIX в.; тогда благотворительность существовала в основном за счет государственной деятельности, тем не менее имелись и частные пожертвования купцов и меценатов. К концу XIX – началу XX вв. с процессом становления гражданского общества в России стали чаще появляться частные организации, формировавшиеся за счет обычного населения. С приходом советской власти происходит активное развитие добровольческих организаций, находившихся под контролем со стороны государственных структур. В настоящее время тенденция контроля со стороны государства сохранилась и продолжает влиять на деятельность НКО в современной России. Несмотря на это, граждане готовы как самостоятельно, так и в рамках объединений проявлять неравнодушие к проблемам других, добровольно заботясь о людях, природе и животном мире, в том числе в период экстраординарных ситуаций.

В период пандемии новой коронавирусной инфекции образовалась нехватка кадровых ресурсов в государственных медицинских, социальных и иных учреждениях, задействованных в минимизации рисков возникновения чрезвычайных ситуаций (далее – ЧС), помощи пострадавшим и устранении последствий ЧС.

В подобных условиях особую роль играют институты гражданского общества, одним из которых является волонтерство. В июле 2020 г. фондом «Общественное мнение» было произведено социологический опрос по вопросам волонтерства, который показал, что в России существует внушительный потенциал роста волонтерского движения. Так, по данным проведенного исследования, 29% опрошенных осознанно считают себя волонтерами или бывшими волонтерами, из них 9% занимаются этой деятельностью в составе некоммерческих организаций (далее – НКО) или некоммерческих фондов, а 24% хотя бы раз занимались волонтерской деятельностью в условиях чрезвычайных ситуаций [4]. Одним из способов реализации потенциала волонтерства является разработка прозрачной и понятной законодательной базы.

О необходимости регулирования волонтерской деятельности на высоком уровне заговорили после событий 2012 г. в Крымске, где в результате затопления пострадавшими оказались более 30 тыс. человек [5], и 2013 г., когда в результате наводнений на Дальнем Востоке количество жертв превысило 182 тыс. человек [6]. К тому времени на федеральном уровне был разработан законопроект «О добровольчестве (волонтерстве)» [7], который, подвергнувшись всесомой критике со стороны экспертного сообщества и общественности, так и не был принят. Однако сфера правового регулирования добровольчества (волонтерства) все же была закреплена на законодательном уровне путем внесения изменений в Федеральный закон «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» [8]. Так, названный Федеральный закон был дополнен разд. 3.1, содержащим в себе порядок и условия волонтерской деятельности, включая права и обязанности волонтеров, волонтерских организаций, их взаимодействие с органами государственной власти, полномочия органов публичной власти, меры поддержки, создание единой информационной системы.

В условиях пандемии и распространения коронавирусной инфекции COVID-19 область деятельности волонтерства является востребованной, так как волонтеры могут принимать участие в снабжении граждан из повышенной группы риска продуктами первой необходимости, оказанием помощи медицинскому персоналу как в пределах медицинских учреждений, так и за ними, оказывать психологическую помощь заболевшим и гражданам с повышенным чувством тревоги, оказывать правовую поддержку пострадавшим и многое другое. К примеру, в Тюменской области был принят Закон № 37, которым были разграничены полномочия Тюменской областной думы и исполнительных органов власти субъекта Федерации, а также установлен механизм образования координационных органов в указанной сфере [9]. В то

же время, несмотря на правовое регулирование волонтерской деятельности, имеется ряд законодательных пробелов, не позволяющих в полной мере реализовать волонтерский потенциал и полноценный эффект от волонтерской деятельности.

Правовая основа деятельности волонтеров в условиях чрезвычайной ситуации

Анализ непосредственного участия волонтеров, интервью с организаторами волонтерских движений, экспертами, спасателями, руководителями уполномоченных органов в сфере защиты населения и территорий от ЧС позволили нам выделить ряд основных проблем, с которыми сталкиваются волонтерские организации и добровольцы при осуществлении своей деятельности в условиях ЧС [10, с. 562–588; 11, с. 49–71].

Во-первых, в отечественном законодательстве наблюдается недостаточное правовое регулирование деятельности добровольцев (волонтеров) в особых правовых режимах в условиях ЧС, присутствует неопределенность статуса волонтерской работы в чрезвычайных ситуациях. Действительно, с одной стороны, Федеральный закон «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» предусматривает участие волонтеров и добровольческих организаций в пропаганде знаний и подготовке населения к различного рода чрезвычайным ситуациям, осуществление поддержки пострадавших в результате ЧС (ст. 2), с другой стороны, не относит к целям волонтерской деятельности участие добровольцев в ликвидации чрезвычайных ситуаций. В то же время в ст. 15 Закона о чрезвычайных ситуациях говорится только о праве общественных объединений участвовать в мероприятиях по ликвидации чрезвычайных ситуаций. При этом в преамбуле Федерального закона «Об аварийно-спасательных службах...» при определении правового регулирования вместо добровольцев (волонтеров) используется понятие «граждане Российской Федерации», такой терминологический пробел приводит к ограничению круга лиц, способных участвовать в аварийно-спасательной деятельности, так как добровольцами помимо граждан РФ могут быть как иностранные граждане, так и лица без гражданства.

Для устранения подобных законодательных пробелов, на наш взгляд, требуется дополнить п. 1 ст. 2 Федерального закона «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» следующим содержанием: «содействия в предупреждении и (или) ликвидации чрезвычайных ситуаций». Предлагается также заменить в ст. 15 Закона о чрезвычайных ситуациях словосочетание «общественные объединения» на «субъект добровольческой деятельности» в сослагательных наклонениях; в абз. 1 преамбулы

Федерального закона «Об аварийно-спасательных службах...» словосочетание «общественными объединениями» на «субъектами добровольческой деятельности», в абз. 2 «граждан Российской Федерации» на «добровольцев». Таким образом, указанные изменения позволят закрепить статус волонтерской работы и преодолеть препятствия для осуществления волонтерской деятельности, не ограничиваясь только лишь волонтерскими организациями, а включить в систему волонтерства в условиях чрезвычайных ситуаций как организаторов волонтерской деятельности, так и волонтеров действующих самостоятельно.

Во-вторых, отсутствует надлежащая коммуникация и координация действий между приезжающими в зону ЧС добровольцами и органами государственной власти.

В-третьих, отсутствует надлежащий уровень подготовки волонтеров для решения ставящихся перед ними задач.

Следует обратить внимание, что, несмотря на упоминание волонтерской деятельности, в отраслевом законодательстве и разработанных методических рекомендациях по взаимодействию государственных учреждений с волонтерскими организациями и организаторами волонтерской деятельности присутствует правовая неопределенность. Проведенный анализ законодательства показывает, что взаимодействие государственных учреждений с волонтерскими организациями и организаторами волонтерской деятельности устанавливается однотипными актами федеральных органов исполнительной власти, которые регулируют взаимоотношения сторон в части подачи заявок и заключения соглашения с субъектами добровольческой деятельности и подведомственными учреждениям для дальнейшего взаимодействия [12; 13; 14]. Вместе с тем закрепленный на законодательном уровне порядок взаимодействия государственных учреждений и субъектов добровольческой деятельности участвующих в устранении последствий чрезвычайных ситуаций в зоне ЧС отсутствует, что вносит хаотичность в процесс построения работы с неправительственными структурами.

Одним из примеров сложностей коммуникации добровольцев и государственных учреждений является введение по территории г. Москвы с 15 апреля 2020 г. цифрового пропуска для свободного передвижения по городу. Некоторые организаторы волонтерской деятельности указывали на недействительность пропусков и, как следствие, невозможность оказания помощи нуждающимся, а также на отсутствие регламента, устанавливающего порядок выдачи пропусков [15].

Вместе с тем следует заметить, что для получения полного представления о проблемах взаимодействия следует обратить внимание на нюансы, указан-

ные в том числе государственными органами, принимающими участие в ликвидации последствий ЧС. Так как чрезвычайные ситуации зачастую носят непредсказуемый характер, являясь труднопрогнозируемыми, то и участие добровольцев носит, как правило, спонтанный характер. Так, экспертами отмечается, что прибытие к месту ЧС большого количества так называемых спонтанных добровольцев создает проблемы координации, коммуникации и встраивания в процессы работы с ними из-за низкого уровня подготовки, дисциплины, самоорганизованности. В связи с большим потоком желающих в месте расположения сил и средств для борьбы с ЧС создаются заторы, что препятствует нормальной деятельности профессиональных служб спасения. Помимо этого отмечается, что низкий уровень подготовки волонтеров подвергает риску как самих добровольцев, так и пострадавших в зоне ЧС [16, с. 10–15].

По нашему мнению, для достижения эффективной координации ведомственных органов с добровольческим сообществом в зоне чрезвычайной ситуации требуется разработка регламента, который будет включать в себя права и обязанности как волонтеров, прибывающих в зону чрезвычайной ситуации, так и государственных учреждений, принимающих участие в зоне ЧС. Установление прав и обязанностей ответственного лица за взаимодействие с добровольцами. Для определения потребности в волонтерской помощи в зоне ЧС и контролируемом вовлечении волонтеров требуется введение мониторинга для определения потребности в добровольцах с описанием не только количественных, но и качественных критериев (опыт работ, обладание определенными навыками, аттестация и т.д.), с обязанностью государственных органов по размещению указанной информации в единой информационной системе в сфере волонтерства.

Помимо этого следует в рамках единой информационной системы реализовать право волонтеров на ведение личной книжки добровольца (волонтера), которая будет содержать в себе персональные сведения волонтера, позволяющего идентифицировать его, содержать в себе учет добровольческой деятельности, опыт, количество часов, перечень выполненных работ и услуг, список пройденного обучения, аттестация, допуск к различным видам волонтерской деятельности, в том числе в зону ЧС и прочее. Необходимо также создание перечня государственных и некоммерческих организаций, оказывающих услуги по повышению квалификации волонтеров в различных сферах деятельности. Предложенные нововведения, на наш взгляд, позволят упорядочить взаимодействие государственных учреждений с неправительственными организациями и приведет к эффективности деятельности взаимодействующих сторон.

В-четвертых, отсутствуют реальные меры социальной поддержки для лиц, осуществляющих волонтерскую деятельность.

Полагаем, что для активного вовлечения населения к участию в добровольческой деятельности требуется должный уровень социальной поддержки. Например, в большинстве европейских стран и США государство засчитывает время посвященной добровольцем волонтерской деятельности в трудовой стаж [17, с. 12]. В свою очередь, в Македонии введена обязательная выплата пособий по безработице на период осуществления волонтерства и дополнительные выходные дни или предоставление отпуска при необходимости. Имеют место систематическое прохождение обучения (Франция, Германия, Испания), выдача рекомендательных писем (Казахстан, Молдова) и т.д.

Помимо перечисленного позитивного опыта зарубежных стран возможно введение практики установления гарантий для волонтеров в части сохранения за ними места работы в период осуществления им добровольческой деятельности в зоне ЧС и повышенного размера выплат денежного пособия в случае гибели (смерти) или инвалидности волонтера вследствие ущерба жизни или здоровью, полученного во время оказания волонтерской помощи

в зоне ЧС. Таким образом, опыт зарубежных стран, использующих меры социальной поддержки, с учетом экономических и социальных особенностей нашей страны, способен дать положительный эффект в привлечении новых лиц к осуществлению волонтерской деятельности.

В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что в РФ существует необходимость в устранении определенных правовых пробелов и препятствий в правовой регламентации волонтерской деятельности. В первую очередь следует устранить терминологические дефекты, закрепить на законодательном уровне личную книжку волонтера (добровольца), придав ей юридическое значение, регламентировать порядок взаимодействия заинтересованных сторон в особых правовых режимах в условиях чрезвычайных ситуаций, в том числе в зоне ЧС. Необходимо дополнить социальные меры поддержки волонтеров, участвующих в добровольческой деятельности.

Перечисленные предложения по совершенствованию законодательного регулирования способны, как нам кажется, оказать положительный эффект на добровольческую деятельность волонтеров, популяризовать активность и создать стимулы для вовлечения граждан в волонтерскую деятельность.

Пристатейный библиографический список

1. Перспективы конституционной новации об участии институтов гражданского общества в выработке государственной политики // Совет Федерации Федерального собрания Российской Федерации : сайт. URL: <http://council.gov.ru> (дата обращения: 20.10.2021).
2. *Нерсесянц В. С.* Гегелевская философия права : история и современность. М. : НОРМА, 2013.
3. *Гаврилов А. В.* Государство и гражданское общество : функциональный анализ взаимодействия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2007.
4. Аналитический отчет «Исследования потенциала развития добровольчества в Российской Федерации» // Добро.Журнал : сайт. URL: https://dobro.press/wp-content/uploads/2020/06/Analiticheskiy-otchet_potentsial-razvitiya-v-RF.pdf (дата обращения: 20.10.2021).
5. 2012 : Катастрофы года // Интерфакс : сайт. URL: <https://www.interfax.ru/russia/282407> (дата обращения: 20.10.2021).
6. *Игнатова О.* Уникальные операции российских спасателей за последние 20 лет // Российская газета : сайт. URL: <https://rg.ru/2013/12/27/spasateli-site.html> (дата обращения: 20.10.2021).
7. Проект федерального закона «О добровольчестве (волонтерстве)» № 300326–6 // Документ не был принят.
8. Федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ (в ред. от 8 декабря 2020 г.) «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3340.
9. Закон Тюменской области от 26 апреля 2018 г. № 37 «О регулировании отдельных отношений в сфере добровольчества (волонтерства) в Тюменской области» // Тюменская область сегодня. 2018. № 76.
10. *Невский А. В.* Добровольные спасатели в системе ликвидации ЧС в России : к вопросу о взаимодействии гражданских организаций и государства // Власть и элиты. 2018. № 5.
11. *Башева О. А., Ермолаева П. О.* Феномен цифрового волонтерства в чрезвычайных ситуациях: сущность, виды, теоретические рамки // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 1.

12. Акт министерств и ведомств от 26 июля 2019 г. № 96н «Об утверждении порядка взаимодействия федеральных государственных учреждений, подведомственных Министерству здравоохранения Российской Федерации, с организаторами добровольческой (волонтерской) деятельности и добровольческими (волонтерскими) организациями при содействии в оказании медицинской помощи в организациях, оказывающих медицинскую помощь» // Официальный интернет-портал правовой информации. 2019.
13. Акт министерств и ведомств от 2 октября 2020 г. № 422 «Об утверждении Порядка взаимодействия Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, его территориальных органов и подведомственных ему государственных учреждений с организаторами добровольческой (волонтерской) деятельности и добровольческими (волонтерскими) организациями в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, обеспечения пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах» // Официальный интернет-портал правовой информации. 2020.
14. Письмо от 25 сентября 2019 г. № 28-2/И/2-8923 «О направлении Методических рекомендаций к порядкам взаимодействия органов власти, государственных учреждений, с организаторами добровольческой (волонтерской) деятельности и добровольческими (волонтерскими) организациями при содействии в оказании медицинской помощи в организациях, оказывающих медицинскую помощь» // Документ опубликован не был.
15. Можно ли считать спонтанным волонтерство в условиях природных и техногенных катастроф? // Высшая школа экономики URL: <https://grans.hse.ru/mirror/pubs/share/275852900> (дата обращения: 20.10.2021).
16. Данилова Е. В. Международный опыт волонтерской деятельности // Вестник РМАТ. 2015. № 4.
17. Горлова Н. И., Крутицкая Е. В. Особенности регулирования волонтерской деятельности в зарубежных странах : историко-правовой аспект // Юридическая мысль. 2018. № 3 (107).
18. Башева О. А., Ермолаева П. О. Феномен цифрового волонтерства в чрезвычайных ситуациях : сущность, виды, теоретические рамки // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 1.
19. Распоряжение Правительства РФ от 27 декабря 2018 г. № 2950-р «Об утверждении Концепции развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 год» // СЗ РФ. 2018. № 53 (ч. 2). Ст. 8791.

References

1. Prospects for Constitutional Innovation on the Participation of Civil Society Institutions in the Development of State Policy. URL: <http://council.gov.ru> (date of application: 20.10.2021).
2. *Nersesiants V. S. Hegel's Philosophy of Law: History and Modernity.* Moscow: Norma, 2013.
3. *Gavrilov A. V. State and Civil Society: Functional Analysis of Interaction: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences.* Nizhny Novgorod, 2007.
4. Analytical Report "Research on the Potential for the Development of Volunteerism in the Russian Federation". URL: https://dobro.press/wp-content/uploads/2020/06/Analiticheskiy-otchet_potentsial-razvitiya-v-RF.pdf (date of application: 20.10.2021).
5. 2012: Catastrophes of the Year. URL: <https://shchshchshch.interfakh.ru/russia/282407> (date of application: 20.10.2021).
6. *Ignatova O. Unique Operations of Russian Rescuers over the Past 20 Years.* URL: <https://rg.ru/2013/12/27/spasateli-site.khtml> (date of application: 20.10.2021).
7. Draft Federal Law No. 300326-6 "On Volunteering (Volunteering)".
8. Federal Law of 11 August 1995 No. 135-FZ "On Charitable Activities and Charity Organizations". *Collection of the Legislation of the Russian Federation.* 1995. No. 33. Art. 3340.
9. Law of the Tyumen Region of 26 April 2018 No. 37 "On Regulation of Certain Relations in the Sphere of Volunteering (Volunteering) in the Tyumen Region". *Tyumen Region Today.* 2018. No 76.
10. *Nevskii A. V. Volunteer Rescuers in the System of Emergency Response in Russia: To the Question of Interaction Between Civil Organizations and the State.* *Power and Elite.* 2018. No 5.
11. *Basheva O. A. Phenomenon of Digital Volunteering in Emergency Situations: Essence, Types, Theoretical Framework.* *Bulletin of the Institute of Sociology.* 2020. Vol. 11 (1).
12. Act of Ministries and Departments of 26 July 2019 No. 96n "On Approval of the Procedure of Interaction of Federal State Institutions Subordinated to the Ministry of Health of the Russian Federation With Organizers of Voluntary (Volunteer) Activities and Volunteer (Volunteer) Organizations When Assisting in Providing Medical Care in Organizations Providing Medical Care". *Official Internet Portal of Legal Information.* 2019. (in Russian)
13. Act of Ministries and Departments of 2 October 2020 No. 422 "On Approval of the Procedure of Interaction of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defence, Emergencies and Elimination of Consequences of Nat-

- ural Disasters, Its Territorial Bodies and Subordinate State Institutions with Organisers of Voluntary (Volunteer) Activities and Volunteer (Volunteer) Organisations in the Protection of Population and Territories From Emergencies, Ensuring Fire Safety and Safety of People on Water Bodies". *Official Internet Portal of Legal Information*. 2020. (in Russian)
14. Letter of 25 September 2019 No. 28-2/1/2-8923 "On Sending the Methodological Recommendations to the Procedures of Interaction of Authorities, State Institutions, with Organisers of Voluntary (Volunteer) Activities and Volunteer (Volunteer) Organisations When Assisting in Providing Medical Assistance in Organisations Providing Medical Assistance".
 15. Can Volunteering in Natural and Man-Made Disasters Be Considered Spontaneous? URL: [khttps://grans.khse.ru/mirror/pubs/share/275852900](https://grans.khse.ru/mirror/pubs/share/275852900) (date of application: 20.10.2021).
 16. *Danilova E. V.* International Experience of Volunteering. *Vestnik RMAT*. 2015. No. 4.
 17. *Gorlova N. I.* Features of Regulation of Volunteering in Foreign Countries: Historical and Legal Aspect. *Juridical Thought*. 2018. No. 3 (107).
 18. *Basheva O. A.* The Phenomenon of Digital Volunteering in Emergencies: Essence, Types, Theoretical Framework. *Bulletin of the Institute of Sociology*. 2020. Vol. 11 (1).
 19. Order of the Government of the Russian Federation of 27 December 2018 No. 2950-r "On Approval of the Concept of Development of Volunteering (Volunteering) in the Russian Federation until 2025". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2018. No. 53 (Part 2). Art. 8791.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУДОВ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ И ОРГАНОВ, СОДЕЙСТВУЮЩИХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ПРАВОСУДИЯ, В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД, ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД И НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-4-101-108>

Статья посвящена правовому регулированию организации и функционального взаимодействия судов общей юрисдикции и органов, содействующих осуществлению правосудия, в советский, постсоветский периоды и в настоящее время. В работе анализируется эволюция принципов организации судебной власти и органов, содействующих осуществлению правосудия, в советский и постсоветский период, а также настоящее время. Анализируются законодательные акты, определившие структуру, организационные формы и принципы судебной системы. Предметом исследования являются правовые основы функционального взаимодействия судов общей юрисдикции и органов, содействующих осуществлению правосудия, в советский, постсоветский периоды и в настоящее время. Цель статьи – проанализировать факторы и направления реформирования организации и функционального взаимодействия судов общей юрисдикции и органов, содействующих осуществлению правосудия, в советский, постсоветский периоды и в настоящее время. Методология проведенного исследования: использовались диалектический метод познания, исторический, сравнительный, социологический, системный и другие общенаучные методы исследования. В результате проведенного исследования осуществлен анализ направлений реформирования организации и функционального взаимодействия судов общей юрисдикции и органов, содействующих осуществлению правосудия, в советский, постсоветский периоды и в настоящее время. Научная новизна определяется комплексным исследованием развития системы взаимодействия судов общей юрисдикции и органов, содействующих осуществлению правосудия, в советский, постсоветский периоды и в настоящее время. Автор прослеживает процесс становления и развития функционального взаимодействия судов общей юрисдикции и органов, содействующих осуществлению правосудия. Проведенный анализ необходим для теоретического осмысления и практической реализации реформирования и нормативного регулирования процесса взаимодействия судов общей юрисдикции и органов, содействующих осуществлению правосудия. Сделан вывод о том, что процесс взаимодействия судов общей юрисдикции и органов, содействующих осуществлению правосудия, представляет собой комплекс отношений, возникающих между судом и определенным государственным органом, которые могут складываться на любой из стадий судопроизводства, а также по итогам судопроизводства, после вынесения судебного постановления. Это сложный механизм, не имеющий в настоящее время системного нормативного правового регулирования.

**КОСОБРОДОВ
Никита Владимирович**

аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики
Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА
Минюста России) (г. Москва)

kosobrodov-n@yandex.ru

**Суд;
органы, содействующие
осуществлению правосудия;
правосудие;
правоохранительные органы**

Nikita V. KOSOBRODOV

Postgraduate Student, Department of
Criminal Procedure and Criminalistics,
All-Russian State University of Justice
(Moscow)

kosobrodov-n@yandex.ru

LEGAL REGULATION OF THE ORGANIZATION AND FUNCTIONAL INTERACTION OF COURTS OF GENERAL JURISDICTION AND BODIES PROMOTING THE ADMINISTRATION OF JUSTICE IN THE SOVIET PERIOD, THE POST-SOVIET PERIOD AND THE PRESENT

**Court;
bodies promoting the
administration of justice;
justice;
law enforcement agencies**

The article is devoted to the legal regulation of the organization and functional interaction of courts of general jurisdiction and bodies promoting the administration of justice in the Soviet, post-Soviet periods and at the present time. The paper analyzes the evolution of the principles of the organization of the judiciary and the bodies that promote the administration of justice in the Soviet and post-Soviet period, as well as the present. Legislative acts defining the structure, organizational forms and principles of the judicial system are analyzed. The subject of the study is the legal basis of the functional interaction of courts of general jurisdiction and bodies that promote the administration of justice in the Soviet, post-Soviet periods and at the present time. The goal of the research is to analyze the factors and directions of reforming the organization and functional interaction of courts of general jurisdiction and bodies promoting the administration of justice in the Soviet, post-Soviet periods and at the present time. Methodology of the conducted research: the dialectical method of cognition, historical, comparative, sociological, systemic and other general scientific research methods were used. As a result of the conducted research, the analysis of the directions of reforming the organization and functional interaction of courts of general jurisdiction and bodies promoting the administration of justice in the Soviet, post-Soviet periods and at the present time is carried out. Scientific novelty is determined by a comprehensive study of the development of the system of interaction between courts of general jurisdiction and bodies that promote the administration of justice in the Soviet, post-Soviet periods and at the present time. The author traces the process of formation and development of functional interaction between courts of general jurisdiction and bodies that promote the administration of justice. The analysis carried out is necessary for theoretical understanding and practical implementation of the reform and regulatory regulation of the process of interaction between courts of general jurisdiction and bodies promoting the administration of justice.

Первым нормативным правовым актом в советской России стал Декрет СНК «О суде» от 22 ноября 1917 г. В соответствии с данным Декретом были упразднены существующие общие судебные установления: окружные суды, судебные палаты и Правительствующий сенат со всеми департаментами, военные и морские суды всех наименований, а также коммерческие суды. Заменены все эти установления судами, образуемыми на основании демократических выборов.

Кроме того, Декретом было приостановлено действие института мировых судей. Они также заменялись избираемыми непрямыми выборами, местными судами в лице постоянного местного судьи и двух очередных заседателей, приглашаемых на каждую сессию по особым спискам очередных судей.

Институты судебных следователей, прокурорского надзора, присяжной и частной адвокатуры были упразднены на основании Декрета.

Декрет ВЦИК от 7 марта 1918 г. № 2 «О суде» дополнил положения названного выше Декрета № 1. В частности, в соответствии с ним были образованы окружные народные суды, члены которых избирались по округам местными Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Общее собрание членов окружного народного суда устанавливало количество гражданских и уголовных отделений в составе председательствующего и не менее двух постоянных членов в каждом. Число членов суда могло быть увеличено или уменьшено местными Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. «Все приговорительные к суду» действия решались коллегиально в составе не менее трех постоянных членов окружного народного суда. Решение дел по существу в гражданских отделениях было возможно в составе трех постоянных членов окружного народного суда и четырех народных заседате-

лей. По уголовным же делам решение их по существу происходило в составе двенадцати очередных заседателей и двух запасных, под председательством одного из постоянных членов суда.

Данным Декретом разрешалась лишь кассация. Для рассмотрения кассационных жалоб на решения окружных народных судов как по гражданским, так и уголовным делам постоянные члены окружных народных судов на общем собрании данной области избирали из своей среды надлежащее количество членов областного народного суда.

Декретом учреждался Верховный судебный контроль в целях достижения единообразия кассационной практики съездов местных народных судей и областных народных судов.

Верховный судебный контроль, в случае отмеченных им противоречий в толковании законов различными кассационными инстанциями, выносил объединяющие принципиальные решения, которые кассационными инстанциями принимаются впредь к руководству. В случаях же обнаружения неустрашимого противоречия между действующим законом и народным правосознанием Верховный судебный контроль делал законодательным органам представления о необходимости издания нового соответствующего закона.

Декрет № 2 предусматривал и правовое регулирование предварительного следствия, обвинения и защиты, народных заседателей и судебного следствия.

Декретом от 20 июля 1918 г. № 3 «О суде» на местные народные суды возложено рассмотрение всех уголовных дел о преступлениях и проступках, за исключением дел о посягательствах на человеческую жизнь, изнасиловании, разбое и бандитизме, подделке денежных знаков, взяточничестве и спекуляции, рассмотрение которых было отнесено к ведению окружных народных судов. Дела о взяточничестве и спекуляции изъяты из ведения революционных трибуналов и переданы их в окружные народные суды.

Положение о высшем судебном контроле, принятое Декретом ВЦИК, СНК РСФСР от 10 марта 1921 г., устанавливало, что на Народный комиссариат юстиции в целях установления правильного и единообразного применения всеми судебными органами законов РСФСР и соответствия их деятельности с общим направлением политики Рабоче-Крестьянского правительства возлагалось: а) общий надзор за деятельностью означенных органов и преподание им руководящих разъяснений и указаний по действующему советскому праву; б) признание не имеющими законной силы приговоров или решений судебных органов РСФСР, хотя и вступивших в законную силу, но по изложенным в ст. 2 постановления основаниям требующих пересмотра; в) разрешение вопроса о возобновлении трех судебных дел ввиду вновь открыв-

шихся обстоятельств, независимо от того, каким органом Республики эти дела были рассмотрены.

В 1922 г. было введено в действие Положение о судостроительстве РСФСР. О. И. Филонова отмечает этой связи, в основу модернизации судебной системы была заложена концепция единого суда [1, с. 29–36]. П. И. Стучка подчеркивал необходимость создания единой судебной системы и соблюдения принципа единства суда, рассматривал их как важнейшую предпосылку революционной законности [2]. По нашему мнению, этот нормативный правовой акт заложил основы единства суда в РСФСР с «прицелом» на дальнейшую позитивную перспективу.

В соответствии со ст. 1 Положения на территории РСФСР действовала следующая единая система судебных учреждений:

1. Народный суд в составе постоянного народного судьи.
2. Народный суд в составе того же постоянного народного судьи и двух народных заседателей.
3. Губернский суд.
4. Верховный Суд РСФСР и его коллегии.

Также временно действовали следующие специальные суды: а) по делам о преступлениях, угрожающих крепости и мощи красной армии, – военные трибуналы; б) по делам об особо важных преступлениях, угрожающих транспорту, – военно-транспортные трибуналы; в) по делам о преступлениях по нарушению Кодекса законов о труде – особые трудовые сессии народных судов; г) по делам земельным – земельные комиссии и д) по делам о спорах об имущественных правах между государственными органами – состоящие при Совете Труда и Обороне и губернских экономических совещаниях центральная и местные арбитражные комиссии.

Для надзора за общим соблюдением законов, непосредственного наблюдения за производством предварительного следствия и дознания, поддержания обвинения на суде действовала государственная прокуратура (ст. 6 Положения).

В соответствии с Положением народным судьей мог быть всякий неопороченный по суду гражданин и гражданка РСФСР, отвечающий следующим условиям: а) иметь право избирать и быть избранным в советы; б) иметь не менее двухгодичного трудового стажа ответственной политической работы в рабоче-крестьянских общественных, профессиональных или партийных рабочих организациях или трех лет стажа практической работы в органах советской юстиции, на должностях не ниже народного следователя (ст. 11 Положения).

Народными заседателями могли быть все трудящиеся граждане РСФСР обоюбого пола, имевшие право избирать и быть избранными в местные советы. Не имели права быть народными заседателями лица, опо-

роченные по суду, либо исключенные из общественных и профессиональных организаций постановлениями последних за позорящие поступки и поведение.

Губернский суд действовал в качестве судебного центра губернии и органа непосредственного надзора за деятельностью подведомственных ему народных судов; в качестве органа кассационного рассмотрения восходящих до него кассационных жалоб и протестов на приговоры и решения подведомственных ему народных судов и частных жалоб на определения тех же судов; в качестве суда первой инстанции по делам, отнесенным законом к ведению губернского суда (ст. 39 Положения).

Верховный Суд РСФСР действовал в составе: а) президиума Верховного Суда; б) пленарного заседания Верховного Суда; в) кассационных коллегий Верховного Суда по уголовным и гражданским делам; г) судебной коллегии, военной и военно-транспортной коллегии Верховного Суда; д) дисциплинарной коллегии Верховного Суда.

Для предварительного расследования подлежащих судебному рассмотрению преступных действий, в пределах вверенных им участков и при отдельных судебных учреждениях, под наблюдением прокуроров и губернских судов, действуют народные следователи (ст. 7 Положения).

Статья 34 Положения устанавливала условия, запрещавшие быть следователями: а) лица, опороченные по суду или исключенные из среды общественных организаций за порочащие поступки и поведение; б) не имеющие по крайней мере двухлетнего стажа работы по советской юстиции в должностях не ниже секретаря народного судьи или не сдавшие соответствующего испытания при губернском суде; в) не имеющие права избирать в местные советы; г) лица, замеченные во время гражданской войны в нелояльном отношении к советской власти или причастности к антисоветским партиям.

Кроме того, действовали коллегии защитников (ст. 8 Положения), нотариат (ст. 9 Положения).

Согласно Конституции 1924 г. ст. 43 в целях утверждения революционной законности на территории Союза ССР, при ЦИКе Союза ССР учреждался Верховный Суд, к компетенции которого относятся: а) дача верховным судам союзных республик руководящих разъяснений по вопросам общесоюзного законодательства; б) рассмотрение и опротестование перед ЦИКом Союза ССР по представлению прокурора Верховного Суда Союза ССР постановлений, решений и приговоров верховных судов союзных республик, по соображениям противоречия таковых общесоюзному законодательству, или поскольку ими затрагиваются интересы других республик; в) дача заключений по требованию ЦИКа Союза ССР о законности тех или иных постановлений союзных рес-

публик с точки зрения Конституции; г) разрешение судебных споров между союзными республиками; д) рассмотрение дел по обвинению высших должностных лиц Союза в преступлениях по должности.

Верховный Суд Союза ССР действовал в составе: а) пленарного заседания Верховного Суда Союза ССР; б) гражданско-судебной и уголовно-судебной коллегий Верховного Суда Союза ССР; в) военной и военно-транспортной коллегий.

Прокурор Верховного Суда Союза ССР и его заместитель назначались Президиумом ЦИКа Союза ССР. В обязанности прокурора Верховного Суда Союза ССР входили дача заключений по всем вопросам, подлежащим разрешению Верховного Суда Союза ССР, поддержание обвинения в заседании его и, в случае несогласия с решениями пленарного заседания Верховного Суда Союза ССР, опротестование их в Президиум ЦИКа Союза ССР.

Конституция СССР 1936 г. предусматривала, что правосудие в СССР осуществляется Верховным Судом СССР, верховными судами союзных республик, краевыми и областными судами, судами автономных республик и автономных областей, окружными судами, специальными судами СССР, создаваемыми по постановлению Верховного Совета СССР, народными судами.

Закон СССР от 16 августа 1938 г. «О судостроительстве СССР, союзных и автономных республик» к задачам правосудия относил защиту от всяких посягательств: а) установленного Конституцией СССР и конституциями союзных и автономных республик общественного и государственного устройства СССР, социалистической системы хозяйства и социалистической собственности; б) политических, трудовых, жилищных и других личных и имущественных прав и интересов граждан СССР, гарантированных Конституцией СССР и конституциями союзных и автономных республик; в) прав и охраняемых законом интересов государственных учреждений, предприятий, колхозов, кооперативных и иных общественных организаций. Кроме того, задачей правосудия в СССР являлось обеспечение точного и неуклонного исполнения советских законов всеми учреждениями, организациями, должностными лицами и гражданами СССР.

Названные задачи осуществлялись посредством разбирательства в судебных заседаниях уголовных дел и применения установленных законом мер наказания к изменникам родины, вредителям, расхитителям социалистической собственности и другим врагам народа, а также к грабителям, ворам, хулиганам и иным преступникам; а также разбирательства и разрешения в судебных заседаниях дел по спорам, затрагивающим права и интересы граждан, государственных учреждений, предприятий, колхозов и других общественных организации (ст. 4 Закона СССР от 16 августа 1938 г.).

Указом Президиума ВС СССР от 22 июня 1941 г. «Об утверждении Положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий» в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий устанавливался особый порядок организации и комплектования военных трибуналов, порядок рассмотрения дел и опротестования приговоров.

На основании ст. 57 Закона о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик действовали военные трибуналы: а) при военных округах, фронтах и морских флотах; б) при армиях, корпусах, иных воинских соединениях и военизированных учреждениях. Линейные суды железнодорожного и водного транспорта реорганизовались Народным Комиссариатом Юстиции Союза ССР в военные трибуналы соответствующих железных дорог и водных путей сообщения.

Как отмечает Т. Ю. Вилкова, в ст. 12 Основ уголовного судопроизводства 1958 г. кроме прочих был закреплен принцип гласности. Здесь же он получил свое дальнейшее развитие. В наши дни гласность трансформировалась из принципа уголовного судопроизводства в общее условие судебного разбирательства (ст. 241 УПК РФ) [3, с. 103–110].

Военным трибуналам предоставлялось право рассматривать дела по истечении 24 часов после вручения обвинительного заключения (п. 11 Положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий).

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 июля 1948 г. «О дисциплинарной ответственности судей» устанавливал дисциплинарную ответственность судей. Народные судьи, председатели и члены окружных, областных, краевых судов, судов автономных областей, верховных судов союзных и автономных республик, специальных судов, а также члены Верховного Суда СССР могли привлекаться к дисциплинарной ответственности: а) за нарушение трудовой дисциплины; б) за упущения в судебной работе вследствие небрежности или недисциплинированности судьи; в) за совершение поступков, недостойных советского судьи.

Закон СССР от 25 декабря 1958 г. утвердил Основы законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик. Действовали две системы судов: суды Союза ССР и суды союзных республик. Судами Союза ССР являлись Верховный Суд Союза ССР и военные трибуналы. Судами союзных республик – Верховный суд союзной республики, Верховные суды автономных республик, областные, краевые, городские суды, суды автономных областей и национальных округов, районные (городские) народные суды.

Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 7 октября 1977 г.) устанавливала, что все суды в СССР об-

разуются на началах выборности судей и народных заседателей (ст. 152).

В соответствии со ст. 154 Конституции 1977 г. рассмотрение гражданских и уголовных дел во всех судах осуществляется коллегиально; в суде первой инстанции – с участием народных заседателей. Народные заседатели при осуществлении правосудия пользуются всеми правами судьи.

Высший надзор за точным и единообразным исполнением законов всеми министерствами, государственными комитетами и ведомствами, предприятиями, учреждениями и организациями, исполнительными и распорядительными органами местных Советов народных депутатов, колхозами, кооперативными и иными общественными организациями, должностными лицами, а также гражданами возлагался ст. 164 Конституции 1977 г. на Генерального прокурора СССР и подчиненных ему прокуроров.

Нельзя не отметить, что в соответствии с Конституцией 1977 г. ст. 163 разрешение хозяйственных споров между предприятиями, учреждениями и организациями осуществляется органами государственного арбитража в пределах их компетенции. Организация и порядок деятельности органов государственного арбитража определяются Законом о государственном арбитраже в СССР.

Закон СССР от 30 ноября 1979 г. № 1163-Х «О Государственном арбитраже в СССР» к задачам органов государственного арбитража относил обеспечение защиты прав и охраняемых законом интересов предприятий, учреждений и организаций при разрешении хозяйственных споров; активное воздействие на предприятия, учреждения, организации, их вышестоящие органы (министерства, государственные комитеты, ведомства или другие вышестоящие органы) и должностных лиц в целях обеспечения соблюдения ими социалистической законности, своевременного заключения хозяйственных договоров, выполнения плановых заданий и договорных обязательств, борьба с проявлениями местничества и ведомственности в хозяйственной деятельности; неуклонное применение установленных законодательством или договором мер имущественной ответственности за нарушения государственной дисциплины, допускаемые при выполнении плановых заданий и договорных обязательств; обеспечение единообразного и правильного применения законодательства при разрешении хозяйственных споров; содействие улучшению договорной и претензионной работы в народном хозяйстве, предупреждение нарушений законности в хозяйственной деятельности предприятий, учреждений и организаций; разработка предложений и осуществление мер, направленных на совершенствование правового регулирования хозяйственной деятельности.

В СССР действовали следующие государственные арбитражи: Государственный арбитраж СССР; государст-

венные арбитражи союзных республик; государственные арбитражи автономных республик; государственные арбитражи краев, областей (ст. 5 Закона СССР от 30 ноября 1979 г. № 1163-Х).

Закон СССР от 4 августа 1989 г. «О статусе судей в СССР» предусматривал ежегодный созыв конференций судей судов союзной республики, не имеющей областного деления, автономной республики, края, области, города, автономной области, автономного округа. Конференции судей обсуждали, в частности, возникшие в судебной практике вопросы применения законодательства, обращались в Верховный Суд СССР или Верховный Суд союзной республики с предложениями о даче руководящих разъяснений, либо о внесении представлений в порядке законодательной инициативы или о толковании законов; а также избирали квалификационные коллегии судей, в случаях, установленных законодательством.

В соответствии со ст. 15 Закона СССР от 4 августа 1989 г. «О статусе судей в СССР» создавались квалификационные коллегии судей в целях обеспечения выдвижения на судебную работу достойных кандидатов и усиления гарантий независимости судей.

Квалификационные коллегии судей должны были: оценивать подготовленность к судебной работе каждого кандидата, впервые выдвигаемого в народные судьи, и проводят квалификационный экзамен кандидатов в судьи; давать заключения о возможности выдвижения кандидата в народные судьи или в члены вышестоящего суда; проводить квалификационную аттестацию судей; давать заключение по вопросу об отзыве судьи; рассматривать вопрос о дисциплинарной ответственности судьи. Кроме того, квалификационные коллегии судей Верховного Суда СССР и верховных судов союзных республик рассматривали жалобы на решения нижестоящих квалификационных коллегий по вопросам об отзыве и дисциплинарной ответственности судей (ст. 15).

В постсоветской России судебная система подверглась реформе. Было принято постановление ВС РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О концепции судебной реформы в РСФСР», в соответствии с которой Верховный Совет РСФСР постановил считать проведение судебной реформы необходимым условием функционирования РСФСР как демократического правового государства и одним из приоритетных направлений законопроектной деятельности.

В Концепции отмечалось, что объективность и способность воплощать потребности гражданского общества, а не только политическую волю, выраженную в законе. Эти качества позволяют ему лидировать в системе правоохранительных органов, привнося в их деятельность не узковедомственный интерес и субъективизм, а общечеловеческие ценности. Поэтому суд должен занять центральное место в системе правоохранительных органов, осу-

ществляя как прямой, так и косвенный контроль за несудебным (досудебным) производством.

В качестве форм прямого контроля необходимо законодательно закрепить: санкционирование следственных действий, связанных с возможностью ограничения конституционных прав и свобод граждан; последующую проверку законности и обоснованности таких действий и решений органов расследования; разрешение споров между органами, ведущими процесс, и рассмотрение жалоб граждан на органы уголовного преследования.

Одновременно суд должен быть освобожден от любых рудиментов функции уголовного преследования.

Косвенный контроль должен выражаться в том, что стандарты доказывания и решения дел в суде будут служить на ранних стадиях процесса как эталон, несоблюдение которого при направлении суду материалов сводило бы «на нет» шансы выиграть дело. Судебная практика не должна оставлять у следователей, органов дознания и прокуроров сомнений в том, что всякая небрежность, натяжка, фальсификация, отступление от закона обесмыслил их усилия. В частности, не только закон, но и судебная практика должны последовательно исходить из того, что не имеют доказательственной силы материалы, добытые противозаконным образом, в том числе до возбуждения уголовного дела. В результате окажется, что следственное действие не всегда воспроизводимо и допустимость не всякого доказательства может быть восстановлена. Это будет свидетельством значимости судебного контроля за подлинностью материалов предварительного расследования.

Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) в гл. 7 содержит положения, предусматривающие правовое регулирование судебной власти и прокуратуры.

Так, согласно ст. 118 Конституции РФ правосудие в РФ осуществляется только судом. Судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства.

Положения Конституции РФ получили свое развитие в нормах Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации». В соответствии со ст. 1 названного нормативного правового акта судебная власть в РФ осуществляется только судами в лице судей и привлекаемых в установленном законом порядке к осуществлению правосудия присяжных и арбитражных заседателей. Никакие другие органы и лица не вправе принимать на себя осуществление правосудия.

В ранее действующей редакции Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» устанавливалось, что судебную систему составляли федеральные суды, конституционные (уставные) суды

и мировые судьи субъектов РФ (ст. 4). К федеральным судам были отнесены: Конституционный Суд РФ; Верховный Суд РФ, верховные суды республик, краевые и областные суды, суды городов федерального значения, суды автономной области и автономных округов, районные суды, военные и специализированные суды, составляющие систему федеральных судов общей юрисдикции; Высший Арбитражный Суд РФ, федеральные арбитражные суды округов, арбитражные суды субъектов РФ, составляющие систему федеральных арбитражных судов. К судам субъектов РФ отнесены: конституционные (уставные) суды субъектов РФ, мировые судьи, являющиеся судьями общей юрисдикции субъектов РФ.

Ныне действующая редакция Федерального конституционного закона к федеральным судам относит: Конституционный Суд РФ; Верховный Суд РФ; кассационные суды общей юрисдикции, апелляционные суды общей юрисдикции, верховные суды республик, краевые, областные суды, суды городов федерального значения, суды автономной области и автономных округов, районные суды, военные и специализированные суды, составляющие систему федеральных судов общей юрисдикции; арбитражные суды округов, арбитражные апелляционные суды, арбитражные суды субъектов РФ и специализированные арбитражные суды, составляющие систему федеральных арбитражных судов.

Нельзя не отметить, что Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» в гл. 4 предусматривает отдельные положения, устанавливающие основы правового статуса органов судебной системы.

В частности, в соответствии со ст. 29 для выражения интересов судей как носителей судебной власти формируются в установленном федеральным законом порядке органы судебной системы. Высшим органом судебной системы является Всероссийский съезд судей, который формирует Совет судей РФ и Высшую квалификационную коллегия судей РФ.

Федеральный закон от 14 марта 2002 г. № 30-ФЗ «Об органах судебной системы в Российской Федерации» предусматривает компетенцию и порядок образования органов судебной системы.

М. С. Захаренко в этой связи отмечает, что провозглашенная в ст. 1 этого Федерального закона «сплоченная и независимая судебная корпорация, стоящая на страже не только и не столько своих собственных внутрисистемных интересов, сколько в равной степени интересов публичных, в современных реалиях нуждается в переосмыслении» [4, с. 55–58].

В соответствии со ст. 2 названного Федерального закона органами судебной системы в РФ являются: Всероссийский съезд судей; конференции судей субъектов РФ; Совет судей РФ; советы судей субъек-

тов Российской Федерации; общие собрания судей судов; Высшая квалификационная коллегия судей РФ; квалификационные коллегии судей субъектов РФ; Высшая экзаменационная комиссия по приему квалификационного экзамена на должность судьи; экзаменационные комиссии субъектов РФ по приему квалификационного экзамена на должность судьи.

Статья 4 упомянутого Федерального закона основными задачами органов судебной системы определяет: 1) содействие в совершенствовании судебной системы и судопроизводства; 2) защиту прав и законных интересов судей; 3) участие в организационном, кадровом и ресурсном обеспечении судебной деятельности; 4) утверждение авторитета судебной власти, обеспечение выполнения судьями требований, предъявляемых кодексом судейской этики.

Согласно ст. 30 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» обеспечение деятельности Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ осуществляется аппаратами этих судов. Обеспечение деятельности других судов, образованных в соответствии с Федеральным конституционным законом, осуществляется Судебным департаментом при Верховном Суде РФ.

Деятельность Судебного департамента при Верховном Суде РФ регламентирована Федеральным законом от 8 января 1998 г. № 7-ФЗ «О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации». Законодатель прямо не относит Судебный департамент к какой-либо ветви власти.

А. З. Сиратюк отмечает, что в науке нет единства мнений по этому вопросу [5, с. 42–45]. Например, А. М. Тарасов полагает, что «деятельность Судебного департамента непосредственно не относится к правосудию (правоохранительной деятельности судебной власти), к тому же этот Департамент как орган (организационный рабочий аппарат) не входит в судебную систему (систему судопроизводства) и является федеральным государственным органом, по реализуемым функциям – фактически исполнительным органом власти» [6, с. 45–53].

По нашему мнению, в соответствии с анализируемым нормативным правовым актом Судебный департамент при Верховном Суде РФ является федеральным государственным органом, осуществляющим организационное обеспечение деятельности кассационных судов общей юрисдикции, апелляционных судов общей юрисдикции, кассационного военного суда, апелляционного военного суда, верховных судов республик, краевых и областных судов, судов городов федерального значения, судов автономной области и автономных округов, арбитражных судов округов, арбитражных апелляционных судов, арбитражных судов республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, авто-

номных округов, районных, городских и межрайонных судов, окружных (флотских) военных судов, гарнизонных военных судов, специализированных федеральных судов, органов судейского сообщества, финансирование мировых судей и формирование единого информационного пространства федеральных судов и мировых судей.

Положения об организации и функциональном взаимодействии судов общей юрисдикции и органов, содействующих осуществлению правосудия, содержатся в следующих нормативных правовых актах: Федеральном конституционном законе от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации»; Федеральном конституционном законе от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации»; Законе РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»; Федеральном законе от 20 августа 2004 г. № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации»; Федеральном законе от 23 июня 2014 г. № 155-ФЗ «Об органах судейского сообщества Республики Крым и города федерального значения Севастополя»; Положении об органах судейского сообщества в Верховном Суде Российской Федерации (утв. общим собранием судей Верховного Суда РФ 21 октября 2014 г.), а также в приказе Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 20 ноября 2019 г. № 263 «Об утверждении Примерного положения о приемной федерального суда об-

щей юрисдикции и Типового регламента организации деятельности приемной федерального суда общей юрисдикции», приказе Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 21 декабря 2012 г. № 238 «Об утверждении Положения об аппарате федерального суда общей юрисдикции» и некоторых других.

Некоторые положения, касающиеся судов общей юрисдикции и органов, содействующих осуществлению правосудия, и их взаимодействия, разъяснены в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 13 декабря 2012 г. № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов»; Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ, Высшей квалификационной коллегии судей «Обзор практики рассмотрения дел об оспаривании решений квалификационных коллегий судей»; постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 7 августа 2014 г. № 2 «Об утверждении Регламента Верховного Суда Российской Федерации».

На основании изложенного необходимо отметить, что для повышения качества и эффективности отправления правосудия, обеспечения его справедливости необходимо в законодательстве РФ о судебной системе, в иные нормативные правовые акты, регламентирующие деятельность названных органов, а также в акты официального судебного толкования внести дополнения, которыми следует узаконить формы и средства взаимодействия между собой органов, содействующих осуществлению правосудия.

Пристатейный библиографический список

1. *Филонова О. И.* Модернизация судебной системы в период НЭПа: концепция и проекты судостроительства // *Российское правосудие*. 2014. № 8 (100).
2. *Плотник А. А.* Петр Стучка и истоки советской правовой мысли // *Ученые записки*. № 129. Рига : Изд-во Латв. гос. ун-та им. П. Стучки, 1970.
3. *Вилкова Т. Ю.* Принцип гласности в Советском уголовном процессе в период действия УПК РСФСР 1923 года // *Юридическая наука*. 2016. № 2.
4. *Захаренко М. С.* Публично-правовой статус органов судейского сообщества // *Современное право*. 2019. № 5.
5. *Сиротюк А. З.* О проблемах определения элементов системы органов судебной власти Российской Федерации и включения в нее органов со сложной правовой природой // *Российская юстиция*. 2016. № 11.
6. *Тарасов А. М.* Президентский контроль // *Законодательство*. 2003. № 4.

References

1. *Filonova O. I.* Modernization of the Judicial System During the NEP Period: The Concept and Projects of the Judicial System. *Russian Justice*. 2014. No. 8 (100).
2. *Plotnik A. A.* Peter Stuchka and the Origins of Soviet Legal Thought. In *Scientific Notes*. No. 129. Riga: Latin State University named after P. Stuchka Publishing House, 1970.
3. *Vilkova T. Iu.* The Principle of Publicity in the Soviet Criminal Process During the Period of the Criminal Procedure Code of the RSFSR of 1923. *Legal Science*. 2016. No. 2.
4. *Zakharenko M. S.* Public-Legal Status of Judicial Community Bodies. *Modern Law*. 2019. No. 5.
5. *Sirotiuk A. Z.* On the Problems of Determining the Elements of the System of Judicial Authorities of the Russian Federation and the Inclusion of Bodies with a Complex Legal Nature in It. *Russian Justice*. 2016. No. 11.
6. *Tarasov A. M.* Presidential Control. *Legislation*. 2003. No. 4.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ: ОТРАСЛЕВОЙ АНАЛИЗ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-4-109-116>

Данная статья содержит в себе анализ взаимодействия такого правового явления, как презумпция невиновности, с различными отраслевыми началами правоприменения и судопроизводства. Актуальность выбранной темы обуславливается тем, что взаимодействие различных правовых начал и отраслей подразумевает многогранность и сложность права. Одни и те же действия граждан с юридической точки зрения могут дифференцироваться в зависимости от круга затрагиваемых правоотношений, правонарушения не являются исключением. Предметом статьи выступает взаимодействие презумпции невиновности и презумпции виновности в различных правовых отраслях, каждая из которых определяет особый подход в процессе судопроизводства. Цель данного исследования – определить границы взаимодействия презумпции виновности и невиновности, степень сходства и различия их действия, проанализировать особенности реализации презумпции невиновности в правовых отраслях частного характера. В процессе исследования были использованы различные общенаучные, частнонаучные и отдельные специальные методы познания: аналитический, логический, системно-функциональный, сравнительно-правовой, формально-юридический и др. Презумпция невиновности, по общему мнению, наиболее характерна для уголовно-правовой сферы, тогда как в гражданско-правовой сфере преобладает презумпция виновности. В условиях жизненных реалий неизбежно возникновение правовых коллизий, связанных с двумя принципиально разными началами судопроизводства, поскольку большое количество преступлений подразумевает наступление не только уголовной ответственности, но и гражданско-правовой. В процессе исследования правовой природы рассматриваемых презумпций, судебной практики, как российской, так и зарубежной, анализа законодательства автор приходит к выводу о функциональном сходстве презумпции невиновности и презумпции виновности. Обе презумпции призваны соблюсти интересы граждан в судебном процессе, а их отличие заключается не столько в функциональных характеристиках, сколько в презюмируемых положениях. При столкновении правовых интересов, обусловленных применимостью различных отраслей правового регулирования к некоторым правонарушениям, следует обратиться к общеправовым началам, таким как принципы гуманизма, справедливости, законности, равенства сторон перед судом и т.д. В подобных условиях взаимодействие правовых отраслей с разными принципами и методами отраслевого регулирования может быть разрешено максимально продуктивно.

**ОМАРИЕВА
Альвина Наримановна**

старший преподаватель кафедры
гражданского права и процесса
Поволжского института управления
им. П. А. Столыпина (г. Саратов)

llandag1219@mail.ru

**Презумпция невиновности;
презумпция виновности;
гуманизм;
справедливость;
судебное производство;
конфликты в праве**

Alvina N. OMARIEVA

Senior Lecturer, Department of Civil Law and Procedure, Volga Region Institute of Management named after P. A. Stolypin (Saratov)

llandag1219@mail.ru

**Presumption of innocence;
presumption of guilt; humanism;
justice;
legal proceedings;
conflicts in law**

SOME FEATURES OF THE IMPLEMENTATION OF THE PRESUMPTION OF INNOCENCE: A BRANCH ANALYSIS

This article contains an analysis of the interaction of such a legal phenomenon as the presumption of innocence with various sectoral principles of law enforcement and legal proceedings. The relevance of the chosen topic is due to the fact that the interaction of various legal principles and law branches is implied by the versatility and complexity of law. From a legal point of view, the same actions of citizens can be differentiated depending on the range of affected legal relations, offenses are no exception. The subject of the article is the interaction of the presumption of innocence and the presumption of guilt in various legal branches, each of which determines a special approach in the process of legal proceedings. The purpose of this study is to determine the boundaries of the interaction of the presumption of guilt and innocence, the degree of similarity and differences in their actions, to analyze the features of the implementation of the presumption of innocence in legal branches of a private nature. In the course of the research, various general scientific, private scientific and certain special methods of cognition were used: analytical, logical, system-functional, comparative-legal, formal-legal, etc. The presumption of innocence, by all accounts, is most typical for the criminal law sphere, while in the civil law sphere, prevails the presumption of guilt. In the conditions of life, the emergence of legal conflicts associated with two fundamentally different principles of legal proceedings is inevitable, since a large number of crimes imply the onset of not only criminal liability, but also civil liability. In the process of studying the legal nature of the presumptions in question, judicial practice, both Russian and foreign, and analyzing the legislation, the author comes to the conclusion that the presumption of innocence and the presumption of guilt are functionally similar. Both presumptions are designed to respect the interests of human in the judicial process, and their difference lies not so much in functional characteristics as in the presumed provisions. In the event of a clash of legal interests due to the applicability of various branches of legal regulation to certain offenses, one should turn to general legal principles, such as the principles of humanism, justice, legality, equality of parties before the court, etc. In such conditions, the interaction of legal branches with different principles and methods industry regulation can be resolved as efficiently as possible.

Общепринято, что презумпция невиновности характерна для уголовно-правовой сферы, а в гражданско-правовом пространстве, напротив, преобладающим действием обладает презумпция виновности. Действительно, анализ норм, определяющих порядок и основания привлечения лица к различным видам юридической ответственности, позволяет сделать такой вывод, и, казалось бы, разграничение данных презумпций по отраслям права достаточно четко регулирует процесс правоприменения. Однако в условиях жизненных реалий неизбежно возникновение правовых коллизий, связанных с двумя принципиально разными подходами в процессах судопроизводства, поскольку большое количество преступлений подразумевает наступление не только уголовной ответственности, но и гражданско-правовой.

Презумпция невиновности включает в себя несколько аспектов:

- каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда;
- обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность;
- неустраняемые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого.

Иная ситуация в гражданском праве. В соответствии с п. 1 ст. 401 Гражданского кодекса РФ [1] (далее – ГК РФ) лицо, не исполнившее обязательства либо исполнившее его ненадлежащим образом, несет ответственность при наличии вины (умысла или

неосторожности), кроме случаев, когда законом или договором предусмотрены иные основания ответственности. Лицо признается невиновным, если при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота, оно приняло все меры для надлежащего исполнения обязательства. Отсутствие вины, согласно п. 2 той же статьи, доказывается лицом, которое нарушило обязательство. Также примечательна ст. 1064 ГК РФ об общих основаниях ответственности за причинение вреда, в п. 2 которой указано, что лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинен не по его вине. Законом может быть предусмотрено возмещение вреда и при отсутствии вины причинителя вреда.

Несмотря на содержание вышеизложенных статей на предмет доказывания вины, на практике гражданский судебный процесс представляет собой разбирательство, в котором каждая сторона самостоятельно доказывает и обосновывает свою позицию. Данное правило закреплено ч. 1 ст. 56 ГПК РФ («каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений, если иное не предусмотрено федеральным законом»).

Разные подходы к исследованию обстоятельств дела в гражданско-правовом и уголовно-правовом процессах приводит к возникновению дискуссионных вопросов. Зачастую одни и те же факты лежат в основе как уголовного дела, так и гражданского.

Очевидно, что стандарт доказывания по уголовным делам отличается от стандарта доказывания по гражданским спорам. В Англии и некоторых других странах англосаксонской правовой семьи к уголовным делам применяется стандарт доказывания «вне разумного сомнения». К гражданским же делам применяется стандарт большей убедительности, т.е. факт устанавливается на основании того, какая версия, исходя из доказательств, выглядит более убедительной [1, с. 255–256].

В результате на практике могут возникнуть ситуации, когда лицо, оправданное в уголовном преступлении за недостаточностью доказательств, привлекается к гражданско-правовой ответственности при тех же обстоятельствах, поскольку не смогло доказать свою невиновность.

Кроме того, различия связаны со степенью последствий правовых санкций для подсудимого и целью, которую данные санкции преследуют. Презумпция невиновности придает обвиняемому в уголовном процессе особый статус и защиту, поскольку уголовные санкции несут наиболее негативные последствия для осужденного. Гражданско-правовые санкции направлены не на наказание виновного, а в

первую очередь на возмещение убытков и морального вреда жертвы.

В то же время презумпция невиновности включает в себя не только защиту от уголовного наказания без приговора, но и защиту от «объявления виновным» без приговора (даже если уголовного наказания не последует). Презумпция невиновности имеет репутационную составляющую, поэтому возникает справедливый вопрос: можно ли рассматривать гражданские дела (например, о гражданских деликтах, граничащих с уголовными преступлениями) и вместе с тем не делать заявлений, которые могут быть расценены как «объявление виновным» в уголовно-правовом смысле? [2, с. 256].

Интересна практика Европейского суда, связанная с подобными спорами, приведенная в труде «Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики)» под редакцией Т. Г. Морщаковой. Анализируя судебную практику, авторы пришли к справедливому выводу, что современный подход Европейского суда можно сформулировать следующим образом: лицо может быть оправдано в уголовном процессе за преступление, но затем проиграть гражданское дело по тем же самым фактам. В гражданском процессе стандарт доказывания будет ниже – это неизбежно. Однако в гражданском деле суды должны тщательно подбирать слова – так, чтобы их решение не читалось как отрицание оправдательного приговора. Иначе Суд может прийти к выводу о применимости и, более того, о нарушении презумпции невиновности [2, с. 261].

Как бы парадоксально ни казалось, но на практике при одних и тех же доказательствах лицо может выиграть судебное разбирательство по уголовному делу и проиграть его в гражданско-правовом споре, возникшем по тем же обстоятельствам. Это связано, как указывалось выше, с разными стандартами доказывания в публично-правовой и частноправовой сферах.

Ярким примером такого исхода может служить нашумевшее в начале 1990-х гг. в США дело *People v. Simpson* («Народ против Симпсона»). Знаменитый американский футболист и актер Орентал Джеймс Симпсон был обвинен в убийстве своей бывшей жены Николь Браун-Симпсон и ее приятеля Рональда Голдмана. Суд по данному делу начался 23 января 1995 г., 3 октября 1995 г. подсудимый был оправдан судом присяжных. Несмотря на это, в 1997 г. Симпсон проиграл гражданский иск по тем же обвинениям и выплатил семье погибшего Рональда Голдмана 33,5 млн долл.

В деле «Рингвольд против Норвегии» [3] заявителя оправдали по делу о разращении малолетних, однако позже предполагаемая потерпевшая смогла добиться удовлетворения гражданского иска о возмещении вреда в свою пользу.

Данное решение ЕСПЧ признал не нарушающим положения о презумпции невиновности, обратив внимание на четыре аспекта данного дела:

- процедура, в которой рассматривался данный спор, с точки зрения норвежского права носила гражданско-правовой характер;
- спор был направлен на выплату компенсации, а не на наказание виновного;
- обязав ответчика к выплате компенсации, суд реализовал гражданско-правовую санкцию, направленную на возмещение убытков и морального вреда жертвы;
- суд не пытался в решении о компенсации каким-либо образом оспорить вынесенный ранее оправдательный приговор по уголовному делу.

В итоге Суд признал отсутствие прямой связи между делом о компенсации и основным уголовным разбирательством, вследствие чего п. 2 ст. 6 Конвенции не может быть применен к гражданскому делу о компенсации.

Казалось бы, данное дело поставило точку о том, может ли быть удовлетворен гражданский иск в отношении оправданного лица, если основания иска и основания обвинения совпадают. Однако Суд внес коррективы в свою позицию в делах *Y. v. Norway* (постановление от 11 февраля 2003 г.) и *Orr v. Norway* (постановление от 15 мая 2008 г.).

Обстоятельства дела *Orr* очень похожи на *Ringvold*, с той только разницей, что в первом норвежские суды описали «природу сексуальных контактов [заявителя с жертвой], понимание заявителем того, что половой акт недобровольный, уровень насилия, с помощью которого действовал заявитель, и его умысел в этой связи». Иными словами, по мнению ЕСПЧ, выводы суда по гражданскому делу почти полностью покрывали все необходимые элементы состава изнасилования, в результате чего норвежские гражданские суды преступили границу дозволенного в гражданском процессе и вторглись в уголовно-правовую отрасль [2, с. 261].

Очевидно, что Европейский суд в вопросах о применении презумпции невиновности в делах подобного рода руководствуется формулировками текста национальных решений, «интонации» правоприменителя. Так скажем, «аккуратное лавирование» в терминах, выводах и основаниях решения суда позволяет искам подобного рода весьма успешно разрешаться на практике в пользу истцов.

Примечательно особое мнение, выраженное судьей Ж.-П. Коста по делу Рингвольда. Следует признать справедливым вывод о том, что «презумпция невиновности продолжает применяться даже после прекращения уголовного дела или оправдания обвиняемого» [3]. Если обвиняемый был окончательно оправдан и в законном порядке признан невинов-

ным по уголовному делу, но впоследствии на основании судебного постановления по гражданскому делу с него взыскали компенсацию в пользу потерпевшего, то презумпция невиновности, и признание оправданного невиновным лишаются практической цели, поскольку презумпция невиновности и доказательства, которые данную презумпцию подкрепляли, по сути опровергнуты судебным решением по гражданскому делу.

Применяя стандарты доказывания, которые, как правило, строже по уголовным делам (конкретно вследствие презумпции невиновности), чем по гражданским, судебные органы должны стремиться к установлению гражданской ответственности оправданного по уголовному делу, рассматривая его как ответственного по существу дела, но не виновного. Лучшим способом достигнуть цели справедливости в таких ситуациях было бы учреждение фонда возмещения вреда потерпевшим от преступлений, оставшихся ненаказанными или в которых личность преступника не была установлена. Так же как месть не является правосудием, сострадание не является основанием для хитрого правосудия [3].

Все вышеуказанное достаточно ясно обосновывает и нашу позицию. Нелогично оправдать лицо в публично-правовом процессе, а потом привлечь его к гражданско-правовой ответственности по тем же основаниям, как если бы виновность лица была доказана.

Что касается национального законодательства России по данному вопросу, то ст. 61 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ) устанавливает основания для освобождения от доказывания, среди которых можно выделить следующие:

- при рассмотрении гражданского дела обстоятельства, установленные вступившим в законную силу решением арбитражного суда, не должны доказываться и не могут оспариваться лицами, если они участвовали в деле, которое было разрешено арбитражным судом;

- вступившие в законную силу приговор суда по уголовному делу, иные постановления суда по этому делу и постановления суда по делу об административном правонарушении обязательны для суда, рассматривающего дело о гражданско-правовых последствиях действий лица, в отношении которого они вынесены, по вопросам, имели ли место эти действия и совершены ли они данным лицом.

Согласно ч. 2 ст. 61 ГПК РФ обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным постановлением по ранее рассмотренному гражданскому делу, обязательны для суда. Указанные обстоятельства не доказываются и не подлежат оспариванию при рассмотрении другого дела, в котором участвуют те же лица, т.е. действует принцип преюдициальности.

Такое же значение имеют для суда, рассматривающего гражданское дело, обстоятельства, установленные вступившим в законную силу решением арбитражного суда.

Исходя из смысла ч. 4 ст. 13, ч. 2 и 3 ст. 61, ч. 2 ст. 209 ГПК РФ лица, не участвовавшие в деле, по которому судом общей юрисдикции или арбитражным судом вынесено соответствующее судебное постановление, вправе при рассмотрении другого гражданского дела с их участием оспаривать обстоятельства, установленные этими судебными актами. В указанном случае суд выносит решение на основе исследованных в судебном заседании доказательств.

В силу ч. 4 ст. 61 ГПК РФ вступивший в законную силу приговор суда по уголовному делу обязателен для суда, рассматривающего дело о гражданско-правовых последствиях деяний лица, в отношении которого вынесен приговор, лишь по вопросам о том, имели ли место эти действия (бездействие) и совершены ли они данным лицом. Исходя из этого суд, принимая решение по иску, вытекающему из уголовного дела, не вправе входить в обсуждение вины ответчика, а может разрешать вопрос лишь о размере возмещения.

На основании ч. 4 ст. 1 ГПК РФ, по аналогии с ч. 4 ст. 61 ГПК РФ, следует также определять значение вступившего в законную силу постановления и (или) решения судьи по делу об административном правонарушении при рассмотрении и разрешении судом дела о гражданско-правовых последствиях действий лица, в отношении которого вынесено это постановление (решение) [4].

Таким образом, правоприменитель в процессе гражданского судопроизводства не может игнорировать факты, доказанные в порядке уголовного судопроизводства по тем же обстоятельствам.

Интересным представляется разрешение вопроса о возмещении вреда на основании гражданских исков, поданных в рамках уголовного судопроизводства по тому или иному делу.

Оправдательный вердикт за отсутствием события преступления либо за недоказанностью участия подсудимого в совершении правонарушения является основанием для отказа в удовлетворении гражданского иска. В таком случае складывается ситуация, при которой либо правонарушения не было вовсе, а соответственно отсутствует и основание для подачи гражданского иска, либо данный конкретный подсудимый не причастен к совершению правонарушения, т.е. привлечение его в качестве ответчика по связанному с данным деянием гражданско-правовому требованию неправомерно.

При оправдании подсудимого в связи с отсутствием состава преступления (как правило, в случаях, если вред причинен невиновно, либо при обстоятельствах, исключающих общественную опасность деяния) суд

может отказать в рассмотрении гражданского дела не потому, что факт гражданского правонарушения отсутствует, данный факт может иметь место. Однако в силу того, что суд пришел к выводу, что вред причинен деянием, в котором нет состава преступления, соответственно гражданский иск, в котором речь идет о возмещении вреда причиненным конкретным общественно-опасным деянием не имеет основания.

Лицо, которому было отказано в иске в рамках уголовного судопроизводства, не лишается права возместить вред в порядке гражданского процесса, поскольку, несмотря на отсутствие общественной опасности деяния, ответственность в сфере гражданских правоотношения все же может наступить. Например, в случае если деяние было совершено вследствие крайней необходимости: уголовно-правовая ответственность не наступает, но имущественный вред тем не менее может быть возмещен.

Таким образом, законодатель постарался максимальным образом сгладить острые углы при столкновении правовых отношений различного отраслевого характера, однако, анализ презумпций виновности и невиновности служит посылком для более глубоких доктринальных суждений. В частности, сопоставление механизма применения презумпции виновности и невиновности предоставляет возможность выявить элементы взаимопроникновения частных отношений в сферу публичного права и наоборот [5, с. 566].

Примечательно суждение А. М. Хужина о том, что презумпция невиновности в публичном праве и презумпция виновности в частном выполняют схожие функции в качестве технико-юридического приема преодоления объективного вменения в праве.

«Научное обоснование концепции преодоления объективного вменения в праве, – пишет автор, – вытекает из сущностного понимания как самого механизма применения юридической ответственности, так и применяемых технико-юридических приемов в виде презумпций виновности и невиновности в частноправовой и публично-правовых сферах» [5, с. 567].

Если в случае с презумпцией невиновности объективному вменению препятствует само наличие данной презумпции, а процесс реализации ответственности происходит через процедуру вменения лицу в вину совершенного преступного деяния, уполномоченными на то органами, то опровержение презумпции виновности возложено на самого нарушителя, который заинтересован в освобождении от ответственности либо уменьшении ее объема. Механизм преодоления объективного вменения в том и в другом случае – опровержение презумпции, другой вопрос, на кого возложено бремя доказывания виновности, но, как говорится, это уже совсем другая история, связанная с самой спецификой и целями ответственности в публичном и частном праве.

Вышеизложенные суждения породили интересный вопрос: насколько схожи функционально две полярно разные презумпции виновности и невиновности?

В первую очередь хотелось бы обозначить, что само наличие данных презумпций предполагает вину как элемент и условие наступления ответственности. Именно в отношении виновности правонарушителя устанавливаются обе рассматриваемые презумпции.

Вина является одним из необходимых элементов состава гражданского правонарушения. Верховный Суд РФ определил, что презумпция вины не означает исключение вины из предмета доказывания по делу, но если ответчик не представил доказательств своей невиновности, то на практике вопрос о вине не исследуется. Для возложения на лицо имущественной ответственности, поясняет Суд, необходимо наличие таких обстоятельств как наступление вреда, противоправность поведения, вина причинителя вреда, а также причинно-следственная связь между действиями причинителя вреда и наступившими неблагоприятными последствиями [6].

Однако невозможно игнорировать тот факт, что в некоторых случаях в гражданском праве может быть предусмотрено наступление ответственности без вины. В этом отношении следует привести мнение А. К. Коньшиной: «наступление ответственности без вины в гражданском праве позволяет разрешить определенные социально-правовые задачи, защитить права и законные интересы участников гражданских правоотношений. Поскольку целью гражданско-правовой ответственности является возмещение нанесенного вреда, т.е. она имеет компенсационный характер, то и условием ее наступления является «невиновность как условие ответственности, а доказываемое правонарушителем отсутствие вины как основание его освобождения от ответственности» [7, с. 114].

Презумпция невиновности является в первую очередь воплощением принципа гуманизма, гуманного отношения к лицу, привлекаемому к юридической ответственности, она основана на глубоком уважении к личности, правам и свободам граждан. Презумпция невиновности служит важным гарантом права личности на защиту. Даже признание гражданином своей вины недостаточно для вынесения обвинительного приговора, оно может быть принято в расчет только при подтверждении его совокупностью доказательств.

Положения презумпции невиновности позволяют защитить права и интересы подозреваемого, отрегулировать процесс судебного доказывания по делу, определить права и обязанности сторон, и в целом влияют на исход решения суда, поскольку факты, которые не доказаны и приводят к сомнению виновности лица, толкуются в его пользу. Наличие доказанной вины – основной факт, на основании которого воз-

можно привлечение лица к уголовной ответственности. Бремя доказывания лежит на стороне обвинения, но в то же время не запрещает стороне обвиняемого приводить доводы в доказательство своей невиновности всеми возможными законными способами.

Презумпция виновности, на наш взгляд, наиболее связана с принципом справедливости. Как было указано выше, гражданско-правовая ответственность в большей степени нацелена на возмещение вреда, восстановление нарушенного права. И это представляется рациональным, ведь, когда речь идет об имущественных и личных неимущественных отношениях, в приоритете, соответственно, соблюдение имущественных интересов граждан и защита их неимущественных прав. Меры, применяемые к правонарушителю, несут в большей степени компенсационный характер, тут основная цель соблюсти баланс имущественных интересов, а что касается морально-го вреда – возместить его в стоимостной форме.

Конституционный Суд РФ в свою очередь установил, что положение ч. 2 ст. 1064 ГК РФ направлено не на ограничение, а, напротив, на защиту конституционных прав граждан, обеспечение возмещения вреда и тем самым – на реализацию интересов потерпевшего [8].

Доказывание невиновности ставится в обязанность предполагаемого правонарушителя постольку, поскольку речь идет и о его имущественных интересах, не докажешь невиновность – возмещай ущерб истцу. В то же время и истец имеет большую заинтересованность в обоснованности и доказанности вины ответчика. При этом стороны самостоятельно находят доказательства, приводят доводы, так или иначе, убеждая суд в своей правоте. Да, бремя доказывания отсутствия вины по оспариваемому делу лежит на ответчике, но нельзя утверждать, что он признается виновным автоматически, данное обстоятельство признается по решению суда и вследствие разбирательства.

Соответственно, презумпция виновности способствует состязательности сторон в гражданском правовом споре. А что значит состязательность? Состязательность предполагает равенство сторон. Субъекты гражданского права также признаются равными участниками гражданских правоотношений. Равенство для равных равно справедливость. Именно так можно пронаблюдать способы реализации правовых принципов от общего к частному, так сказать. В каждой отрасли свои меры.

Презумпция невиновности, безусловно, тоже в некоторой степени делегирована принципом справедливости. Рассматривая данную презумпцию, всегда следует помнить, что она, как правило, применяется в публично-правовых отраслях. Публичное право предполагает неравенство регулирующей и регули-

руемой стороны, отношения между субъектами построены на власти-подчинении, императиве, исходящем от органов государства.

В контексте связи презумпции невиновности с принципом справедливости хотелось бы привести верное утверждение Т. В. Милушевой, о том, что способность справедливости устанавливать границы свободных действий субъектов общественных отношений обусловлена ее нравственно-правовым естеством, позволяющим ей лимитировать действия власти [9, с. 31]. Презумпция невиновности является одним из рычагов реализации принципа справедливости в судебном процессе, ее цель – пресечение необоснованного осуждения от имени государства, привлечения к ответственности невиновного, она также препятствует превосходству государственного обвинения в судебном процессе, упрочивает положение обвиняемого, тем самым обеспечивая равенство сторон в суде.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что как презумпция невиновности, так и презумпция виновности позволяют соблюсти интересы граждан

в судебном процессе, а их, казалось бы, полярное отличие, заключается не столько в функциональных характеристиках, сколько в презюмируемых положениях. Так как обе презумпции связаны с общеправовыми принципами, то при столкновении правовых интересов, обусловленных применимостью различных отраслей правового регулирования к некоторым правонарушениям, следует обратиться к общеправовым началам, таким как принципы гуманизма, справедливости, законности, равенства сторон перед судом и т.д. В подобных условиях взаимодействие правовых отраслей с разными принципами и методами отраслевого регулирования может быть разрешено максимально «безболезненно».

Функциональное сходство презумпций невиновности и виновности неожиданным образом открывает нам антропологический ракурс права в новом свете, позволяет сделать вывод, что координация любых правовых явлений должна быть нацелена на создание условий для полноценной реализации и защиты прав граждан.

Пристатейный библиографический список

1. Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики) / под. ред. Т. Г. Морщаковой. М.: Мысль, 2012.
3. Постановление ЕСПЧ от 11 февраля 2003 г. по делу «Рингвольд (*Ringvold*) против Норвегии» (жалоба № 34964/97) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Хужин А. М. Презумпция виновности как технико-юридический прием преодоления объективного вменения в праве // Юридическая техника. 2010. № 4.
6. Определение Верховного Суда РФ от 4 марта 2014 г. по делу № 16-КГ13-26 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Коньшина А. К. Вина юридического лица в гражданском праве // Российский юридический журнал. 2006. № 3.
8. Определение Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 370-О-О «Об отказе «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Мельниковой Людмилы Николаевны и Пономарева Александра Евгеньевича на нарушение их конституционных прав положениями пункта 1 статьи 1064 и статьи 1084 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
9. Милушева Т. В. Пределы и ограничения государственной власти (теоретико-правовое исследование) : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Саратов, 2012.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of 30 November 1994 No. 51-FZ. *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 1994. No. 32. Art. 3301.
2. *Morschakova T. G. (ed.)*. Standards of Fair Justice (International and National Practice). Moscow: Mysl, 2012.
3. Decision of the ECHR of 11 February 2003 *Ringvold v. Norway* (app. no. 34964/97) (SPS "ConsultantPlus").
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23 June 2015 No. 25 "On the Application by the Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation" (SPS "ConsultantPlus").

5. *Khuzhin A. M.* Presumption of Guilt as a Technical and Legal Method for Overcoming Objective Imputation in Law. *Legal Technology*. 2010. No. 4.
6. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of 4 March 2014 in case No. 16-KG13-26 (SPS "ConsultantPlus").
7. *Konshina A. K.* Wines of a Legal Entity in Civil Law. *Russian Legal Journal*. 2006. No. 3.
8. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 10 February 2009 No. 370-O-O "On Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizens Melnikova Lyudmila Nikolaevna and Ponomarev Alexander Evgenievich About Violation of Their Constitutional Rights by the Provisions of Paragraph 1 of Article 1064 and Article 1084 of the Civil Code of the Russian Federation" (SPS "ConsultantPlus").
9. *Milusheva T. V.* Limits and Limitations of State Power (Theoretical and Legal Research): Synopsis of a Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences. Saratov, 2012.

ПРОФЕССИОНАЛИЗМ СУДЕЙ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОСУДИЯ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-4-117-122>

В статье рассматриваются требования, предъявляемые к судьям, и исследуются вопросы их профессиональной подготовки. Актуальность данной работы связана с тем, что доверие российских граждан к судам находится на достаточно низком уровне, а осуществляемые в России преобразования в сфере судостроительства и статуса судей практически не затронули образовательно-культурный компонент формирования судейского корпуса. Предметом исследования выступают организационно-правовые аспекты формирования профессионального судейского корпуса как фактор повышения доверия граждан к суду и эффективности судебной системы. Цель данной статьи состоит в том, чтобы на основе изучения нормативных правовых актов и научных источников обосновать необходимость развития профессионализма судейского корпуса, а также наметить пути совершенствования профессиональной подготовки судей. Методология проведенного исследования основана на диалектическом подходе и вытекающих из него научных методах: системном, логическом, статистическом, формально-юридическом. Основными результатами проведенного исследования выступают предложения автора о преобразовании обучения в форме профессиональной переподготовки впервые назначенных судей в полноценную систему подготовки судейского корпуса. Делается вывод о том, что рассматриваемая проблематика может стать одним из важнейших аспектов обсуждения на предстоящем X Всероссийском съезде судей. Формирование кадрового резерва для претендентов на должности судей, по мнению автора, является еще одной важнейшей задачей, решение которой позволит осуществлять отбор и подготовку кандидатов более эффективно. Результаты работы могут использоваться в дальнейших исследованиях, посвященных организационным и правовым аспектам профессиональной подготовки, отбора и формирования судейского корпуса.

СЕРГУНИН

Кирилл Николаевич

младший научный сотрудник,
преподаватель колледжа
Тульского института (филиала)
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России) (г. Тула)
k.sergunin@yandex.ru

**Судейский корпус;
статус судьи;
кандидат на должность судьи;
профессиональная подготовка;
профессионализм;
обучение;
юридическое образование;
правовая культура**

Kirill N. SERGUNIN

Junior Researcher, College Teacher,
Tula Institute (Branch) of All-Russian
State University of Justice (Tula)

k.sergunin@yandex.ru

**Judiciary;
judge status;
judge candidate;
professional training;
professionalism;
learning;
legal education;
legal culture**

PROFESSIONALISM OF JUDGES AS A FACTOR OF INCREASING THE EFFICIENCY OF JUSTICE

The article discusses the requirements for judges and examines the issues of their professional training. The relevance of this work is due to the fact that the confidence of Russian citizens in the courts is at a rather low level, and the reforms carried out in Russia in the field of the judicial system and the status of judges have practically not affected the educational and cultural component of the formation of the judiciary. The subject of the research is the organizational and legal aspects of the formation of a professional judiciary as a factor in increasing citizens' confidence in the court and the efficiency of the judicial system. The purpose of this article is to substantiate the need to develop the professionalism of the judiciary on the basis of a study of regulatory legal acts and scientific sources, as well as outline ways to improve the professional training of judges. The methodology of the study is the general scientific dialectic method of cognition and the scientific methods arising from it: systemic, logical, statistical,

formal-legal. The main results of the study are the author's suggestions for transforming training in the form of professional retraining of newly appointed judges into a full-fledged system of training for the judiciary. It is concluded that the problem under consideration can become one of the most important aspects of the discussion at the upcoming X All-Russian Congress of Judges. The formation of a personnel reserve for applicants for positions of judges, according to the author, is another major task, the solution of which will make it possible to select and train candidates more efficiently. Scope: the results of the work can be used in further research on the organizational and legal aspects of professional training, selection and formation of the judiciary.

Роль судебной власти в правовом государстве невозможно переоценить: именно суды играют важнейшую роль в защите прав и свобод граждан. В этой связи отнюдь не случайными видятся те жесткие требования, которые установлены к претендентам на должность судьи действующим законодательством РФ. Однако, несмотря на ряд позитивных преобразований последних лет, направленных на совершенствование организации и функционирования отечественной судебной системы, доверие российских граждан к суду остается весьма низким. Так, согласно данным Всероссийского центра изучения общественного мнения в 2018 г. только 14% граждан были готовы обратиться в суд за защитой своих нарушенных прав (для сравнения, в органы прокуратуры – 48%) [1].

Как справедливо отмечено в постановлении IX Всероссийского съезда судей, «рост доверия к суду во многом зависит от эффективности построения и функционирования системы защиты прав и интересов граждан и организаций, профессионализма судей, квалифицированного подхода к рассмотрению и разрешению споров, позволяющего вынести законное, обоснованное и справедливое решение» [2].

Проблема повышения профессионализма судебного корпуса не нова. Характеризуя правовое регулирование отбора судей в РФ, следует отметить, что оно основывается прежде всего на предписаниях ст. 119 Конституции РФ. Согласно указанной конституционной норме (с поправками 2020 г.) [3] судьями могут быть граждане РФ, достигшие 25 лет, имеющие высшее юридическое образование и стаж работы по юридической профессии не менее пяти лет, а также соответствующие ряду других требований. В настоящее время указанное регулирование детализируется также положениями Закона РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-I «О статусе судей в Российской Федерации» [4] (далее – Закон о статусе судей).

Закон о статусе судей в развитие вышеуказанных конституционных положений предъявляет определенные требования к гражданам, претендующим на должность судьи (п. 1 ст. 4), которые можно сгруппировать следующим образом:

- критерий профессионального образования;
- критерий репутации и правомерного поведения кандидата в судьи;
- критерий гражданства;
- критерий состояния здоровья;
- критерий профессионализма (в силу п. 2 ст. 4 Закона о статусе судей к претендентам на должность судьи определенных вида, системы и уровня предъявляются требования, касающиеся достижения определенного возраста и стажа работы в области юриспруденции – от 25 лет и не менее пяти лет соответственно, до 40 лет и не менее 15 лет соответственно).

Следует также упомянуть, что в соответствии с рядом федеральных конституционных законов к претендентам на должность судьи предъявляются дополнительные требования, например, в силу ч. 2 ст. 27 Федерального конституционного закона от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации» [5] преимущественным правом на назначение на должность судьи военного суда обладает военнослужащий, имеющий воинское звание офицера, а также гражданин, имеющий воинское звание офицера, пребывающий в запасе или находящийся в отставке.

Еще более серьезные требования, помимо установленных п. 2 ст. 4 Закона о статусе судей, предъявляются к претендентам на должность судьи Конституционного Суда РФ, что, несомненно, связано с особенностями их правового статуса. Так, согласно ст. 8 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» [6] судьей Конституционного Суда РФ может быть назначен гражданин РФ с *безупречной репутацией, обладающий признанной высокой квалификацией в области права*.

Нетрудно заметить, что существование различных нормативных правовых актов, регламентирующих требования, предъявляемые к претендентам на должности судей, повлекло за собой определенные противоречия в их содержании. Так, ст. 119 Конституции РФ требует от претендентов иметь не менее пяти лет стажа работы *по юридической профессии*, аналогичный термин применяется и в Федеральном

конституционном законе «О Конституционном Суде Российской Федерации», в то время как актуальная редакция п. 2 и 5 ст. 4, подп. 7 п. 6 ст. 5 Закона о статусе судей говорит о стаже работы в области юриспруденции, однако одновременно п. 3 ст. 5 того же Закона оперирует понятием «стаж работы по юридической профессии». Полагаем, что указанная несогласованность терминологии возникла по причинам внесения внутренне противоречивых поправок в законодательство о статусе судей. Заметим, что обстоятельный анализ сущностных особенностей различных наименований стажа профессиональной деятельности, требующегося для лиц, претендующих на должность судьи, дан Г. Т. Ермошиным в его докторской диссертации [7, с. 226–232].

Кроме того, в силу положений п. 3, 5 и 6 ст. 5 Закона о статусе судей для лиц, претендующих на должность судьи (кроме должности судьи Конституционного Суда РФ), обязательна сдача квалификационного экзамена. Квалификационный экзамен на должность судьи сдают граждане, не являющиеся судьями, и судьи, пребывающие в отставке более трех лет подряд, за исключением граждан, которые имеют ученую степень кандидата юридических наук или доктора юридических наук и которым присвоено почетное звание «Заслуженный юрист Российской Федерации», а также судей, пребывающих в отставке и привлекаемых к осуществлению правосудия в порядке, установленном ст. 7¹ Закона о статусе судей.

Отсутствие требования о сдаче квалификационного экзамена для претендентов на должность судьи Конституционного Суда РФ объясняется тем, что к ним предъявляется требование об обладании признанной высокой квалификацией в области права (ст. 8 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»), кроме того, такие претенденты не получают для назначения рекомендацию Высшей квалификационной коллегии судей РФ.

Наконец, в соответствии с положениями п. 6 ст. 5 Закона о статусе судей после сдачи квалификационного экзамена гражданин, соответствующий требованиям к кандидату на должность судьи, предусмотренным указанным Законом, вправе обратиться в соответствующую квалификационную коллегию судей с заявлением о рекомендации его на вакантную должность судьи (естественно, что граждане, которые не сдают квалификационный экзамен на основании п. 5 ст. 5 Закона о статусе судей, также обладают правом подать заявление о рекомендации на вакантную должность судьи).

В соответствии с подп. 7 п. 1 ст. 6 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 7-ФЗ «О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации» (далее – Закон о Судебном департаменте) [8] к полно-

мочиям Судебного департамента отнесено *определение потребности судов в кадрах*; обеспечение работы по *отбору и подготовке кандидатов на должности судей*; взаимодействие с образовательными организациями, осуществляющими подготовку и повышение квалификации судей и работников аппаратов судов. В силу подп. 1 ст. 14 Закона о Судебном департаменте управление Судебного департамента в субъекте РФ в пределах своей компетенции осуществляет подбор кандидатов на должности судей в соответствии с требованиями Закона о статусе судей.

Следует отметить, что, несмотря на вышеуказанные положения Закона о Судебном департаменте, в настоящее время данные полномочия реализуются им весьма опосредованно, например, путем подбора претендентов для целевого обучения по юридическим специальностям (направлениям подготовки) в Российском государственном университете правосудия.

Два вышеперечисленных полномочия, содержащиеся в Законе о Судебном департаменте, во взаимосвязи с соответствующими нормами Закона о статусе судей являются, по сути, всей существующей сегодня на федеральном уровне нормативной основой профессиональной подготовки претендентов на должности судей. Полагаем, что столь длительно существующие (на протяжении более чем 20 лет, прошедших с момента принятия Закона о Судебном департаменте) нормы указанного Закона о подборе кандидатов на должности судей требуют, наконец, своей полноценной реализации на практике.

В юридической науке довольно давно возобладало мнение о необходимости повышения качества профессиональной подготовки судей, например, И. М. Колосова и Н. В. Кособродов отмечают, что «эффективность деятельности мирового судьи зависит от его профессионализма. Одним из гарантов правового статуса мировых судей в правовой системе РФ может быть то, что они получают дополнительную профессиональную подготовку, повышение квалификации и комплексную переподготовку персонала, обеспечивающего доступ к мировому правосудию» [9, с. 102].

Ю. К. Макеева отмечает, что «компетентность и квалифицированность судей в Российской Федерации обеспечивается принципом профессионализма судей. В настоящее время многими учеными принцип профессионализма признается составной частью правового статуса судьи... Однако очевидно, что лишь правового установления образовательных и практических требований к кандидатам на должность судьи для обеспечения компетентного и квалифицированного осуществления правосудия, недостаточно. Содержание принципа профессионализма гораздо глубже и многоаспектнее» [10, с. 34].

Интересно, что об этой проблематике идет речь и в работах молодых исследователей, что, как пред-

ставляется, ярко демонстрирует всю глубину и остроту поднимаемого вопроса. Например, П. В. Соловьева пишет, что «установление соответствия свойств и качеств личности требованиям профессии является главной задачей профессионального отбора кандидатов на должности судей». Она же полагает, что «профессиональная пригодность к осуществлению правосудия в большей мере зависит от высокого уровня общего развития личности, чем от каких-то специальных способностей» [11, с. 219–220].

Таким образом, полагаем важнейшим направлением развития кадрового потенциала судебной системы планомерную работу по повышению общеправовой культуры судей. Невозможно не согласиться с мнением Н. Н. Сенякина и Л. А. Сенякиной о том, что «гарантией создания в государстве сильной судебной системы служит фактическая реализация конституционного принципа разделения властей, независимости судей в их разноплановой деятельности. Современное российское правосудие переживает тяжелый период своего развития. Его совершенствование зависит от многих условий, но главным звеном выступает качественная социальная база правосудия, которая определяет облик российской судебной власти в целом» [12, с. 109]. Идеальный образ мудрого и честного судьи, для которого слова «закон» и «справедливость» не пустой звук, должен стать реальностью нашего общества. Подобная позиция разделяется и в науке, например, Н. В. Шаруева отмечает, что «именно поведение судьи в профессиональной деятельности и вне ее является основным критерием оценки уровня профессиональной правовой культуры» [13, с. 55].

Характеризуя процедуру подготовки кандидатов на должности судей, отметим, что по международному опыту одним из важнейших элементов соответствующей системы подготовки являются специализированные образовательные программы, направленные на развитие не только профессиональных знаний и навыков, но и общекультурного уровня претендентов. В соответствии с п. 2.3 Европейской хартии о статусе судей необходимо обеспечить подготовку кандидатов, отобранных для осуществления судебных функций, посредством специального обучения, организуемого за счет государства [14]. Следует констатировать, что в настоящее время данное направление в России практически не реализовано, а профессиональная подготовка будущего российского судьи обеспечивается высшим юридическим образованием и стажем работы в области юриспруденции.

Полагаем, что в этой связи следует признать необходимым преобразование существующего обучения по программам профессиональной переподготовки впервые назначенных судей (п. 1 ст. 20¹ Закона о статусе судей) в полноценную систему преддолжностной подготовки, а обязанность прохождения

обучения по соответствующим дополнительным профессиональным программам переподготовки распространить на действующих судей в случае назначения их на должность судьи в вышестоящий суд либо в суд другого вида, системы и уровня.

Указанная подготовка, по нашему мнению, может реализовываться через совокупность (систему) различных образовательных программ: от программ профессионального обучения, во многом имеющих профориентационную направленность и ориентированных на обучающихся общеобразовательных организаций, которые только определяются с будущим направлением профессиональной деятельности, до программ высшего образования и дополнительных профессиональных программ, ориентированных на подготовку судей и работников аппаратов судов. Особое место в их ряду должны занимать специализированные образовательные программы (программы профессиональной переподготовки и программы магистратуры), направленные на целенаправленную и эффективную подготовку судейского резерва.

Считаем, что обучение по специализированным образовательным программам должно не только придавать весомое значение практико-ориентированным юридическим навыкам, но и включать в себя освоение нравственных основ судебской профессии, а также глубокое изучение Кодекса судебской этики. Тем самым более полно будет осуществлена основная задача профессиональной подготовки будущего судьи, которая состоит в том, чтобы кандидат удовлетворял всей совокупности требований, предъявляемых к судье Конституцией РФ и Законом о статусе судей.

Предложения об изменении модели подготовки судей путем ее преобразования в преддолжностную подготовку, проводимую до назначения на должность судьи, озвучиваются на протяжении последних 15 лет. Одним из последних и наиболее проработанных предложений в данной сфере нам видится доклад Института проблем правоприменения и Центра стратегических разработок, выпущенный в 2018 г. [15]. В данном докладе обоснован целый ряд перспективных направлений, направленных на повышение эффективности механизмов подготовки, отбора и назначения судей.

Авторы доклада, среди прочего, предлагают создать Федеральный центр подготовки судей в качестве единой, постоянно действующей и независимой от ведомств организации, специализирующейся исключительно на профессиональной подготовке претендентов на должность судьи, а также на повышении их квалификации по мере продвижения по карьерной лестнице.

В то же время создание Федерального центра подготовки судей нам представляется не до конца обоснованным, особенно с учетом того, что в настоящее время уже долгое время функционируют такие вузы,

как Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) и Российский государственный университет правосудия, вполне способные по своему кадровому потенциалу взять на себя функции базовых образовательных площадок по подготовке и переподготовке судейского корпуса.

Выражаем надежду, что дальнейшее развитие судебной реформы пойдет по прогрессивному пути, что качественно повысит доверие населения к правосудию. Повышение эффективности профессиональной подготовки претендентов на должность судьи – давно назревшая задача, решить которую можно только путем согласованного взаимодействия федерального законодателя, органов судейского сообщества и научной общественности. В этих же целях, по нашему мнению, целесообразно рассмотреть вопрос о законодательном закреплении института кадрового резерва претендентов на должности судей, ко-

торый в настоящее время ведется на инициативной основе квалификационными коллегиями судей ряда субъектов РФ. Важно отметить, что включение кандидатуры гражданина в список кадрового резерва на соответствующую должность, или отсутствие соответствующей кандидатуры в указанном списке, не должно препятствовать его обращению в установленном законом порядке в соответствующую квалификационную коллегия судей для получения рекомендации к назначению судьей.

Представляется, что в условиях переноса X Всероссийского съезда судей на конец 2022 г. создаются условия, которые позволят придать большую значимость рассматриваемому вопросу, а также предоставляют время, необходимое для проработки концептуальных предложений по модернизации механизма обучения как претендентов на должность судьи, так и действующих судей.

Пристатейный библиографический список

1. Аналитический обзор «Правоохранительные и судебные органы : рейтинг защитников прав и свобод» // ВЦИОМ : официальный сайт. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pravookhranitelnye-i-sudebnye-organy-rejting-zashhitnikov-prav-i-svobod> (дата обращения: 15.11.2021).
2. Постановление IX Всероссийского съезда судей от 8 декабря 2016 г. № 1 «Об основных итогах функционирования судебной системы Российской Федерации и приоритетных направлениях ее развития на современном этапе» // Вестник Высшей квалификационной коллегии судей РФ. 2017. № 1.
3. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.
4. Закон Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 (в ред. от 5 апреля 2021 г.) «О статусе судей в Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 30. Ст. 1792; 2021. № 15 (ч. 1). Ст. 2430.
5. Федеральный конституционный закон от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 8 декабря 2020 г.) «О военных судах Российской Федерации» // СЗ РФ. 1999. № 26. Ст. 3170; 2020. № 50 (ч. 1). Ст. 8029.
6. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 1 июля 2021 г.) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447; 2021. № 27 (ч. 1). Ст. 5045.
7. Ермошин Г. Т. Статус судьи в Российской Федерации : дис. ... докт. юрид. наук. М., 2016.
8. Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 7-ФЗ (в ред. от 30 апреля 2021 г.) «О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 2. Ст. 223; 2021. № 18. Ст. 3061.
9. Колосова И. М., Кособродов Н. В. Проблемы взаимодействия двух судебных институтов: национальных конституционных судов и судов международных организаций // Вестник Российской правовой академии. 2020. № 2.
10. Макеева Ю. К. Специализация как элемент принципа профессионализма судей в Российской Федерации // Право и государство : теория и практика. 2019. № 8.
11. Соловьева П. В. Соотношение профессионализма судьи и его нравственно-моральных качеств или профессионализм судьи как профессионально-нравственное качество // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 4.
12. Сенякин Н. Н., Сенякина Л. А. Правовая культура судьи как основа доверия населения к органам правосудия // Правовая культура. 2011. № 2.
13. Шаруева Н. В. Профессиональная культура судьи как вид профессиональной правовой культуры // Мониторинг правоприменения. 2018. № 3.
14. Европейская хартия о статусе судей (принята 10 июля 1998 г.) // Российская юстиция. 1999. № 9.
15. Доклад Института проблем правоприменения Европейского университета и Центра стратегических разработок «Предложения по совершенствованию судебной системы в Российской Федерации и изменения

нормативных актов в целях их реализации» (февраль 2018 г.) // Институт проблем правоприменения : официальный сайт. – URL: https://enforce.spb.ru/images/Products/reports/Report_Justice_System_Preview.pdf (дата обращения: 15.11.2021).

References

1. Analytical Review "Law Enforcement and Judicial Authorities: Rating of Defenders of Rights and Freedoms". URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pravookhranitelnye-i-sudebnye-organy-rejting-zashhitnikov-prav-i-svobod> (date of application: 15.11.2021).
2. Resolution of the IX All-Russian Congress of Judges of 8 December 2016 No. 1 "On the Main Results of the Functioning of the Judicial System of the Russian Federation and the Priority Directions of Its Development at the Present Stage". *Bulletin of the Higher Qualification Collegium of Judges of the Russian Federation*. 2017. No. 1.
3. Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation of 14 March 2020 No. 1-FKZ "On Improving the Regulation of Certain Issues of the Organization and Functioning of Public Authorities". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2020. No. 11. Art. 1416.
4. Law of the Russian Federation of 26 June 1992 No. 3132-I (as amended on 5 April 2021) "On the Status of Judges in the Russian Federation". *Gazette of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Soviet of the Russian Federation*. 1992. No. 30. Art. 1792; *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2021. No. 15 (part 1). Art. 2430.
5. Federal Constitutional Law of 23 June 1999 No. 1-FKZ "On the Military Courts of the Russian Federation" (as amended on 8 December 2020). *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 1999. No. 26. Art. 3170; 2020. No. 50 (part 1). Art. 8029.
6. Federal Constitutional Law of 21 July 1994 No. 1-FKZ "On the Constitutional Court of the Russian Federation" (as amended on 1 July 2021). *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 1994. No. 13. Art. 1447; 2021. No. 27 (part 1). Art. 5045.
7. *Ermoshin G. T.* Status of a Judge in the Russian Federation: Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences. Moscow, 2016.
8. Federal Law of 8 January 1998 No. 7-FZ "On the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 1998. No. 2. Art. 223; 2021. No. 18. Art. 3061.
9. *Kolosova I. M., Kosobrodov N. V.* Problems of Interaction of Two Judicial Institutions: National Constitutional Courts and Courts of International Organizations. *Bulletin of the Russian Law Academy*. 2020. No. 2.
10. *Makeeva Iu. K.* Specialization as an Element of the Principle of Professionalism of Judges in the Russian Federation. *Law and State: Theory and Practice*. 2019. No. 8.
11. *Solovieva P. V.* Correlation of Professionalism of a Judge and His Moral and Moral Qualities or Professionalism of a Judge as a Professional and Moral Quality. *Judicial Power and Criminal Procedure*. 2017. No. 4.
12. *Seniakin N. N., Seniakina L. A.* Legal Culture of a Judge as the Basis of Public Confidence in the Bodies of Justice. *Legal Culture*. 2011. No. 2.
13. *Sharueva N. V.* Professional Culture of a Judge as a Kind of Professional Legal Culture. *Monitoring Enforcement*. 2018. No. 3.
14. European Charter on the Status of Judges, adopted on 10 July 1998. *Russian Justice*. 1999. No. 9.
15. Report of the Institute for Law Enforcement Issues of the European University and the Center for Strategic Research "Proposals for Improving the Judicial System in the Russian Federation and Changes in Regulations for Their Implementation" (February 2018). URL: https://enforce.spb.ru/images/Products/reports/Report_Justice_System_Preview.pdf (date of application: 15.11.2021).

**РЕЦЕНЗИЯ НА КОЛЛЕКТИВНУЮ МОНОГРАФИЮ
«ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ ДО 2030 ГОДА»
(ОТВ. РЕД. ДОКТОР ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР,
ЗАСЛУЖЕННЫЙ ЮРИСТ РФ В.Б. ЯСТРЕБОВ. М.:
ПРОСПЕКТ, 2021. 206 С.)**

**БИТ-ШАБО
Инесса Витальевна**

доктор юридических наук, профессор кафедры финансового права Российского государственного университета правосудия (г. Москва)

inessavita@mail.ru

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-4-123-126>

В рецензии дается объективная оценка коллективному труду группы ученых, представляющих Центр научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), – результату первого этапа из цикла запланированных фундаментальных исследований правовых проблем реализации национальных проектов социально-экономического развития России до 2030 г. Автором указывается на парадоксальность отсутствия системных исследований, посвященных экономико-правовым и институциональным аспектам крупномасштабных преобразований в РФ. В этой связи сам формат монографии, по мнению рецензента, представляется перспективным и заслуживающим внимания широкой читательской аудитории. Коллективу авторов ЦНИ ВГУЮ (РПА Минюста России) удалось поставить и решить ключевые проблемные вопросы правового обеспечения реализации. Монография может быть рекомендована государственным и муниципальным служащим, сотрудникам правоохранительных органов и судьям, студентам и преподавателям вузов, а также широкому кругу читательской аудитории.

**Национальные проекты;
социально-экономическое
развитие России;
рецензия на монографию;
экономика и социальная сфера;
законность;
тенденции уголовной политики;
цифровая трансформация;
противодействие коррупции**

Inessa V. BIT-SHABO

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Department of Financial Law, Russian
State University of Justice (Moscow)

inessavita@mail.ru

**National projects;
socio-economic development
of Russia;
review of the monograph;
economy and social sphere;
legality;
trends in criminal policy;
digital transformation;
anti-corruption**

**REVIEW ON THE COLLECTIVE MONOGRAPH
“LEGAL SUPPORT FOR THE IMPLEMENTATION
OF NATIONAL PROJECTS OF SOCIO-ECONOMIC
DEVELOPMENT OF RUSSIA UNTIL 2030” (ED. BY DOCTOR
OF LEGAL SCIENCES, PROFESSOR, HONORED LAWYER
OF THE RUSSIAN FEDERATION V. B. IASTREBOV. MOSCOW:
PROSPEKT, 2021. 206 P.)**

The review gives an objective assessment of the collective work of a group of scientists representing the Center for Scientific Research of All-Russian State University of Justice, the result of the first stage of the cycle of planned fundamental research of legal problems of the implementation of national projects of socio-economic development of Russia until 2030. The author points out the paradoxical lack of systematic studies devoted to the economic, legal and institutional aspects of large-scale transformations in our country. In this regard, the format of the monograph itself, according to the reviewer, seems promising and deserves the attention of a wide readership. The team of authors of the Center for Scientific Research of All-Russian State University of Justice managed to raise and solve key problematic issues of legal support for implementation. The monograph can be recommended for state and municipal employees, law enforcement officers and judges, university students and teachers, as well as for a wide readership.

Рецензируемая монография – очередной коллективный труд группы ученых, представляющих Центр научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), фундаментальные работы которых уже известны широкому кругу читателей [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10, р. 383–388 и др.].

Монография представляет собой результат первого этапа из цикла запланированных фундаментальных исследований правовых проблем реализации национальных проектов социально-экономического развития России.

Парадокс, но системных исследований, посвященных экономико-правовым и институциональным аспектам крупномасштабных преобразований в нашей стране, не так много. В этой связи сам формат монографии представляется перспективным и заслуживающим внимания широкой читательской аудитории.

В первой главе «Системная основа правового обеспечения национальных проектов: взаимосвязь и взаимовлияние права, экономики и социальной сферы» последовательно реализован методологический принцип системности в исследовании сложных по своей природе и структуре общественных отношений. Восхождение от абстрактного к конкретному строится автором данной главы (доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник Центра научных исследований Е. Б. Козлова) на последовательном анализе элементов социального регулирования, формирующих методологическую платформу структурирования национальных проектов, центральное место среди которых, бесспорно, занимает право. Однако правовое обеспечение национальных проектов – это использование многообразия регуляторов общественных отношений в их единстве. Авторский подход Е. Б. Козловой строится на учете системных свойств взаимодействия права и морали, права и экономики, на рассмотрении потенциала концепции «права и экономики», в том числе для решения стратегических и тактических задач претворения национальных проектных целей.

Центральное место в монографии отводится исследованию состояния законности, как фактора, подлежащего учету в практике реализации национальных проектов. Авторы данного раздела (доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра научных исследований, Заслуженный юрист РФ В. Б. Ястребов и кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра правовых и экономических экспертиз В. В. Ястребов) справедливо отмечают необходимость и закономерность проектного управления развитием экономики и социальной сферы современной России. Действительно, именно проектный подход позволяет в полной мере учесть уникаль-

ность, масштабность территориального фактора России, отраслевую и региональную специфику российской экономики, реальные возможности развития ряда отраслей исключительно за счет реализации собственных ресурсов (сельское хозяйство). Заслуживает внимания позиция авторов о необходимости ликвидации материальных и социально-психологических издержек нарушений законности как основного звена системы правового обеспечения реализации национальных проектов (с. 37–39), о важности учета вероятных угроз нормальным условиям реализации национальных проектов от негативного влияния правонарушений (с. 38–39), учета аналитических данных о состоянии преступности, как источника информации, подлежащей учету при корректировке и реализации национальных проектов (с. 43–51).

В плане достижения баланса частных и публичных отношений при проектном управлении, как известно, особую роль играют гражданско-правовые отношения. Именно в этом ключе построена третья глава монографии «Эволюция частного права и его правовых институтов как институциональная основа развития экономики и социальной сферы» (автор – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра научных исследований, заслуженный юрист РФ М. Н. Илюшина). В данном разделе показаны доктринальные вопросы модернизации гражданско-правовых отношений, проблемы применения новых обязательно-правовых механизмов в регулировании корпоративных отношений (с. 81–85). Заслуживает интереса раздел данной главы, посвященный необходимости повышения правовой защищенности участников гражданско-правовых отношений. Действительно, эффективность проектного управления должна выражаться не только в достигнутых экономических показателях, но и в качестве жизни каждого российского гражданина, в правовой защищенности всех участников гражданского оборота (с. 92–101).

Глава 4 «Актуальные тенденции уголовной политики и законодательства Российской Федерации, направленные на формирование благоприятной экономической среды» (автор – кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра научных исследований, доцент кафедры уголовного права и криминологии Е. В. Фоменко) – это развернутый анализ современных тенденций развития уголовной политики и релевантного законодательства. Особый интерес в силу продолжающихся дискуссий о роли конфискации в современной уголовной политике представляет второй параграф данной главы, посвященный современным вопросам правовой регламентации данного феномена. Автором исследована проблема в парадигме государственного управления, общих и специальных подходов и предложений, выраженных в правовых позициях Конституционно-

го Суда РФ, Министерства юстиции РФ, Министерства финансов РФ (с. 110–111). В главе приведены данные правовой статистики, альтернативные позиции ученых по вопросам соотношения карательных мер и мер либерализации уголовной политики, в том числе, в управленческой парадигме реализации национальных проектов (с. 116–128).

Пятая глава монографии «Цифровая трансформация как программное направление развития экономики и социальной сферы страны на современном этапе» посвящена системному анализу федерального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации». Автором (доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра научных исследований З. М. Казачкова) показаны технологические, экономические и социальные детерминанты перехода от этапа цифровизации к этапу полномасштабной цифровой трансформации, ускорение которой – ключевая задача современного проектного управления (с. 129–141). В параграфе, посвященном нормативно-правовому регулированию цифровой трансформации, показаны два направления создания правовой базы: нормативно-правовые основы цифровой инфраструктуры будущих преобразований в рамках национальных проектов до 2030 г., а также вопросы формирования надлежащей правовой среды для «Цифровой трансформации» (с. 141–144). Исследованы новые направления кадровой политики в контексте национальной программы и проекта «Кадры для цифровой экономики» (с. 144–148). Автором проанализированы вопросы финансирования цифровой трансформации, показана роль государства и бизнеса в плане обеспечения достижения технологической независимости России от зарубежных ИТ-продуктов. В этой связи показаны направления совершенствования мер государственной поддержки и налогового стимулирования цифровой трансформации (с. 152–158).

Заключительная глава данной монографии посвящена проблеме противодействия коррупции в системе правового обеспечения национальных проектов (автор – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Ю. А. Кондратьев). Автору удалось убедительно показать, что коррупция представляет реальную угрозу реализации национальных проектов. Интересны

и точны два методологических допущения, введенные автором для аргументации: о том, что уголовная политика государства не исчерпывает содержания антикриминальной политики, включает широкий спектр иных правовых средств; а также императив учета глобальной проблемы воздействия коррупции на экономические отношения (с. 159–160).

На наш взгляд, реализация национальных проектов – это не только хорошо скоординированный ответ нас новые вызовы, но это еще и хорошо просчитанный учет многообразных угроз, рисков, неопределенностей, в том числе, идущих от негативного влияния коррупции. Автором выделены три составляющие коррупционного влияния, лежащие в экономической, социальной и политической плоскостях (с. 164–165); показаны направления совершенствования проектного управления, дан всесторонний анализ современной модели противодействия коррупции в контексте правового обеспечения реализации национальных проектов социально-экономического развития России (с. 191). Следует согласиться с выводами Ю. А. Кондратьева об отказе от штрафа как основного наказания в санкциях статей об ответственности за преступления коррупционной направленности; о возвращении в систему наказаний и санкций «конфискации имущества в качестве дополнительного наказания с одновременной разработкой нормативного правового акта, регламентирующего порядок использования имущества, конфискованного у лиц, признанных виновными в совершении преступлений» (с. 190).

В целом в рецензируемой монографии, открывающей цикл исследований по правовым и институциональным аспектам национальных проектов, показаны основные направления правового обеспечения национальных проектов. Коллективу авторов ЦНИ ВГУЮ (РПА Минюста РФ) удалось поставить и решить ключевые проблемные вопросы правового обеспечения реализации национальных проектов социально-экономического развития России.

Монография может быть рекомендована государственным и муниципальным служащим, сотрудникам правоохранительных органов и судьям, студентам и преподавателям вузов, а также широкому кругу читательской аудитории.

Пристатейный библиографический список

1. Правовая судебная экспертиза : методология и особенности проведения по отдельным категориям дел : монография / Н.Г. Иванов [и др.]. М. ; Саратов : Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) ; Ай Пи Эр Медиа, 2016.
2. Антикоррупционная политика субъектов Российской Федерации : монография / Е. В. Басос [и др.]. М. ; Саратов : Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) ; Ай Пи Эр Медиа, 2017.

3. Антикоррупционное законодательство в сфере государственного управления : проблемы и перспективы : коллективная монография / Е. В. Басос [и др.]. М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2019.
4. *Фоменко Е. В.* Преступления, связанные с подкупом, в российском уголовном праве : монография. М. : Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 2015.
5. *Фоменко Е. В.* Криминализация подкупа : критерии, социальные предпосылки и уголовно-правовая характеристика : монография. М. ; Саратов : Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) ; Ай Пи Эр Медиа, 2017.
6. *Фоменко Е. В.* Коррупционные преступления : история и современность. Основные понятия и виды, направления профилактики : монография. М. : Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 2020.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к разделу III «Общая часть обязательственного права» / под ред. Л. В. Санниковой. М. : Статут, 2016.
8. *Козлова Е. Б.* Договоры в сфере создания объектов недвижимого имущества : монография. М. : РАП, 2012.
9. *Козлова Е. Б., Копыстыринский Е. А.* Комментарий к Федеральному закону «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» (постатейный). 2-е изд. М. : РИОР, 2007.
10. *Kozlova E. B., Gureev V. A., Iliushina M. N., Kazachkova Z. M., Fomenko E. V.* Theoretical Aspects of Anti-Corruption Enlightenment as Factor of System Increase of Efficiency of Activity of Federal Executive Authorities (on the Example of the Federal Bailiff Service of Russia) // *Journal of Environmental Treatment Techniques*. 2019. T. 7 (3).

References

1. *Ivanov N. G. et al.* Legal Forensic Examination: Methodology and Features of Conducting Individual Categories of Cases: Monograph. Moscow; Saratov: All-Russian State University of Justice; IPR Media, 2016.
2. *Basos E. V. et al.* Anti-Corruption Policy of the Subjects of the Russian Federation: Monograph. Moscow; Saratov: All-Russian State University of Justice; IPR Media, 2017.
3. *Basos E. V. et al.* Anti-Corruption Legislation in the Field of Public Administration: Problems and Prospects: Collective Monograph. Moscow; Berlin: Direct-Media, 2019.
4. *Fomenko E. V.* Crimes Related to Bribery in Russian Criminal Law: Monograph. Moscow: All-Russian State University of Justice, 2015.
5. *Fomenko E. V.* Criminalization of Bribery: Criteria, Social Background and Criminal-Legal Characteristic: Monograph. Moscow; Saratov: All-Russian State University of Justice; IPR Media, 2017.
6. *Fomenko E. V.* Corruption Offenses: History and Modernity. Basic Concepts and Types, Directions of Prevention: Monograph. Moscow: All-Russian State University of Justice, 2020.
7. *Sannikova L. V. (ed.)*. The Civil Code of the Russian Federation. Article-by-Article Commentary to Section III "General Part of the Law of Obligations". Moscow: Statut, 2016.
8. *Kozlova E. B.* Contracts in the Field of Creation of Real Estate Objects: Monograph. Moscow: Russian Legal Academy Publ., 2012.
9. *Kozlova E. B., Kopystyrynskiy E. A.* Commentary to the Federal Law "On State Registration of Rights to Immovable Property and Transactions with It" (Article-by-Article). 2nd ed. Moscow: RIOR, 2007.
10. *Kozlova E. B., Gureev V. A., Iliushina M. N., Kazachkova Z. M., Fomenko E. V.* Theoretical Aspects of Anti-Corruption Enlightenment as Factor of System Increase of Efficiency of Activity of Federal Executive Authorities (on the Example of the Federal Bailiff Service of Russia). *Journal of Environmental Treatment Techniques*. 2019. Vol. 7 (3).

**ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА МОНОГРАФИЮ
Е. В. ФОМЕНКО, КАНДИДАТА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК,
ДОЦЕНТА, ВЕДУЩЕГО НАУЧНОГО СОТРУДНИКА
ЦЕНТРА НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ВГУЮ
(РПА МИНЮСТА РОССИИ)**

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-4-127-129>

В рецензии дается всесторонняя оценка монографии Е. В. Фоменко «Коррупционные преступления: история и современность. Основные понятия и виды, направления профилактики», подготовленной при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках реализации научного проекта № 19-011-00729А «Развитие антикоррупционного законодательства в сфере государственного управления» и информационной поддержке справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». В работе рассмотрены возникновение, становление и развитие; общая характеристика коррупционных преступлений, соотношение понятий «коррупция», «коррупционные преступления» и «преступления коррупционной направленности», предложены основные подходы профилактики коррупции и уголовно-правовые механизмы противодействия коррупционным преступлениям. Монография адресована широкой читательской аудитории: студентам, магистрантам и преподавателям юридических вузов, работникам практических органов, интересующимся вопросами профилактики коррупции и противодействия коррупционным преступлениям. Монография может быть рекомендована государственным и муниципальным служащим, сотрудникам правоохранительных органов и судьям, студентам и преподавателям вузов.

**КАЗАЧКОВА
Земфира Мухарбиевна**

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного и финансового права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

zem7900@yandex.ru

**КАМЕНЕВА
Зоряна Викторовна**

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

kameneva_z@mail.ru

**Коррупция;
коррупционные преступления;
преступления коррупционной
направленности;
антикоррупционное
законодательство;
антикоррупционная
экспертиза;
профилактика коррупции**

Zemfira M. KAZACHKOVA

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Department of Administrative and
Financial Law, All-Russian State
University of Justice (Moscow)
zem7900@yandex.ru

**A CIVILISTIC LOOK AT THE MONOGRAPH
BY E. V. FOMENKO, CANDIDATE OF LEGAL SCIENCES,
ASSOCIATE PROFESSOR, LEADING RESEARCHER
OF THE CENTER OF SCIENTIFIC RESEARCH
OF ALL-RUSSIAN STATE UNIVERSITY OF JUSTICE**

Zoriana V. KAMENEVA

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Department of
Civil and Business Law, All-Russian
State University of Justice (Moscow)
kameneva_z@mail.ru

**Corruption;
corruption crimes;
corruption-related crimes;
anti-corruption legislation;
anti-corruption expertise;
prevention of corruption;
review of a monograph**

The review provides a comprehensive assessment of the monograph by E. V. Fomenko, prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the scientific project No. 19-011-00729A "Development of Anti-Corruption Legislation in the Field of Public Administration" and information support of the reference legal system "ConsultantPlus". The work considers the emergence, formation and development; general characteristics of corruption crimes, the ratio of the concepts of "corruption", "corruption crimes" and "corruption-related crimes"; the main approaches to the prevention of corruption and criminal law mechanisms for combating corruption crimes are proposed. The monograph is addressed to a wide readership: students, undergraduates and lecturers of law schools, employees of practical bodies interested in the prevention of corruption and combating corruption crimes. The monograph can be recommended for state and municipal officials, law enforcement officials and judges, students and university professors.

Рецензируемая монография – труд Елены Владимировны Фоменко, на протяжении многих лет неоднократно обращавшейся к данной проблематике [1; 2, с. 35–39; 3, с. 57–62; 4, с. 96–100; 5, с. 64–67; 6, р. 383–388; 7, р. 173–180].

В предисловии к изданию на основе новейших данных правовой статистики автором убедительно доказана актуальность исследования коррупции: ее генезиса, видов преступлений, современных методов противодействия коррупционным проявлениям с целью выработки эффективных мер по профилактике проявлений коррупции и противодействию коррупционным преступлениям (с. 5–8). В первой главе «Генезис и общая характеристика коррупционных преступлений» автор использует классический методологический прием «исторического толкования», ссылаясь на наследие выдающегося русского криминолога Н. С. Таганцева (с. 9). В первом параграфе первой главы на основе обширной библиографической базы исследованы вопросы генезиса коррупционных преступлений, их интерпретации в многообразных источниках, представляющих различные хронологические периоды в становлении и развитии российской и советской государственности.

Автор фиксирует, что впервые на Руси ограничение на взятки ввел еще царь Иван III, который запретил давать посулы судьям, о чем было велено известить во всех городах Московской и Новгородской земель; обращается к указу об отмене кормления Иван I; отсылает к работе ученого – криминолога А. И. Кирпичникова «Взятка и коррупция в России», глубоко исследовавшего идейные и гносеологические основания Соборного уложения, законодательно запретившего посулы судьям (с. 9–10). Краткий авторский историко-правовой экскурс позволил автору не только восстановить ретроспективу допетровской эпохи в контексте возникновения исторически первых правовых средств борьбы со взяточничеством, но и заинтересовать читателя: а что же дальше, почему столь живуче это зло?

Показано значение Указа Петра I «О воспрещении взяток и посулов и о наказании за оное», в том числе, в контексте ужесточения наказаний, использования морального осуждения «исключением из числа добропорядочных людей, вплоть до смертной казни» (с. 11); прослежены и институциональные изменения, в том числе введение должности фискалов.

Автор, исследуя генезис коррупционных преступлений, шаг за шагом доказывает истину, что в данной истории важна идея прогресса в борьбе с этим злом, важен каждый штрих, рожденный законодательной историей противодействия коррупции. В этой связи отметим интересный фрагмент работы, посвященный характеристике Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., которое сохраняло свою силу закона вплоть до революции 1917 г.

В этом же мировоззренческом ключе построены суждения автора относительно оценок советского периода в контексте исследуемой темы. Показано, что впервые понятие взяточничества в официальных документах советского периода появилось в декрете СНК от 8 мая 1918 г. «О взяточничестве», который явился одним из основных законодательных документов в сфере борьбы с должностными преступлениями до принятия Уголовного кодекса 1922 г.; справедливо отмечено, что никакие другие виды служебных преступлений не получили столь детальной проработки и законодательного закрепления, как взяточничество (с. 18).

Революция уголовного права в первые послереволюционные десятилетия, как следует из книги Е. В. Фоменко, состояла в совершенствовании уголовно-правовых средств для борьбы с этим социальным злом.

Особенностью авторского стиля является внимание как к важнейшим событиям, юридическим мероприятиям, так и к деталям, обращение к классическим и современным трудам российских и советских криминологов, к наследию выдающихся представителей науки уголовного права.

Монография посвящена светлой памяти Льва Давидовича Гаухмана, чьей ученицей является Е. В. Фоменко. И это не просто посвящение, а следование духу и букве научной школы выдающегося исследователя, который понимал коррупцию по меньшей мере в четырех аспектах: общесоциальном, политэкономическом, криминологическом и уголовно-правовом. Именно в этом методологическом ключе построено исследование российского этапа становления и развития правовых основ противодействия коррупции и в монографии Е. В. Фоменко.

Автору, на наш взгляд, удалось всесторонне исследовать юридическую грамматику правовых средств противодействия коррупции, сформировать современный понятийный и категориальный аппарат, выраженный в понятиях «коррупция», «коррупционное преступление» и «преступление коррупционной направленности», обозначить их виды, отразить их соотношение.

Такой основательный методологический фундамент позволил автору в дальнейшем сформулировать и дать содержательную характеристику основным направлениям уголовной политики в сфере противодействия коррупционным преступлениям и профилактики коррупции (с. 46–91), показать современные уголовно-правовые механизмы противодействия коррупционным преступлениям и основные направления профилактики коррупции в России (с. 46–61); проанализировать антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов и их проектов в качестве одного из приоритетных направлений профилактики коррупции (с. 61–83).

Автор совершенно верно формулирует вывод из проведенного исследования, состоящий в том, что «одними из приоритетных направлений в профилактике коррупции в России является участие в данном процессе представителей гражданского общества, основа которого – обратная связь государства с гражданским обществом, а также проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов, что позволяет эффективно избавлять современное законодательство от коррупционных рисков» (с. 61).

Авторский стиль Елены Владимировны Фоменко – стиль просвещенного и ищущего исследователя, владеющего культурой изложения материала, неукоснительно соблюдающего нормы авторского права.

Монография может быть адресована широкому кругу читателей: студентам, магистрам, аспирантам, преподавательскому сообществу, государственным и муниципальным служащим, работникам правоохранительной сферы, судьям.

Пристатейный библиографический список

1. Антикоррупционное законодательство в сфере государственного управления : проблемы и перспективы : коллективная монография / Е. В. Басос [и др.]. М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2019.
2. Фоменко Е. В. К вопросу о семантике преступлений, связанных с подкупом, и их месте среди преступлений коррупционной направленности // Российский следователь. 2018. № 6.
3. Фоменко Е. В. Подкуп : криминологический портрет и отдельные основания криминализации // Вестник Российской правовой академии. 2017. № 3.
4. Фоменко Е. В. Понятие преступлений, связанных с подкупом // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2014. № 1 (32).
5. Фоменко Е. В. Вопросы законодательного закрепления и квалификации посредничества во взяточничестве // Евразийская адвокатура. 2014. № 5 (12).
6. Kozlova E. B., Gureev V. A., Iliushina M. N., Kazachkova Z. M., Fomenko E. V. Theoretical Aspects of Anti-Corruption Enlightenment as Factor of System Increase of Efficiency of Activity of Federal Executive Authorities (on the Example of the Federal Bailiff Service of Russia) // Journal of Environmental Treatment Techniques. 2019. T. 7 (3).
7. Fomenko E. V., Iliushina M. N., Kazachkova Z. M., Svirin Iu. A., Kozlova E. B. Anti-Corruption Expertise of Regulatory Legal Acts and Their Projects in the Russian Federation // Laplage em Revista (International). 2021. Vol. 7 (2).

References

1. Basos E. V. et al. Anti-Corruption Legislation in the Field of Public Administration: Problems and Prospects: Collective Monograph. Moscow; Berlin: Direct-Media, 2019.
2. Fomenko E. V. On the Semantics of Crimes Related to Bribery and Their Place Among Corruption-Related Crimes. *Russian Investigator*. 2018. No. 6.
3. Fomenko E. V. Bribery: Criminological Portrait and Separate Grounds of Criminalization. *Bulletin of the Russian Legal Academy*. 2017. No. 3.
4. Fomenko E. V. The Concept of Crimes Related to Bribery. *Scientific Works of the Russian Academy of Advocacy and Notary*. 2014. No. 1 (32).
5. Fomenko E. V. Issues of Legislative Consolidation and Qualification of Mediation in Bribery. *Eurasian Advocacy*. 2014. No. 5 (12).
6. Kozlova E. B., Gureev V. A., Iliushina M. N., Kazachkova Z. M., Fomenko E. V. Theoretical Aspects of Anti-Corruption Enlightenment as Factor of System Increase of Efficiency of Activity of Federal Executive Authorities (on the Example of the Federal Bailiff Service of Russia). *Journal of Environmental Treatment Techniques*. 2019. Vol. 7 (3).
7. Fomenko E. V., Iliushina M. N., Kazachkova Z. M., Svirin Iu. A., Kozlova E. B. Anti-Corruption Expertise of Regulatory Legal Acts and Their Projects in the Russian Federation. *Laplage em Revista (International)*. 2021. Vol. 7 (2).

СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В ИЗДАНИИ

ВАДА – Всемирное антидопинговое агентство

ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет

ГАИ – Госавтоинспекция

ДТП – дорожно-транспортное происшествие

МВД – Министерство внутренних дел

МИД России – Министерство иностранных дел Российской Федерации

Минфин России – Министерство финансов Российской Федерации

Минюст России – Министерство юстиции Российской Федерации

млн – миллион (-ы)

МЧС России – Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий

НАТО – Организация Североатлантического договора

НКЮ – Народный комиссариат юстиции

ОВД – органы внутренних дел

ООН – Организация Объединенных Наций

п. – пункт (-ы)

Рособрнадзор – Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки

Роспотребнадзор – Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека

Росреестр – Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии

РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

РФ – Российская Федерация

СЗ – Собрание законодательства

СНК – Совет народных комиссаров

ст. – статья (-и)

СУ – Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства

США – Соединенные Штаты Америки

УИС – уголовно-исполнительная система

ч. – часть (-и)

ЮАР – Южно-Африканская Республика

ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К РУКОПИСЯМ, НАПРАВЛЯЕМЫМ В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ АКАДЕМИИ»

Редакция журнала «Вестник Российской правовой академии» (далее — Вестник РПА, журнал) принимает к рассмотрению рукописи статей при условии:

- соблюдения требований, предъявляемых к рукописям, направляемым в редакцию журнала;
- соответствия представленных материалов общей тематике журнала и его рубрикации;
- соблюдения публикационной этики, правил приема и рецензирования рукописей статей.

Рукопись статьи должна содержать обоснование актуальности, научную новизну, оригинальность, апелляцию к оппонентам, наличие дискуссии, выводы, отражающие основные результаты проведенного исследования. Стиль статьи должен соответствовать требованиям, предъявляемым к научным работам, не являться публицистическим. Автору следует избегать использования цитат из популярных журналов и газет, ссылок на высказывания по телевидению. Ссылки на интернет-источники должны соответствовать ГОСТ.

Рукопись статьи не должна содержать выдержки из диссертаций, монографий, учебной литературы, иных научных и учебно-методических работ. Не принимаются материалы, опубликованные ранее в других изданиях, в том числе самим автором рукописи. В случае направления рукописи статьи одновременно в редакции нескольких изданий автор обязан известить об этом ответственного секретаря журнала Вестник РПА.

Тексты статей принимаются исключительно в случае, если они соответствуют следующим техническим требованиям:

- объем – не менее 12 страниц формата А4;
- шрифт – Times New Roman, кегль 14;
- междустрочный интервал – 1,5;
- поля – по 2 см со всех сторон;
- абзацный отступ – 1 см;
- все аббревиатуры и сокращения расшифрованы при первом их употреблении в тексте;
- ссылки затекстовые в виде нумерованного пристатейного списка, в тексте использовать квадратные скобки с указанием номера издания и страницы (например, [1, с. 5]);
- в рукописи допускается размещение рисунков и таблиц. Рисунки и таблицы выполняются на отдельных листах.

Для рисунков необходимо использовать черный краситель, фотографии не глянцевать. Электронные версии рисунков и фотографий подготавливаются в редакторах Photoshop (*.tif, *.jpg, *.psd, разрешение 600 dpi) или InDesign — отдельными файлами на одну иллюстрацию с приложением их распечаток. Электронная версия текста, таблиц и формул дается в формате RTF.

Автор в обязательном порядке должен представить на русском и английском языках следующие сведения:

- фамилию, имя (полностью), отчество (полностью), ученую степень, ученое звание, почетное звание, должность (полностью, без сокращений и аббревиатур), основное место работы (учебы), e-mail, город, корреспондентскую контактную информацию (почтовый адрес для связи с научной общественностью, который может быть размещен в открытом доступе), контактные телефоны;
- название статьи;
- аннотацию статьи;
- ключевые слова статьи;
- пристатейный библиографический список, составленный согласно действующим национальным и международным стандартам.

Объем аннотации от 1000 печатных знаков. Аннотация должна содержать актуальность, предмет, цель работы, методологию проведенного исследования; отражать основное содержание и новизну статьи, основные результаты; область их применения, выводы. Аннотация и ключевые слова должны соответствовать теме статьи и ее содержанию.

Редакционная коллегия журнала осуществляет проверку текста статьи с помощью системы «Антиплагиат». Оригинальность текста должна составлять не менее 60 %. Остальные 40 % текста могут составлять надлежащим образом оформленные цитаты из литературных и иных источников, выдержки из законодательства, а также научные клише, стандартно используемые в публикациях подобного рода.

Материалы, не соответствующие указанным требованиям, не рассматриваются. Рукописи и направленные с ними иные материалы авторам не возвращаются.

Более подробная информация представлена на сайте журнала: <http://journal.rpa-mu.ru>.

**ВЕСТНИК
РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ АКАДЕМИИ**

Научно-практический журнал
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)

№ 4 / 2021

Редактор: *О.В. Виноградова*
Дизайн обложки: *Ю.С. Соколова, А.А. Нехай*

Подписано к печати 28.01.2022. Формат 60x90 1/8. Печ. л. 16,5.
Бумага офсетная, шрифт Muirad Pro.
Заказ №

Адрес редакции:
121096, г. Москва, ул. Олеко Дундича, д. 11
Тел.: +7 (499) 963-01-01 доб. 6025.
E-mail: journal@rpa-mjust.ru
www.journal.rpa-mu.ru

Издатель:
ООО «Издательство «Деловой стиль»
119330, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Раменки,
Мичуринский пр., дом 6, корп. 1, кв. 39
Тел.: +7 (495) 649-18-06
E-mail: o.leporskiy@ds-publishing.ru

Типография:
АО «Т 8 Издательские Технологии»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5.
Тел.: +7 (499) 322-38-30, +7 (499) 322-38-32.
E-mail: info@T8print.ru
www.t8print.ru

ISSN 2072-9936

9 772072 993603